

АНДРЕЙ МАРТЬЯНОВ

НАСЛЕДНИК
ЭЛЕНДИЛА

АНДРЕЙ
МАРТЬЯНОВ

НАСЛЕДНИК ЭЛЕНДИЛА

ЗАКЛЯТЫЕ
ИРЫ

АНДРЕЙ МАРТЬЯНОВ

НАСЛЕДНИК ЭЛЕНДИЛА

акт
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА
2005

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М29

Серия «Заклятые миры» основана в 1997 году

Серийное оформление А.Л. Кудрявцева

Авторские права защищены

*Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.*

Подписано в печать 20.10.04. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5 000 экз. Заказ № 2798.

Мартынов, А.

М29 Наследник Элендила : [роман] / Андрей Мартынов. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2005. — 373, [11] с. — (Заклятые миры).

ISBN 5-17-022079-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-184-9 («Северо-Запад Прес»)

Всеподданная Арды не исчезла бесследно со временем эпохи, и следы ее можно отыскать повсюду. Герою романа «Наследник Элендила», монаху Целестину, предстоит убедиться в этом на собственном опыте, когда он поневоле свидет знакомство с викингами-язычниками, ближе узнает их мир, обычай и легенды.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© «Северо-Запад Прес», подготовка текста, 2004
© Серийное оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2005

О РОМАНЕ АНДРЕЯ МАРТЬЯНОВА

Эту замечательную книгу у меня «зачитывали» дважды. Ни с одним романом-fantasy из моей домашней библиотеки не случалось подобного. И чем прискорбнее этот факт для владельца книги, тем отраднее он для автора. «Звезда Запада» — это не просто талантливо написанный роман. Это роман, в котором ярко проявились черты того литературного направления, которое можно назвать «русским fantasy».

Собственно говоря, что такое «fantasy»? Сказки для взрослых? Гоголевский «Вий» — это fantasy или нет? А «Трудно быть богом» Стругацких? — да, конечно, там нет ничего сверхъестественного... только почему-то поклонники fantasy провели столько ролевых игр по этой книге, что их число уступает только «Властелину Колец» (ну, может быть, еще «Саге о Копье»)?

Не возьмусь судить о fantasy в целом (это потребовало бы отдельной статьи), но попробую наметить наиболее существенные черты именно русской вариации этого жанра.

Наше поколение, поколение тех, кому сейчас около тридцати, выросло изголодавшимся по сказке.

Мы хотели... чего-то такого, чему сами не могли найти названия, мы чувствовали, что оно рядом... но не знали, где искать. Мы не собирались бежать от реальности в другой мир, мы искали недостающей крупицы в мире, окружавшем нас. Но — единственной альтернативой «литературе» на производственную и политическую тему были фантастика и исторический роман. Да еще чтение ксерокса «Мастера и Маргариты», взятого на одну ночь.

Собственно, такими же были и предыдущие поколения, но именно нам — повезло. Решительные перемены в государственной идеологии пришли не просто на наше время — они пришли на нашу юность. Мы были достаточно молоды, чтобы книги Толкина, Желязны, Ле Гуин стали для нас не просто литературой, а несравненно большим; но мы были достаточно взрослыми, чтобы для нас это событие стало сродни чуду, а не обыденной данностью, как для тех, кто моложе нас на десять-пятнадцать лет.

Мы были (да и остаемся, наверное) пограничным поколением. Система, давившая на нас (давившая на всех!), рухнула именно тогда, когда мы были «юношами со взором горящим», жаждущими нисровергать, преобразовывать и воздвигать. Мы не могли принять мир, разделенный на Добро и Зло (кем бы этот мир ни был сотворен), потому что абсолютная правота Добра нами немедленно воспринималась как очередной аналог Программы Партии. Восхищаясь «Властелином Колец» Толкина, мы решительно перетолковывали (да простится каламбур) «Сильмарилион»: заложенную в нем концепцию «правитель всегда прав» мы не могли принять! Не всех это превращало в «темных», но подобные мысли мелькали у большинства моих тогдашних друзей.

Другим властителем дум в начале девяностых был Желязны, точнее, его «Хроники Амбера». Мир, отделенный от наших будней не «абсолютной эпической дистанцией», как Средиземье Толкина, а — всего лишь ближайшим поворотом. Мир, где категории Добра и Зла кажутся вообще неуместными. В мир Желязны не играли — в нем просто жили¹.

Стараниями издательства «Северо-Запад» и его многим памятной желто-синей серии книг fantasy рухнула стена, подобная Берлинской, — стена между миром будничным и миром волшебным. Наше поколение устремилось в желанную Страну Чудес, но, ворвавшись туда, заговорило с сильнейшим русским акцентом.

При всей нашей тяге к сверхъестественному мы были воспитаны на русской классике. Мы привыкли к тому, что в большом романе обязательно должна быть «мысль народная» или, на худой конец, «мысль семейная». Кроме того, мы еще больше привыкли, что основное действие состоит не в поступках героев, а в том, что происходит в их душе. В этом — одна из причин триумфального успеха «Властелина Колец»: для воспитанных на «Войне и мире» и жаждущих чуда лучшего чтения придумать нельзя.

Всего пару лет — и в движение пришел маховик уже русского fantasy. Миры отечественных авторов (понапочалу прятавшихся под иностранными псевдонимами) были ничуть не менее впечатляющи, чем «миротворцев» англоязычных, но фальшивого иностранца часто удавалось

1

Я нарочно воздерживаюсь от оценок этих книг — в данном случае они нас интересуют не как факт литературы, а как факт культуры. С художественной точки зрения Толкин и Желязны мне представляются несопоставимыми.

распознать по гораздо более глубокой проблематике книге и психологизму. Назовись хоть Цинь Ши-хуаном, но если ты читал Толстого и Достоевского, то этого не скрыть.

И еще одно отличает авторов этого поколения. На наших глазах политически непримиримые системы перестали быть врагами — и это, раз врезавшись в сознание подростка (максимум — юноши), осталось на всегда. И вошло в книги. Самым ярким примером можно назвать «Бездну Голодных Глаз» Олди. Посчитайте на досуге, сколько раз там представители *арагори* враждующих сторон становятся союзниками, а то и друзьями. (Я к концу первого десятка со счета сбилась...)

Одним словом, русское *fantasy* — это не просто сказочно-приключенческий сюжет, но (у лучших авторов) еще и попытка «мысль разрешить», это категорическое не-приятие любой системы, провозглашающей себя абсолютным Добром, это глубокий, тщательно прописанный психологизм (кстати, как у героев-людей, так и у не-людей), это попытка снятия «борьбы противоположностей», что отнюдь не означает сведение противоположностей к пресловутому «единству».

Все это вполне относится к роману «Звезда Запада», который (вспоминая очень *среднюю* школу) так и хочется назвать «типическим представителем». Добавлю: типическим и одним из лучших представителей этого литературного направления.

* * *

О чем этот роман? «Мифологическая чехарда»? — тут тебе и христианин, и скандинавские боги, и

штуки три кельтских, и парочка египетских промелькнула. Или это просто очередной «quest»? — узнали о сокровище, пошли за ним, десять раз чуть не погибли, наконец добыли и домой воротились. Или этот роман отнести к разряду юмористических? — поскольку автор то и дело заставляет нас хохотать до упаду.

Все это в «Звезде Запада» есть. Но это ли в ней главное? Посмотрим на сюжет внимательно.

Отец Целестин, монах-путешественник, попадает в плен к норманнам, но благодаря своему искусству лекаря он обретает свободу и приезжает в норвежский поселок как гость и друг. И хотя из всего поселка ему удается крестить одну лишь Сигню (да и ту тайно), но варвары-язычники и святой отец отлично ладят. А потом выясняется, что норвежцы хранят тайно знание о Атлгарде, подозрительно напоминающем Атлантиду, и Едином Боге. Дальше — больше: носителями того же знания сначала оказываются аухи-айфар, а затем — сами скандинавские боги. Конечно, сначала только смешно, когда автор выдает следующий пассаж: «Он долго молился, вознося к престолу Всевышнего просьбы о спасении своей души, ибо, как считал отец Целестин, сейчас это самое «спасение» находилось под большим сомнением из-за возникшего перед ним неразрешимого философского вопроса: «Как я могу не верить в языческих богов, если я знаю, что они есть?». Но дело оказывается гораздо серьезнее. «А будь люди Хейдрека христианами, Господь не допустил бы...

— А нехристиане что, не люди? — зло огрызнулся Торин. — Или им защита Единого не нужна? Да ну тебя!..».

Вопрос, честно говоря, настолько непростой, что едва ли на него можно дать однозначный ответ.

Чувствуется, что роман написан не просто христианином, но человеком глубоко знающим Святое Писание. В литературе fantasy не редкость, чтобы убежденный христианин вводил в число героев своей книги языческих богов — но тогда «погримление» их на страницах книги просто предопределено. Роман Андрея Мартынова — одно из редких исключений. Локи, Один и другие скандинавские боги и божества выглядят как живые (и описаны с детальным знанием «Эддьи»), что не мешает им рассуждать о Едином как о само собой разумеющемся (пожалуй, богам о Боге и впрямь известно больше, чем людям). Автор как бы показывает мир с точки зрения обеих религий, но он не сталкивается эти взгляды, а ищет точки соприкосновения между ними, ищет общее между традиционно непримиримым.

Русское fantasy, и этим все сказано!

Так «Звезда Запада» из романа приключенческого незаметно превращается в роман о философско-религиозных исканиях. Идейной кульминацией оказываются такие рассуждения: «Не столь давно на одном из привалов отец Целестин пролистал псалтырь... и наткнулся на один из псалмов, на который ранее не обращал внимания, считая, что сей текст мало его касается. Теперь же все происходящее получило для него лишнее подтверждение из источника, которому монах доверял безгранично на протяжении всей своей жизни. Восемьдесят первый псалом начинался словами: «Бог встал в сонме богов; среди богов произнес суд». Отец Целестин, прочтя эту фразу, едва не поперхнулся. Значит, и Библия признает существование тех, кого смертные именуют богами. Вот оно, лишнее свидетельство того, что существование духов Олимпа, Асгарда, пантеона кельтов или индов не вымыслено, что встречи с

Одном или Тором не являются наваждением большого рассудка либо же сном! Доказательство того, что мифы народов языческих имеют под собой не менее твердую почву, чем Вера Истинная!». Такая позиция автора не может не вызывать уважения.

Эти два слоя — философский и приключенческий — настолько тесно переплетаются в романе, что один невозможен без другого. При этом философские рассуждения включены в текст аккуратно и ненавязчиво, а приключения оказываются одновременно описанием пути духовного роста героев — христианский монах принимает и осмысливает факт существования языческих богов, а норманны начинают верить в Единого, раз слышат о Нем не только от отца Целестина, но и от самого Одина.

При всей серьезности поставленных в книге проблем, «Звезду Запада» меньше всего тянет называть религиозно-философским романом — хотя бы потому, что о многих чрезвычайно серьезных вещах говорится с юмором.

Юмор в романе весьма своеобразен — это не пустое балагурство, но умение сочетать в одном пассаже возыщенное и смешное, а иногда и трагическое. Вот несколько примеров. «Как-то раз, месяцев через восемь после плена, тонкая душа Целестина-художника не выдержала того, что над кораблем, на котором он путешествует, полощется обычный белый (если быть точным — серый) парус без всяких приятных глазу и возвышающих дух изображений. И вот... в руки дружины Эльгара помимо прочей добычи попали кувшины с красками. Хемунд, будучи уверен, что в кувшине вино, опрокинул содержимое себе в рот, после чего его борода надолго приобрела мерзкий,

фиолетовый с просинью, цвет». И далее: «Уже убили Хемунда — датчанин рассек ему лоб. Отец Целестин успел подумать, что синяя краска с его роскошной бороды так и не успела отойти». Так, в лучших традициях шекспировского Могильщика автор неразрывно переплетает *смерть и смех*.

Впрочем, еще чаще роман Андрея Мартынова заставляет вспомнить не Шекспира, а Рабле — при всей серьезности осмысления христианства автор постоянно иронизирует, смешивая сакральное с профанным: «Для собственного удовольствия и во спасение души по воскресеньям мессы да обедни отслуживал, распевая приятным баритоном псалмы так, что все собаки в Вадхейме дружно ему подывивали», «у Торина состоялся с отцом Целестином напряженный религиозный диспут, в течение коего святому отцу пришлось услышать о себе немало нового и признать, что в искусстве стихосложения язычник-викинг, пожалуй, не уступит и великим греческим поэтам. Правда, даже сии схизматики, от коих самого Бога тошнит, никогда не употребляли сразу столько богомерзких выражений. В конце концов оба спорщика призвали на головы друг друга проклятия своих богов, после чего отец Целестин откупорил кувшин с вином, и просидели они с конунгом в домике монаха до утра. О чем велась беседа, неизвестно, а Видгнир, нахально подслушавший под дверью, мог разобрать только отдельные фразы, среди которых наиболее частыми были уверения во взаимном уважении». «Шестнадцать лет от роду Сигню была крещена... Отец Целестин... первую свою победу над норманнским язычеством в миссионерском деле праздновал три дня... Некоторые утверждали, что все это время над домом монаха висело зеленое облако винных испарений. В хронике Вадхейма появилась о сем при-

мечательном событии (крещении, понятно, а не о том, что за ним последовало) запись на латыни». Один из самых возвышенных моментов — герои видят духов-айфар — обрываются неожиданным образом: «большая и мягкая кочка, где столь уютно устроился святой отец, на поверхку оказалась громадным муравейником, обитатели которого выразили свое возмущение тем, что беспощадно искусали соглядатая за филейные части. Последствием сих мученических во-плей явилось мгновенное исчезновение призрачных теней».

Тонким литературным приемом Андрея Мартынова является комичность не столько ситуаций, сколько описаний их. В частности, сознательная разностильность, употребление советских канцеляризмов в самых неожиданных ситуациях. Так, о Торине, родившемся слабым, говорится: «Как-никак, в переводе на цивилизованные языки «Горин» означает «отважный». Выжил, вырос и оправдал высокое доверие папаши». «Отец Целестин, интересовавшийся местными легендами... попытался поподробнее разузнать об этом камне... Но плоды усилий на ниве краеведения оказались прискорбно малы».

Или, например: «Конунгу удалось растормошить его без каких-либо последствий для своего здоровья.

— Спаси нас, Господи, от ярости норманнов!! — возопил отец Целестин, всплывая из-под мехового одеяла аки кит из волн морских». Подобных примеров можно привести множество.

Автор хорошо чувствует мифологию и совершенно правильно употребляет не только эддические образы, но и некоторые универсальные мифологемы. Так, с филигранной точностью введен в крошечный эпизод образ

кельтской богини лошадей Эпоны. Когда валькирия призывает кельтскую богиню, то сначала это кажется ошибкой — смешение пантеонов, но потом выясняется, что это сознательный прием: «Он припомнил все, что когда-либо слышал о таинственной древней богине... отец Целестин считал, что ее время давно ушло: Эпона входила еще в римский пантеон богов, а сами древние римляне переняли манеру ей поклоняться у сгинувших ныне кельтов, почти сразу же после Рождества Христова. Монах видел в Италии остатки ее культа — почему-то на редкость стойкого: несмотря на то что богов Олимпа римляне прочно забыли, изображения Эпоны присутствовали почти во всех конюшнях, и даже в обители святого Элеутерия, на балке, поддерживающей потолок, какой-то некристь нарисовал кельтскую богиню именно в том виде, в котором она предстала сейчас перед отцом Целестином, — стоящей меж двух лошадей... Да и викинги тоже помнили Мать Лошадей, пускай ее имя почти не встречалось в сагах и эпосах.

Эпона просто была. Независимо от богов норманнов, римлян или других народов. Просто была. И может быть, Матери Лошадей люди поклонялись еще до того, как появились боги самых-самых древних египтян или ашурцев. И сейчас она ответила на призыв дальних потомков тех людей, которые пасли свои табуны на заре мира...». Что на это может сказать ученый? Что действительно образ богини (Богини!), ведущей двух зверей (в том числе и лошадей) — один из древнейших в человеческой культуре и насчитывает никак не меньше девяти тысячелетий¹.

¹ Голан А. Миф и символ. М, Иерусалим. 1994. С. 161-162,
см. также рис. 354.

Очень радует правильное распределение понятий «тьма» и «мрак», где именно мрак оказывается силой, враждебной абсолютно всему, синонимом небытия — русское слово «мрак» этимологически (по происхождению) родственно слову «смерть» и обозначениям Нижнего мира — «ноhra», «море». Слово «тьма», напротив, происходит от тюркского «тумен», «десять тысяч» — и тем самым обозначает неисчислимое множество вариантов, но никак не отсутствие бытия.

Однако есть в романе и серьезный недостаток. Чем дальше разворачивается сюжет, тем менее убедительным кажется поведение Черного Дракона Нидхегга, завладевшего некогда Чашей Сил: изначально он выступает как враг рода Элидинга (хотя Дракону известно, что Чаша обретает силу только в руках человека из этого рода), в начале романа он устраивает страшную охоту за главными героями, а потом, стремительно одумавшись, предлагает им дружбу и действительно помогает им. Хотя автор пытается мотивировать столь резкие перемены в поведении Нидхегга, это не выглядит достоверным на фоне тщательно прописанной психологии других героев, люди они или нет.

К сожалению, этим число неувязок не исчерпывается. Скоропостижные изменения в характере Нидхегга объясняются тем, что он боится, что духи Огненных Болот и Полей Мрака соединятся — и произойдет чудовищный катаклизм. Несмотря на все усилия, это действительно случается, однако духи Мрака и Огня пожирают друг друга, так что от героев в данном случае вообще ничего не потребовалось. Этот эпизод вызывает самую большую досаду, поскольку лишает мотивации практически всю вторую часть романа.

Подобные композиционные ошибки, к сожалению, свойственны многим многоходовым повествованиям, где тщательно прописан крупный план, но из-за этого недостаточно проработан общий.

Возвращаясь к крупному плану и к достоинствам этой книги, хочется отметить фактографическую точность исторических описаний. Автор прекрасно знает древнескандинавский быт; особенно подкупает вкрапление отдельных фраз на стародатском или древневерхненемецком.

И, наконец, главное. Сквозь все языческие и христианские, серьезные и приключенческие перипетии сюжета вдруг возникают какие-то странные ассоциации, не имеющие отношения к Скандинавии. «Они сохранили какое-то давнее (страшно подумать — древнее и серьезнее Ветхого и Нового Завета) и очень смутное предание о странных делах и событиях, происходивших в этих местах и южнее в совсем уж незапамятные времена. Говорили о том, что тогда и Балтийского моря еще не было, и Британия не стала островом, и Европа была единой землей, на которой жили странные народы, давно сгинувшие. Куда? Что за народы? Откуда эти легенды, слишком складные для того, чтобы быть просто сказками, возникшими зимним вечером у очага?

Отец Целестин в молодости читал список с Платона о погибшей в волнах моря земле. Но откуда эти норманы знают о ней и называют ее похоже — Атланти или, на северный лад, Атала́рд? Они же не читали Платона! Они вообще читать не умеют!. Миф об Атлантиде — это понятно, но... тут читатель недоумевает сильнее отца Целестина — при чем тут упоминание о том, что Британия не была островом? Это уже не Платон, это «из другой сказ-

ки». И вот из этого самой «другой сказки» приходят переиначенные, но донельзя знакомые имена и образы. Эйра (Эру) Единый, род Элидинга, да и все миры, упомянутые в романе, носят имена, сводимые к понятию «Срединная Земля» — Мидгард, Мидденгард, Междумирье (первый термин взят из «Эдды», но не два других). Ассоциации со Средиземьем Толкина становятся все сильнее, и появление воителя Эйреми окончательно убеждает: это не случайное совпадение, а ряд сознательных намеков. «Всадник на огромном белоснежном коне, сиявшем во мгле перед рассветом ярким серебром.

Белый плащ вьется по ветру, драгоценный доспех бросает блики, волосы подобны расплавленному золоту; лицо грозен, но в серых, как летняя тень над водопадом, глазах радость и сострадание, гнев и милость.

И тут грянул глас его:

— Живите! Давно я не приходил по такой просьбе в Мидгард, но что сделано, то сделано, пусть и пошел я против воли других Сил. Помните, люди рода Элиндинга, об этом дне, и искупите мою вину перед Эйра и Силами делами своими. Я сказал — вы слышали.

Вновь поднес всадник к губам рог и вострубил, и дрогнула земля под копытами коня. Полыхнула звезда на западе, Эйреми развернул скакуна, и тот, взвившись в воздух, помчался по звездному лучу, что начал истончаться и меркнуть. В последний миг отец Целестин увидел, как словно разорвалось небо над океаном и Великий Дух исчез в образовавшемся проеме. И еще глаз монаха различил появившиеся на мгновение башни и купола какого-то города, перед которым померкли бы и Рим, и Багдад, и Константинополь...

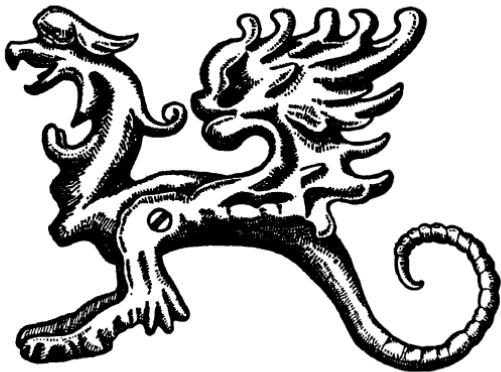

Или чудилось все святому отцу?».

Что ж, как не почудилось отцу Целестину, так и не почудилось читателям — в романе историческая Скандинавия оказывается соединенной с Эндорэ, Средиземьем. И тем радостнее было узнать, что роман изначально и задумывался как повествование о потомке Элендила.

Сейчас, ожидая выхода в свет восстановленного варианта первоначального сюжета, нетерпеливо ожидаешь раскрытия недомолвок — но одновременно испытываешь страх: сможет ли «Потомок Элендила» удержаться на уровне «Звезды Запада» по своей философской насыщенности?

А.Л. Баркова,
кандидат филологических наук,
доцент

ОТ АВТОРА

Вся эта история началась восемь с половиной лет назад, 23 января 1995 года — по крайней мере, на первой тетради в клеточку объемом в сорок восемь листов стоит именно эта дата. Должен заметить, что вся «Звезда Запада» (ныне публикующаяся под исходным наименованием «Наследник Элендила») от первой страницы до последней, представляет из себя рукопись, написанную обычной шариковой ручкой — семь аналогичных тетрадей. Пищущей машинки у меня не было, домашние компьютеры в те времена были сравнительной редкостью, так что пришлось *год и девять месяцев* заносить историю отца Целестина на бумагу — сущая каторга! В качестве примера скажу, что в нынешние времена я могу написать роман аналогичного объема примерно за пятьдесят-шестьдесят дней.

Виновников появления на свет этого романа несколько. Если мне не изменяет память, то первую рукописную байку про монаха, волей случая очутившегося среди злобных норманнов, вызвала к жизни обширная статья про древних скандинавов напечатанная в журнале «Вокруг Света». Потом мне в руки попались только что выпущенные «Терра-Азбукой» исторические романы М. Се-

меновой — «Валькирия» и «Лебединая дорога», что только подогрело интерес. Ну, а дальше пошло-поехало! Много месяцев подряд вашего покорнейшего слугу можно было видеть сидящим за столом, заваленным огромным количеством справочных материалов и книг, от «Старшей Эдды» и «Хеймскринглы» Снорри Стурлуссона, до «Мифологического словаря» и «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкина. Роман постепенно рождался.

Как-то меня спросили: «Вы точно знаете, когда садитесь писать текст, что будет происходить на страницах книги и чем она кончится?» Ответил я честно: *нет!* Когда была готова первая глава «Звезды» я даже отдаленно не представлял, что там будет твориться дальше и в какой переплет попадут герои впоследствии. Мало того, когда роман был закончен на три четверти и герои уже почти перешли из точки А в точку В, для выполнения quest'a (а «Звезды» все-таки является собой классический образец «романа-похода», сиречь по схеме — «пойди туда, не знаю куда, соверши подвиг, вернись обратно»), ни я, ни люди мне помогавшие в наборе уже готовой рукописи на компьютере, не имели ни малейшего понятия, чем все кончится. Это был чистейшей воды экспромт. Литературная авантюра. Хотя бы потому, что «Звезды» являлась моим первым большим романом, с издателями я прежде никогда дела не имел, а потому шансов на издание было мало.

Но тут я должен поблагодарить петербургскую писательницу Елену Хаецкую, которая, прочитав часть рукописи, сказала так: «В принципе, нормально написано. Вот тебе телефон и адрес издательства, неси туда текст, авось возьмут».

Взяли. Русских авторов fantasy тогда было

еще совсем мало, а популярность отечественной fantasy нарастила. В 1996 году роман вышел в серии «Азбука-fantasy». А на казанском фестивале «Большой Зилант» 1997 года я получил приз «Большой Зилант» за лучший роман года. Как кажется, неплохо для дебюта.

Однако, без одной серьезной проблемы не обошлось. Если у меня и была в процессе написания некая «генеральная линия», которой я следовал, то оную можно обозначить следующим образом: «Толкин утверждал, что события «Властелина Колец» происходили в глубочайшей дохристианской древности. Но, простите, куда тогда подевалось Средиземье, народы в нем обитавшие, почему люди «позабыли» о тех временах, и прочесть о событиях указанной «древности» мы можем только во «Властелине Колец» и «Сильмарилионе?». Я решил прояснить для себя этот вопрос и вполне сознательно ввел в роман довольно большое количество толкиновских мотивов, единственно, изрядно их замаскировав — мне показалось, что после весьма прогремевшего романа некоего очень известного писателя, тоже посвященного «истории Средиземья», будет не слишком уместно идти по его стопам.

Но вот прошло восемь лет, и у меня появилась возможность переиздать «Звезду Запада». Во-первых, я убрал из текста значительную часть «камуфляжа», коим была замаскирована «средиземская тематика» и назвал вещи своими именами — полагаю, что люди знакомые с терминологией и языками Мира Толкина найдут в тексте много знакомых понятий. Во-вторых, исправил все фактические ошибки, имевшие место в первом издании — это касается бытописательства и скандинавских имен. Имени «Видгнир», как выяснилось, в Норвегии не существовало,

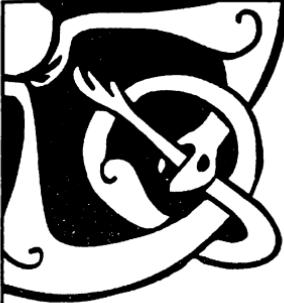
МИР СРЕДИЗЕМЬЯ

это имя готское, так что пришлось только сохранить древнегерманский корень и оставить за одним из главных героев чисто скандинавское имя «Видга». То же самое касается Торина (теперь он «Торир», так правильнее, а смысл аналогичен) и еще некоторых персонажей. Однако, строй сюжета я практически *не менял* — и сейчас, по прошествии нескольких лет, я полагаю, что все написано правильно. Так, как и должно быть.

Название же романа изменено преднамеренно — я полагаю, что сколь бы правильным ни было название «Звезда Запада», «Наследник Элендилла» к данному роману подходит куда более и отражает истинное положение дел.

Так или иначе — это мой любимый роман. Хотя бы потому, что написать нечто похожее у меня уже не выйдет. За восемь лет изменилась стилистика, да и сам я серьезно изменился, уж не знаю, в лучшую или худшую сторону — романтики во мне осталось мало... Дважды в одну реку не войдешь.

Андрей Мартынов,
Санкт-Петербург, август 2003 года.

Андрей Мартынов

Наследник
Элендила

роман

ПРОЛОГ

Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд: доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицеприятие нечестивым? Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость; избавляйте бедного и нищего; истортгайте его из руки нечестивых. Не знают, не разумеют, во тьме ходят; все основания земли колеблются. Я сказал вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы; но вы умрете как люди, и падете, как всякий из князей. Восстань, Боже, суди землю, ибо Ты наследуешь все народы.

Псалом 81, Асаф.

о вечернему небу, надвигаясь на багряный закатный его край, шла от восточного горизонта тьма. Не враждебная и гибельная тьма, ибо в ночи нет дурного, пусть легенды порой говорят об ином: о выползающей из мрака нежити, о злобных силах, обретающих бытие и мощь в часы, когда солнце покидает Мидгард... Легенды не всегда истинны. Не будь ночи — не рождался бы день.

Разве не рекла Одину вельва-проро-

чица, что свет суть порождение тьмы, а день и времена его — отпрыски ночи?

Быть может, так и есть. Лишь богам ведома истина... Вслед за солнцем уходил за ограду мира и год. Светило в своем извечном круговом пути завершило полный оборот и съязнова выходило на предначертанную в час творения дорогу. И так всегда, из года в год, все тысячелетия и эпохи, что минули со дня, когда родился Мидгард и боги вступили в его пределы. Завтра копыта Арвака и Альсвинна в который раз ударят по небесной тверди, и огненная колесница солнца устремится в первый из трёх с половиною сотен дней, что несут с собой и новую молодую весну, и золотое лето, и время сбора урожая — мудрую осень, и зиму холодную и прекрасную, как дева-валькирия. Ничто не изменится до конца времён, до последней битвы, до срока, когда суждено Фенриру-волку порвать путы, а богам — погибнуть...

* * *

Круглую безлесную долину, будто крепостным валом обнесённую со всех сторон высокими крутыми холмами, затопили густые декабрьские сумерки. Медно-красный солнечный диск скатился за небосклон, посылая прощальные лучи вершинам двух гранитных скал, выраставших из заснеженной земли посреди ровного широкого поля. В наступающем мраке огромные каменные иглы мнились лезвиями вкопанных в снег великанских мечей. И непосвященный уразумел бы, что глыбы эти чужды здешним местам: никакого другого камня — кроме разве только небольших валунов

— в окрестностях не водилось. Гигантские же клыки из красного гранита одним лишь необычным видом выдавали свою чужеродность, как сказал бы обычный человек, но кто поумнее да поуচёнее — разглядел, если бы присмотрелся повнимательнее, что они *вовсе не принадлежат этому миру*, да и никакому другому.

Они были *бовне. На окёёме.*

Скалы стояли совсем рядом, промеж них оставался лишь узкий, едва в четыре шага, проход, заметённый ныне снегом. К ночи поднялся ветер, который, подхватывая снежную пыль, бросал ее на скалы, возвигая у их корней высокие сугробы. Небо оставалось чистым, предвещая морозную ночь. Холодно мерцали в небесных полях звезды. Ничто не нарушало покоя спящей долины. Луна пока не взошла, но на западе, где еще не погасли оранжевые закатные сполохи, над взгорьем поднялась пронзительно-яркая, острая игла звезды. Как алмаз блестала она, и тусклыми казались пред этим сиянием соседние светила. Звезда начала неспешный свой путь, поднявшись ввысь над холмами. Заснеженные столетние ели тщетно пытались дотянуться до неё своими верхушками, будто хотели густыми разлапистыми ветвями преградить ее лучам путь к каменным остриям в долине. Но едва показалась из-за горизонта луна, как звезда достигла наивысшей точки и вершины монолитов засиял неровный мерцающий свет, словно стекающий вниз по каменным граням. На краткий миг гранит вспыхнул изнутри, сверкнула бесшумная бело-голубая вспышка, и в тёмном промежутке, где и двое людей-то едва бы разминулись, появился *некто*. Не человек. Огром-

ное длинное тело, стиснутое камнем, заворочалось, заскребли по земле сильные лапы с чудовищными когтями, и это начало с натугой притискиваться сквозь щель.

Сторонний наблюдатель сказал бы, что тварь возникла прямо из воздуха, из ничего. Мгновение назад ни близ скал, ни меж ними не было ни единой живой души.

Пришедший из ниоткуда выбрался-таки из гранитного капкана, разметал снег и с наслаждением втянул ноздрями морозный воздух.

— Мидгард... — разнёсся по долине глухой хриплый голос. — Мир Изначальный, исток Трёх Миров... Я снова здесь!

Лунное сияние окрасило снег серебристо-голубым, оставив на искрящемся белом плаще лишь две длинные темные тени, отбрасываемые скалами. Еще одна тень, поменьше, отодвинулась наконец от каменных утесов и застыла посреди заснеженного поля.

— Времени мало... — произнес тот же голос. — А надо бы успеть вернуться.

Теперь, при ярком свете луны, появившийся из ниоткуда был виден как на ладони. Дракон. Люди уже позабыли, когда встречали последний раз подобных созданий, оставив память о них разве что в сагах да песнях скальдов...

Черный гибкий дракон, повернув острую морду к западу, зачарованно смотрел на висящую в небе звезду. Длинный шипастый хвост подёргивался из стороны в сторону, взметая снежные буранчики, лапы были широко расставлены и напряжены, да чуть вздрагивали на половину расправленные крылья. Из пасти вы-

рывались клубы пара, окутывая голову и щёю ящера белесым облачком.

Дракон смотрел на звезду.

— Времени мало, — повторил он.

Встрепенувшись, дракон отвёл взгляд от серебряной точки, распахнул широченные крылья и, подняв за собой снежный вихрь, взлетел. Несколько мощных взмахов, и вот уж скрылась во тьме долина, остались позади гряды холмов, а гранитные гиганты превратились в почти неразличимые мелкие камешки... Стремительная черная тень скользила над дремучим лесом в прозрачном воздухе, держа к востоку, к вечно движущимся водам великого океана.

Мелькнула внизу извилистая лента незамерзающей реки, и острый глаз ящера различил вдалеке слабые огоньки — жилища, выстроенные людьми из-за моря, но смертные мало интересовали дракона. Его влекло к океану другое: неизъяснимое чувство тревоги от приближения чего-то неизвестного, не постижимого разумом. Однако он почти наверняка знал, что именно служит причиной зароненной в его сознание неуверенности — Сила. Сила, нежданно появившаяся к востоку от великого моря, там, где его волны разбивались о гранитные берега Норвегии — так именовали в Мидгарде эту страну. И еще дракон знал, что владел Силой не изначально наделённый ею дух, но смертный, и, возможно, не один...

Дракон не ведал о предназначении народившейся за океаном моши, но предчувствия, что странная тень явилась в этот мир неспроста, не оставляли его — ничто в Трёх Мирах не происходит без причины. Но отчего силу обрёл смертный? Какова ее природа? И

откуда появилась уверенность, что рождённый в землях, где давным-давно утеряны и забыты древние знания, человек способен совершить то, что ныне не под силу и ему, Черному Дракону Нидхёггу — одному из Великих Духов Трёх Миров? Что предназначено обладателю Силы?

Дракон не знал ответа на эти вопросы.

Ящер покружил над прибрежными островками, выбирая подходящее место, и наконец, узрев голый скалистый клочок суши, поднимавшийся из волн, спанировал вниз. Мощные задние лапы коснулись обледенелого камня, когти прочертigli в нём глубокие борозды. Дракон, тяжело взмахивая крыльями, едва удержался на краю отвесного обрыва, у подножия которого взлетали ввысь и снова опадали солёные кипящие валы. Нидхёгг бросил взгляд на запад — звезда сдвинулась еще вправо.

Он хотел было отвернуться, но вдруг с куда большим вниманием всмотрелся в яркое светило, застыв будто статуя из черного мрамора. Из глотки его вырвалось сдавленное глухое рычание, хвост с силой хлестнул по оказавшемуся рядом валуну подобно стальному кистению, превратив камень в груду обломков.

Как же я сразу не вспомнил об этом?! Я искал ответ в глубинах, он же оказался на поверхности. Сила, обретённая смертным! Звезда Созиателей! И наконец, приходит время, когда Врата Меж Мирами закроются, воздвигнув непреодолимую стену, что навсегда разделит Три Мира. Все сходится! Природа новой Силы с востока — в наследии Сгинувшей земли! Теперь я понял все! Время возрождения силы Трудхайма настало! Тот, кто вернёт Трём Мирам мои Чা-

ши Созидателей, здесь, в Мидгарде! Унаследовавший Силу жив, и придет он ко мне...

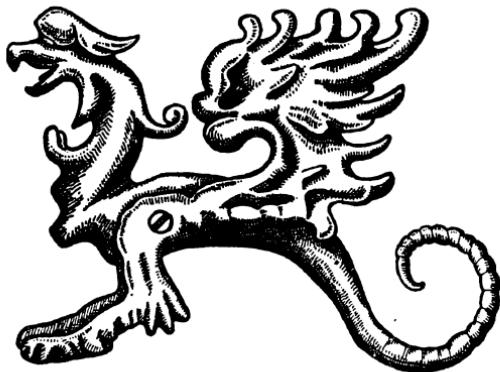
Черный Дракон вытянул шею и всмотрелся в океан. Там, за тысячемильным водным простором, в землях людей, кипели бесконечные войны, гибли и возрождались государства, возводились столпы новой веры и ниспровергались идолы былого...

Но Нидхёгту были безразличны дела человеческие, ибо он покинул Мидгард бессчётные годы тому назад, как мнилось ему — навсегда. И вот ныне, впервые за многие столетия, он прошел сквозь Врата, влекомый неясным, трепещущим огоньком, разгоравшимся на востоке. Искрой, чей жар проник за стены Мидгарда и достиг далёкого пристанища Черного Дракона в самом сердце Имирбъёрга...

— Я буду ждать! — проревел Нидхёгт, заглушая прибой. — И, клянусь корнями Игдрасиля, дождусь! Я не знаю, где твоя судьба выходит на перекрёсток с судьбами Трёх Миров, но ты будешь нужен мне!

Дракон тяжело снялся с островка, едва не коснувшись брюхом воды, поднялся под облака и полетел сквозь ночь обратно к западу, где пылала алмазом на черном шелке небес звезда, где высился над долиной Врата Меж Мирами...

БОГИ МИДГАРДА

Уходит корабль погребальным костром
От берегов
Рефрен повторяя, волна за бортом
Поет — вечный скальд —
О грозной судьбе, что не минет
Ни нас, ни богов.
О мертвом прибое, где сгинет
Гранит этих скал.
На запад ветрило спешит, вслед за днём,
Будто душа.
И падают искры горячим дождём
На черную зыбь.
А томя пожара не сменит
Скользящий свой шаг
По водам, глубоким как время.
И память не смыть.
И стрелы, горящие стрелы вдогон
Наших долгов.
И мир упливает в грядущий огонь
К концу тающих лет.
Поют его крепкие весла
В руках у богов,
И, что бы там ни было после,
В волнах наш след.

1. ОТЕЦ ЦЕЛЕСТИН

Bтом, что в Вадхейм пришел новый, 851 год по Рождеству Христову, во всем поселении знали только трое. Один из этих троих — отец Целестин (или, как его называли норманны, коверкая красивое латинское имя на свой варварский лад, Селесинн) пьянствовал в одиночестве, развалившись в застеленном мехами резном кресле. Само кресло было отобрано годами назад дружиной Торира у франков вкупе со множеством иных ценностей, оказавшихся на франкском судне. Как этот корабль занесло к берегам Норвегии — осталось тайной для отца Целестина, ибо после знакомства с мечами Торировых удальцов ни единый из пяти десятков франков уже не мог ничего рассказать... Не защитило их и знамя империи Карла Великого. Каролингов страшилась вся Европа — даны, германцы, западные словини, но только не светловолосые варвары-норманны, коим, казалось, все напочем.

Еще десять лет назад, будучи в Константиноце, отец Целестин удостоился внимания придворного летописца самого басилевса и, получив доступ к огромной дворцовой библиотеке, нашел там список с хроникой сирийца Захарии Ритора. По большей части в свитке излагались байки византийских купцов или путешественников, что описывали Захарии «заморские чу-

деса», но пергамент содержал и правдивые сведения о северных народах, в том числе о норманнах, наводивших ужас на весь цивилизованный мир. Монах с упоением читал захватывающие дух описания отчаянных налётов на Данию, Франкию, остров саксов... Да что там какие-то саксы! Норманны отваживались бросать вызов флоту халифата и даже Империи Византийской! Ну а после того, как на глаза попался захваченный константинопольскими пиратами (ах, простите, воинами императора...) свиток, повествующий о набеге викингов на Кордовский халифат в Иберии да разграблении Севильи («...в город вошли язычники ал-маджус, называемые ар-рус, и пленили, и грабили, и жгли, и умертвляли...»), отец Целестин проникся к норманнам невольным уважением. Это тебе не ожиревшие от безнаказанности тунисские разбойники, способные разве что мирные торговые корабли грабить, да и то используя преимущество числом премногое.

Не думал, не гадал тогда обычный проповедник из Рима, что вся оставшаяся его жизнь будет связана с этими... этими... ну да, конечно, варварами, язычниками, наказанием Божиим Европе, по которым сатана в ад плачет.

Отец Целестин, покряхтев, приподнялся, подвинул кресло поближе к огню, вытянул ноги и, расправив роскошное песцовое покрывало, коему позавидовал бы сам святейший Папа Римский, налил себе еще вина и снова плохнулся на сиденье. Дерево протестующе заскрипело, ибо не всякая лавка, стул или кресло могли выдержать громоздкие телеса святого отца. Монах хихикнул и отхлебнул терпкого мускатного

напитка. Конунг Торир как-то заметил, что во всем Вадхейме (Иисусе! — «Во всем Вадхейме!» — он почитает эту деревню за центр Вселенной; эх, не бывал Торир в Риме...), так вот, во всем Вадхейме не сыскать мужчины, имеющего хоть половину толщины отца Целестина. Так пусть же он один толстеет за всех дружинников Вадхейма, вместе взятых! А потом еще добавил, что ежели случится нужда потопить вражеский корабль — данов там каких-нибудь или саксов, — то самый верный к тому путь — сбросить им на палубу отца Целестина. Вмиг потонут. Разговор был в доме конунга, и все сидевшие за столом расхохотались. Монах же бровью не повёл, только взял с золочёного (итальянской, между прочим, работы) блюда кусок жирной оленины да челюстями заработал. Пускай себе смеются! Что бы вы без меня делали, оухи? А дородность суть свидетельство здоровья.

«Да, вот что бы они без меня делали?» — Отец Целестин поднял глаза к бревенчатому потолку, словно испрашивая у Господа милости простить его верному рабу грех гордыни. Как-никак, Торир обязан мирному монаху жизнью. И отец Целестин, вздохнув, снова вспомнил малоприятные события, положившие начало его скандинавской одиссеи. Случилась эта неприятность десять лет назад, и тогда монах был уверен, что Господь жестоко покарал его за бесчисленные грехи, из коих главнейшим было чревоугодие.

Надобно заметить, что биография отца Целестина была весьма и весьма примечательна. Родился он на исходе восьмого века, в Италии. Кто были отец его и мать, так и осталось неизвестным, ибо ком грязного тряпья, в которое был закутан орущий благим

матом новорождённый, был оставлен на пороге монастыря святого Элеутерия, что к северу от Рима, по старой дороге к озеру Браччано. Благодарение Деве Марии, отец Либерий, настоятель сей святой обители, приютил покинутое дитя и даже сам выкормил козьим молоком. А в монастырской хронике появилась запись: «В лето 799 по рождению Спасителя подброшенный младенец крестен во имя Отца и Сына и Святого Духа и наречён именем Целестин. С благословения отца настоятеля оный Целестин принят монастырской братией на воспитание».

Впрочем, наречённое одним из имен святых Пап дитя пока и знать не желало ни о каком «воспитании» по причине слишком уж юного возраста и только нарушало благочестивую тишину обители требовательными воплями, когда из-за какой-то там ерундовой мессы или победы его не могли вовремя покормить.

Шли годы, ребёнок взросел. Когда молодой воспитанник начал хоть немного соображать, отец настоятель стал претворять в жизнь свой план обучения, и, следует сказать, ученик более чем оправдал чаяния своих наставников. В те времена в Европе еще чтили традиции чудесного византийского искусства, и вот молодой клирик уже может писать лики святых, вырезать по дереву, слагать кантоны и псалмы на греческом и латинском. Монахи научили его языкам почти всех известных народов, а отец Павел, преискуснейший в науке исцеления, разъяснил Целестину действие многих и многих трав, возвращающих жизнь и здоровье в немощное тело. Словом, к семнадцати годам сей клирик-бенедиктинец стал человеком очень и очень образованным. Строгое религиозное вос-

питание и полная оторванность от окружающего мира тоже сделали свое дело. Когда аббат Либерии предложил выбор: уйти в мир либо принять постриг, Целестин не медля согласился на последнее. Страшный и незнакомый, наполненный войнами, убийствами и грехами мир за стены монастыря пугал его. Юный послушник постригся в монахи в лето 817 от Рождества Христова. Последующие шесть лет он продолжал постигать тайны искусства и целительства, а одно из вырезанных им из сосны распятий украсило даже покой святейшего Папы в Ватикане, что, впрочем, и послужило отчасти началом неисчислимых бедствий, свалившихся на молодого монаха в дальнейшем.

Случилось же вот что: миссионерский набор, проводившийся по монастырям, коснулся и обители св. Элеутерия. Отец настоятель взял да и отрекомендовал папскому легату брата Целестина как смиреннейшего и благочестивейшего из братьев, и этот самый легат (вспомнив заодно и красивое распятие во дворце Папы да имя резчика) забрал молодого монаха из обители в Рим. Оттуда отец Целестин и еще с десяток святых отцов отправились обращать в христианство язычников и бороться с несторианскими ересями в восточные страны. Сидя возле борта идущей на юг по Средиземному морю галеры и пытаясь успокоить разбушевавшийся не хуже штормового моря желудок, монах и не предполагал, что в его жизни наступила эпоха беспрерывных странствий. Отец Целестин, без сомнения, знал, что это путешествие может закончиться тем, что черномазый язычник вспорет ему живот (тогда еще не столь солидный), однако же надежда вновь увидеть стены

родной обители помогала преодолеть мрачные мысли, — «*In manus tuo, Domini!*»

Для того чтобы описать все приключения отца Целестина в период с 824 по 842 год, потребовалось бы несколько томов, но не об этом сейчас речь. Достаточно сказать, что за восемнадцать лет он успел побывать во всех странах Средиземноморья, в Византии, Скифии, Багдаде, Индии и Аравии. Возвращаясь из Персии, он пережил немало неприятных минут, удирая задрав рясу от страшных чернокожих троглодитов. Но видимо, ангелы-хранители никогда не оставляли монаха, и он за полгода благополучно (в одиночку!) добрался до Нила, а оттуда вниз по реке до Александрии. Долгое и тягостное путешествие, правда, сказалось в виде существенной потери веса, ибо питаться приходилось такими тварями, на которых и смотреть-то страшно, не то что есть...

Как бы то ни было, отец Целестин из Александрии смог морем попасть в Константинополь, где быстро наверстал упущенное, разживвшись некоторой суммой денег у императорского хрониста, красочно (не без художественных преувеличений — так ведь красивее!) описав тому свои удивительные приключения, добавив к ним немало из разных историй и рассказней, слышанных по пути. Размеры вознаграждения за сей «труд» были таковы, что монах смог позволить себе не только съезнова приобрести округлые формы, но и постричь волосы, сбрить бороду и выстричь на макушке тонзуру, к наличию которой отец Целестин относился весьма ревностно. Ну и само собой, он купил себе новую белоснежную рясу, наконец-то сбросив те позорящие монашеский чин лохмотья, что облегали его

тело доныне, внушая прочим мысли о том, что этот тип, пожалуй, смахивает на беглого раба.

За минувшие годы его рука не только не отвыкла держать перо, кисть и долото, но освоила еще один полезный инструмент — меч, ибо отец Целестин был твёрдо убеждён в том, что многие известные святые поступили несколько опрометчиво, позволив язычникам расправиться с собой, не оказав никакого сопротивления. Ну да, конечно, язычников можно простить, «ибо не ведают они, что творят», но иногда следует поставить зарвавшегося варвара на место и с помощью добротной стали.

Раз вечером, в одном из трактир на окраине Константинополя, монах, изряднейше выкушав добро-го белого вина, привезённого с Кипра, пришел в блаженное состояние и, насколько сие было возможно, трезво рассудил, что хватит мотаться по белу свету. На счету тысячи лиг, пройденных пешком или проплытых на кораблях, десятки обращённых в Истинную Веру дикарей, куча приключений, сделавших бы честь даже знаменитому Одиссею, о котором отец Целестин много читал еще в юности, в монастыре святого Элеутерия...

Ах, родное аббатство! Где-то сейчас твои белые стены и чудесные кипарисы, дающие тень в жаркий полдень? У отца Целестина слезы навернулись на глаза. Где прохладная, уютная келья? Где, в конце концов, огромные подвалы с созревающим сладким вином? Монах саданул мощным кулаком по столу, да так, что обернулись сидевшие по соседству византийские купцы, чьи пальцы были унизаны бриллиантовыми колышами. «Где, где! — пронеслась мысль. — Конечно, все это в Италии!

И надо возвращаться туда. Там мой дом, там мे-

ня наверняка еще не забыли. Семнадцать лет для тихой жизни обители не такой уж большой срок. Может, и отец Либерий еще жив...»

Сказано — сделано.

Прославвшись на широкой лавке в том же кабаке, отец Целестин с первыми лучами солнца кинулся в порт со всей возможной для своего мощного телосложения поспешностью. Довольно он пожил в дивном граде Константина, зарабатывая на жизнь рассказами о приключениях в богатых домах и перепиской старинных манускриптов! Все, что ему нужно, — с собой, в мешке: запасная ряса, кусок хлеба и вяленого мяса да объёмистая фляга с вином. Да, еще схранённый за все эти годы серебряный крест на груди, мешочек с целебными травами и кинжал за пазухой. Что еще нужно человеку? Только покойный чертог, ожидающий отца Целестина в родной Италии.

Всласть поторговавшись с капитаном сицилийской галеры и призвав на голову этого самого скупердяя капитана всех демонов ада с самим дьяволом во главе, отец Целестин обеспечил себе место и пропитание (свои запасы надо беречь!) до самой Италии, заплатив второе меньше против расчётов капитана. К полудню они были далеко в море, а давно привыкший к таким путешествиям монах лежал в тенечке под парусом и бурчал себе под нос что-то о том, что в нынешние времена очень уж вздорожали сии путешествия по сравнению с тем, что было лет десять назад, а также о том, что среди смертных грехов у капитанов судов самыми страшными являются жадность и скрость. Впрочем, отобедав, отец Целестин уже был готов отпустить эти грехи всем и каждому, не исключая самого себя.

А на следующее утро на мирное купеческое судно свалилась беда. Какой бес притащил в воды Эгейского моря проклятых викингов, до подлинно выявить не удалось, но совершенно точно, что сей бес был одним из самых злочиных во всей свите Люцифера. Змееподобный драккар норманнов появился из туманной дымки на траверзе острова Лемнос, и на галере поднялась паника. Воинов на купеческом корабле было негусто, и отбить банду северных пиратов не представлялось возможным. Абордаж прошел стремительно, мечи звенели всего несколько минут, почти все мужчины были перебиты, а отец Целестин, забившийся в самый тёмный угол трюма, возносил молитвы всему сонму святых, прося их об одном: пусть меня не найдут! Но похоже, святые заступники были заняты в этот момент другими неотложными делами, и ни один из них не снизошел до смиренной просьбы простого монаха.

Свет загородила чья-то мощная фигура, шаги были уже совсем близко, и вот в маленький закуток, где сидел перепуганный насмерть отец Целестин, сунулась бородатая харя.

— Здравствуйте... — пискнул монах, пытаясь быть вежливым.

— Хват хейтир ту?² — прогудел густой бас.

— Я святой монах, никому не желающий зла, — лепетал бедолага, прекрасно понимая, что теперь его не спасёт даже личное заступничество Девы Марии и расчитывать можно только на себя.

— Йей форштор дем ике. Йей ер норкшер!
Комм!³ — бесстрастно ответил незнакомец, и могучая рука выволокла отца Целестина из его норы. По-

ка бородатый разбойник тащил его на палубу (скрывать нечего, работёнка тяжелая даже для такого здоровья), монах соображал, что странное наречие ему вроде знакомо, ибо в монастыре св. Элеутерия один из святых отцов некогда побывал с миссией на севере, а по возвращении обучил молодого Целестина тамошнему языку. Память монаха любезно снабдила его достаточным количеством слов для общения.

Если бы не многолетняя закалка в опасных путешествиях и природный талант к врачеванию, то святой отец свалился бы в обморок, ибо палуба галеры была завалена мёртвыми телами, сандалии липли к обильно политым кровью доскам, а кое-где еще стонали раненые. Большинство норвежцев, не обращая никакого внимания на весь этот кошмар, споро перетаскивали добро с купеческого судна на свой драккар.

У мачты «купца» стоял высокий человек, совсем не похожий на викинга, — темноволосый, чернобородый, с серыми большими глазами. Именно к нему, грубо подталкиваемый в спину своим новым знакомым, и был направлен отец Целестин.

— Что за бабу ты поймал, Хёмунд? — бесцеремонно спросил чернобородый у сцепавшего монаха дружинника. Отец Целестин стоял ни жив ни мёртв.

— Спроси у него сам, Эльгар. — Дружинник смачно сплюнул за борт. — Ты приказал обыскать это корыто — я сделал. Разбирайся с ним сам. Он не сопротивлялся...

И викинг, возвращаясь к более приятным и полезным делам, нырнул в трюм, откуда тёк, казалось, нескончаемый поток тканей, посуды, амфор с ви-

ном и прочих, видимо весьма недостававших у наглых скандинавов, вещей.

Отец Целестин уже успел несколько раз прочитать *Pater Noster*, *Ave* и *Credo* и уж подумал, что главарь разбойников заснул у мачты с открытыми глазами, но тут чернобородый удостоил его вниманием:

— Кто ты? Если ты мужчина, то почему на тебе женская одежда и почему ты такой толстый? Может быть, ты евнух? Ты служишь у конунга с востока и стережёшь его жён?

— Я монах, — изрёк тут гордо отец Целестин, — там, где речь шла о чести Святой Матери-Церкви, он дралился как лев. — Я служу лишь Господу Богу и дал обет жить только по его законам и обет безбрачия. Эта одежда называется «ряса», и ее носят все люди моего сородичества. А кто ты?

— Понятно... Евнух, — констатировал Эльгар. — А откуда ты знаешь наш язык?

— Да не евнух я!! — возопил отец Целестин так, что викинг вздрогнул. — Тебе что, доказательства предъявить? Они у меня имеются!

— Нет, нет, не нужно, — поднял руку викинг, — но если ты мужчина, то почему же не драился против нас?

— Бог запрещает нам убивать, — благочестиво отвечал монах, позабыв о том, чему научили его годы странствий.

— Какой бог? — не понял Эльгар. — Один? Фрейр? Тор? Или, может быть, — северянин хохотнул, — Локи?

— Единый Бог, Иисус, — ответствовал

отец Целестин, поняв, что имеет дело с необразованным язычником. О Дева Мария! Попробуй обрати такого в христианство!

— Я впервые в этих местах, — вздохнул викинг. — А об этом боге, про которого ты сказал, кое-что слышал от франков и данов. Странный он какой-то. Убивать — нельзя, женщин — нельзя. Плохо. Но ты спросил, кто я такой. Обычно люди меня называют Эльгаром-ярлом из Тронхейм-фьорда. Моя дружина согласилась идти на богатый город Рим, что лежит на берегах этого моря. Мы в походе уже год, до Рима не добрались, зато взяли много добычи с его кораблей и теперь возвращаемся к себе. Слушай же, слугитель мирного бога, меня. Я могу выбросить тебя за борт, на корм рыбам, и сделаю это, если ты ничего не умеешь делать, а только ешь заработанный чужой кровью хлеб. Что ты умеешь?

— Лечить раны и болезни, — мгновенно отозвался отец Целестин, понимая, что разбойник не шутит. — Еще могу переписывать книги, рисовать, вырезать из камня и дерева фигурки, знаю много языков и...

— Хватит, хватит, — хлопнул по мачте рукой Эльгар. — Достаточно того, что ты лекарь, если, конечно, не врёшь. А тем более хорошо, что ты знаешь наш язык и другие наречия. На Моем корабле тебе ни от кого не будет убытка и поношения, но запомни: отныне ты служишь мне, ярлу Эльгару из Тронхейм-фьорда. Но если ты мне соврал, тебя не спасёт и просьба самого Фрейра. Иди.

Монах повернулся и на негнувшихся ногах отправился на узкий и длинный корабль норманнов, скшившихся на святого отца как на пугало. «Вот

влип так влип, — мрачно думал отец Целестин. Надо было сидеть в Константинополе и носу не высовывать. Эх, лукавый меня попутал тогда в таверне. Говорил ведь отец Либерий — пьянство до добра не доведёт...»

Случилось это зимой 841 года, и начался долгий путь отца Целестина от берегов Греции к берегам Фрисландии, где судьба свела его с норманнским конунгом Ториром и его приёмным сыном Видгой. В течение почти года монах наблюдал сотни боевых стычек, пиратские нападения дружины Эльгара на чужие суда и прибрежные города мавров, саксов и данов по пути на север. Вскоре у них появился и второй драккар, куда дружина перенесла часть богатой добычи, — этот корабль был найден брошенным у берегов земли франков. Нашли на нём только несколько трупов. Что такое случилось с кораблём и его командой — осталось загадкой.

Следует отметить, что викинги, поначалу отнёсшиеся к монаху настороженно и с некоторым презрением, через пару месяцев поняли, что добродушный толстяк Целестин — человек совершенно незаменимый. Его умение быстро вылечить гноящуюся рану, вправить вывих, сбить жар да и незаурядные художественные способности заставили-таки высокомерных к чужакам норманнов невольно зауважать служителя доброго бога.

Как-то раз, месяцев через восемь после плена, тонкая душа Целестина-художника не выдержала того, что над кораблём, на котором он путешествует, полощется обычный белый (если быть точным — серый) парус без всяких приятных глазу и возвы-

шающих дух изображений. И вот после набега на мавританский городок невдалеке от Малаги в руки дружины Эльгара помимо прочей добычи попали кувшины с красками. Хёмунд — тот самый громила, что нашел отца Целестина на сицилийской галере, — будучи уверен, что в кувшине вино, опрокинул содержимое себе в рот, после чего его борода надолго приобрела мерзкий, фиолетовый с просинью, цвет, а сам он долго плевался и кричал о том, что этих негодяев мавров надо перебить всех до единого за такие шуточки. Отец Целестин сразу смекнул, что к чему, и уговорил Эльгара пристать на пару дней у какого-нибудь пустынного берега. Ярл вначале ничего не понял и даже слушать о стоянке не желал, но где лестью, а где обманом монах выговорил три дня. Драккар пристал к скалистому бережку в Бискайском заливе, парус был снят, выстиран в морской воде, высущен, и святой отец принялся за работу. Предварительно Целестин выяснил у Эльгара, что тот хочет видеть на своем парусе. Ярл заявил, что символ его рода — красивый змей. Художник только плечами пожал — ну что с варварами возвьмёшь! Ладно, будет ему змей. Нет ведь что-нибудь благочестивое изобразить...

И вот на третий день над кораблём ярла Эльгара поднялся парус, и викинги открыли рты от изумления: ярко-красный, словно живой, дракон в лучах восходящего солнца казался до ужаса настоящим.

В тот день отец Целестин получил на ужин тройную порцию и мешочек с арабскими золотыми Аинариями, каковые его волновали гораздо меньше, чем громадный окорок. Кроме того, расположение дружины к блудному сыну Святой Матери-Церкви

возросло настолько, насколько суровый воин может быть расположен к фантазёру живописцу. Сосредоточенно обгладывая кость, отец Целестин напряжённо думал, что бы еще такое разрисовать. Разве что сам корабль...

Эх, хоть они и язычники, эти норманны, но вообще-то парни неплохие... И совсем не такие чудовища, какими хотят казаться...

Они были в виду берегов Фрисландии, когда пришел тот черный для дружины Эльгара день. На горизонте показались три корабля, которые приближались с быстротой гигантских птиц, — то были даны, и вёл их один из четырёх братьев клана Скельдунгов — тех, что попытались оспорить у сыновей первого короля Дании Годфрида трон. Эти самозванцы после побега из своей страны получили у императора Франции большие ленные владения во Фрисландии, но в то же время не брезговали и пиратством у своих берегов. Три их корабля да полторы сотни мечей против двух кораблей Эльгара и едва шести десятков мечей его дружины. Отец Целестин понял, что вот тут-то и настал конец его странствиям, потому что выходов из этого положения было два: один — сразу на Небеса, а другой — в рабство к датчанам, славившимся своим бесчеловечным отношением к пленникам. Об этом монах успел услышать не одну байку от своих спутников-норманнов. Но одно дело — слушать на ночь страшные сказки, а совсем другое — видеть, как они начинают превращаться в реальность. И одно дело — рассуждать за крепкими стенами Константинополя о том, что все северные варвары — даны, свей, норманны или какие иные — суть разбойники и головорезы, наказание Божие и исчадия

ада, а другое — знать людей целый год, делить с ними все опасности трудного пути и повстречать вдруг их смертельного врага...

Эльгар приказал драться до последнего.

Корабли сблизились — на норвежских дракарах не хватало гребцов, а датчане почти всех посадили на весла. Парус, расписанный отцом Целестином, безжизненно висел — ветра не было. Вот уже слышно молодецкое уханье данов и можно разглядеть их лица. Взлетели в воздух абордажные крючья — десятки крюков, привязанных к верёвкам. Норвежцы не успевали их перерубать, да и невозможно это было — уж очень их много. Безмолвная серая даль Северного моря огласилась боевыми кличами, и на палубы кораблей Эльгара хлынула поток вопящих и размахивающих короткими мечами данов. Отец Целестин решил не прятаться, как в прошлый раз, а, призвав, по своему обыкновению, на помощь всех святых, выхватил подаренный ярлом Эльгаром меч, с которым небезуспешно упражнялся вот уже целый год, вспоминая то, чему научился в восточных странствиях, и приобретая новое...

Звон железа окружал его повсюду. Несмотря на впечатительные объёмы, монах действовал весьма ловко и даже зарубил пару шальных датчан, решивших, что эта бочка с салом станет лёгкой добычей. Ну увернётся отец Целестин раз, ну другой, ну третий, так ведь рано или поздно...

Спаси нас всех Пресвятая Дева Мария!

Уже убили Хёмунда — датчанин рассёк ему лоб. Отец Целестин успел подумать, что синяя краска с его роскошной бороды так и не успела отойти; мертвые уже десятки своих и еще больше датчан; норвежцев

оттеснили на корму корабля, где они встали спина к спине — ощетинившаяся железом кучка смертников, знающих, что пощады не будет, даже если они сами бросят оружие. И отец Целестин тоже среди них — ох и везёт ему сегодня! И к чему бы это?

Похоже, что Господь Бог и все святые все-таки вняли молитвам монаха, ибо норвежцы вовсе не заметили, а даны поздновато спохватились, когда с севера вдруг явились пять кораблей, один к одному похожих на драккары Эльгара. Бежать даны уже б не успели, и, как истинные викинги, они приняли бой, но на сей раз, столкнувшись с превосходящей силой, были смяты и в панике отступали на свои корабли. Отец Целестин расслышал возглас своего ярла:

— Торир! Сам Один привёл тебя сюда!

Этим самым Ториром, видимо, и был норманн среднего роста, русоволосый и, ясное дело, с бородой, довольно аккуратно, на взгляд отца Целестина, подстриженной. Он в ответ приветственно поднял меч и спустя мгновение невероятной силы ударом вышвырнул одного из данов за борт.

— Наша взяла! — заорал над ухом монаха кто-то из дружиинников, и отец Целестин, видя, что непосредственная опасность ему больше не угрожает, сделал вполне естественную для святого отшельника вещь: выронив из руки окровавленный меч, он грохнулся на колени и стал истово молиться, да так, что не видел и не слышал ничего вокруг.

Пришел монах в себя оттого, что кто-то вылил на него целое ведро холодной морской воды (нет, это уже слишком, ну никакого понятия о вежливо-

сти у этих викингов!), и, открыв глаза, отец Целестин увидел над собой улыбающееся лицо ярла Эльгара. Кожаная куртка предводителя дружины прорвана, голова перевязана грязной, естественно, тряпкой, но в общем ярл вроде был в порядке.

— Молодец, толстяк, — пробасил Эльгар. — Вот не думал, что ты такой шустрый. Гляди-ка, половину дружины перебили, а тебе хоть бы хны.

Но тут лицо викинга омрачилось, а у отца Целестина упало сердце: это сколько же раненых придётся врачевать? Где я вам столько трав напасу, а?

Выяснилось, что монах оказался прав.

— С Ториrom беда, — сообщил Эльгар. — Вылечи, а не то...

Норманн выразительно провёл пальцем по шее. Вроде как пошутил.

Отец Целестин встал и огляделся. Сцепившись бортами, на волнах покачивались восемь кораблей, из них пять принадлежали этому... как его? ...а, да, Ториру, два своих и один датчанин. Два пиратских корабля успели-таки удрасть. У-у, трусы! Ворон ворону глаз выклевал!

Норманны стояли кругом, наблюдая за работой отца Целестина, озабоченно бормотавшего себе под нос непечатные эпитеты в адрес всех этих данов, норманнов и прочих нехристей, которые вместо того, чтобы сидеть дома, растирь детей и работать на благо себе и обществу, машут мечами направо и налево. Нет, их всех определённо надо обращать в веру Христову! Авось поспокойнее станет в добной старой Европе!

У конунга Торира сильным ударом топо-

ра был разрублен правый бок, сломаны рёбра, и воздух входил в открытую рану, наполняя (как помнил монах из книг великого лекаря Гиппократа Греческого) рубашку, коей облачено лёгкое. Отец Целестин быстро наложил на рану кусок кожи, примотал его ремнём и дал указание заварить какую-то травку. Викинг хрюнул, дыхание было тяжелым, а лицо приобрело просто свинцовый цвет.

— Умрёт... — вздохнул кто-то из дружины Торира, но отец Целестин метнул на викинга такой свирепый взгляд, что тот смутился и отступил за спины своих товарищей.

— Не умрёт, — твёрдо сказал монах. — Я тут для чего, вы думаете? И вообще, ему нужно на берег. Эй, вы! Далеко до его дома? Мы ведь в ваших морях, и здесь ваши земли. Ну, говорите же!

— При попутном ветре — два полных дня пути, — ответил молодой норманин, уже где-то заработавший шрам через всю щёку.

— Ну так быстрее туда! — рявкнул монах. — Чем раньше он будет на берегу, тем скорее встанет на ноги.

Его послушались. Невероятно, но этот толстый человек негласно получил право приказывать даже дружине Торира, хотя его там никто толком и знать не знал. Были отдельные смешки и возмущённые взгласы, но они быстро смолкли. Тело конунга перенесли на его корабль, под навес, и вверили рукам отца Целестина. А к монаху подошел ярл Эльгар:

— Слушай, толстяк, этот конунг — мой дальний родич. Мы дали клятву верности в жизни и смерти. Спаси его. — Норманин пытался говорить мягко и

вежливо (по его понятиям). Отец Целестин только поджал губы.

— Мне безразлично, кто он тебе. Я обязан помогать всем. Я помог бы даже умирающему дану или мавру.

— Ты меня недослушал, толстяк...

— Называй меня «отец Целестин», сколько можно повторять!

— Так вот, слушай. — Норманин сдвинул брови.

— Я иду к себе на север, в Тронхейм-фьорд. Ты же пойдёшь с дружиной Торира в его поселение. В Вадхейм. Спасёшь их конунга — и можешь быть свободен. Я отпускаю тебя. Умрёт — они убьют тебя... отец Целестин. Прошай. — Ярл повернулся и спрыгнул с палубы на свой корабль.

— Эй, эй, Эльгар! — завопил вдруг монах. — Прикажи своим жеребцам принести сюда мои краски!

Через четыре вместо обещанных двух дней пять араккаров дружины Торира из Вадхейма ударились форштевнями в прибрежный песок рядом со своим поселком. Эльгар же повёл тронхеймские ладьи с добычей и изрядно поредевшим экипажем дальше на север.

Так отец Целестин оказался в Вадхейме, где прожил уже восемь лет.

И вот сейчас, в рождественскую ночь, монах сидел один в собственном (неслыханная роскошь!) домике, ограждённый толстыми бревенчатыми стенами от злой выноги, пил великолепное красное вино (это у него называлось «разговением»), жевал зайчатину и размышлял о тщете и бренности всего сущего.

Ему пятьдесят четыре года, жизнь, считай, прожита, а что он сумел сделать? В монастыре его

научили одной истине, которую он всосал с молоком матери или, если можно так выразиться, с молоком козы, коим его выкармлививший отец настоятель. Истина гласила: жить надо так, чтобы потом не надо было каяться перед Господом за бесцельно прожитые годы. И что же? Несколько десятков спасённых душ бывших идолопоклонников, еще больше тех, кому пришлось врачевать не душу, а тело. Множество виденных стран и народов и, наконец, видимо, последнее пристанище в его жизни. Поселение Вадхейм на юго-западе Норвегии и семь сотен заблудших, которые никак не хотят уверовать в Истинного Бога, невзирая на почти девять лет проповедей, произносимых им почти ежедневно. Тоже мне, духовный пастырь. Твои овечки верят в сонмище идолов, возглавляемое каким-то Одном; твои слова вежливо выслушивают, кивают головой, ну а потом идут в капище, где стоят сии богомерзкие изваяния, и просят истуканов о том, о чем можно было попросить и Иисуса, причем с большим успехом. Мало того — отец Целестин еще в первый год закатил грандиозный скандал на весь Вадхейм, прознав о том, что в капище имеют место и человеческие жертвоприношения. Призываая в свидетели и заступники, как обычно, всех святых, а также Святую Троицу и Деву Марию, отец Целестин сумел доказать необразованным норманнам, что сии действия суть мерзость и что принести в жертву кролика, волка или курицу гораздо лучше, чем какого-нибудь раба, каковой может еще послужить поселению. Собственно, это была единственная его победа на данном поприще, а десятки кроликов и прочих безвинных зверюшек были зарезаны тутошним жрецом (противный, кстати, тип)

в честь этих Одинов, Торов, Фрейров и прочей пакости. Тьфу, грешники, прости Господи!

Кстати, об «овечках». Ну, женщины здешние еще ничего, хотя тоже.. гм... все эти свободные языческие нравы до добра не доводят, а уж брак без венчания! Но это о нравах, а что до нравственности — холёные римлянки да гречанки просто вместилище порока по сравнению с этими гордыми дочерьми Севера, кои в случае чего и защитить себя сумеют. Вон три года назад: все мужчины в походе, так вызнали разбойники фризы, что в поселении одни бабы, дети да старики. Как-никак, расписные паруса Торира известны всей Балтике да Северному морю, и ушла вся его дружина числом в пять драккаров и двести и еще тридцать мечей на юг. Вот фризы и сунулись в Вадхейм-фьорд. Двумя кораблями крепость взять хотели. Да, впрочем, какая это крепость .. Видимость одна — бревна в виде частокола, да ничего больше. Ох и показали же мы этим фризам, благо в каждой семье по самострелу, да и не по одному. Луки опять же. Словом, отбились с честью, из своих только шестерых потеряв. Вот тебе и слабый пол. Эх, жаль, что я монах...

Мужчины тут тоже еще те.. Отец Целестин поморщился и поскорее отхлебнул из кубка, подаренного Ториром. Варвары! Варвары, дикиари и пьянчуги! Хорошо, хоть летом и духу их здесь нет — занимаются делом. Профессия, правда, у всех одна — пиратство да торговля, но, надо отдать должное, мореходы отменные. От Гардарики до Британии дружину Торира боятся как огня, и есть за что. Но когда возвращаются... ох-ох! Ораве здоровенных детин сидеть почти взаперти целую зиму — это воспринимается ими прямо как личное

оскорбление от их божков, которым они так страстно поклоняются. Хорошо, хоть Торир человек железный и слушаются люди его, иначе бы бед принесли, а более всего на свои буйные головы... И как у него умения сдержать больше двух сотен отчаянных забияк хватает?

Кстати, о Торире. Он сам рассказывал, что нарекли его так в честь карлика-дверга из местных легенд, потому что родился он совсем маленьким, недоношенным. Отец его, конунг Хлодвиг, видя такое совершенно невыносимое безобразие, нарёк младенца этим именем, подразумевая, что, может быть, дитя оправдает его смысл. Если выживет и вырастет. Как-нибудь, в переводе на цивилизованные языки «Торир» означает «отважный». Выжил, вырос и оправдал высокое доверие папаши. И сам хороший, и если б не жена — красавица, естественно, и, кстати, из словинов (была сватана своим будущим супругом в Гардаики, из племени каких-то кривичей), — так вот, если б не жена, то пользовался бы он тут большим успехом у женщин. Росту — хорошо, хоть пять с половиной футов будет, но сложения весьма мощного, в плечах — что твой медведь, волосы светло-русые, и борода такая же, да чуть с проседью. Одним ударом лося валит. Но, к его чести, человек слова, вежливый (на норманнский манер, конечно), отца Целестина безмерно уважает и к советам его прислушивается. У монаха даже было подозрение, что Торир тайно сочувствует христианству, в которое его обращают битые восемь лет. Но все равно в капище, паразит, ходит и даже обряды вершит, когда повод какой важный — урожай там или поход грабительский. А еще конунг...

Да и сам Вадхейм определённо нравился отцу Целестину. Да, отсутствует римская или византийская утончённость, но и в этой простоте есть что-то такое... неуловимое. Приученный к точности в документах, монах как мог, но провёл нечто вроде переписи населения и выяснил, что обитает здесь чуть больше семисот коренных жителей да душ сорок рабов, с которыми обращаются, между прочим, более чем сносно (опять же по суровым нордическим меркам). Ну, само собой, двести с лишним мужчин (читаем: воинов), столько же женщин, хотя нет, больше — это из-за естественной убыли мужского населения вследствие опасного образа жизни; остальные — старики (очень мало, редко кто до старости тут дотягивает) да дети с подростками.

Сама деревня... ну, язык не поворачивается у видевшего Константинополь, Каир, Александрию, Рим и Багдад отца Целестина назвать это поселение городом. Деревня, окружённая сосновым частоколом, расположилась на склоне высокого холма, взобравшись на самый его гребень. Местность вокруг весьма гористая, сплошной хвойный лес да немногих берёз, а дальше на север и восток поднималась горная цепь. Домов в Вадхейме было около тридцати — длинные, вроде больших землянок, внешне напоминающие холмы, благодаря тому, что крыши поросли травой. Живут в них сразу по несколько семей — нечто вроде эдаких общежитий, а неженатая молодёжь — так вообще в чём-то наподобие казармы, как римские легионеры времён Империи. Только Торир с семьёй да отец Целестин жили в отдельных домах, если так можно назвать обиталище монаха.

Но изба, хоть это и не каменная твердыня монастыря, крепка и добротна. И лучшего жилища для студёной здешней зимы не придумаешь. Злые языки утверждали, что отец Целестин отродился от людей и, мол, нехорошо быть такому видному мужчине одному, но монах не обращал на эти сплетни внимания и только вздыхал иногда: «Самих бы вас с детства в монастыре воспитать, попривыкли бы к отдельной келье, тихой да уютной». Жить в семейном доме для монаха вначале было сущим наказанием: дети орут, где-то за дощатой перегородкой любовная парочка устроилась (у-у, греховодники!), отхожее, простите, место на дворе, хоть и удобное да теплое, но все-таки пользуются им все обитатели дома. Им что — до них благотворное влияние цивилизации не добралось, комплексов, соответственно, никаких... Дети природы, так сказать.

Вот и выпросил отец Целестин у Торира себе отдельный домик и получил его меньше чем за месяц. Жрец местный уж завидовал-завидовал, тоже такой же захотел. Как же, мол, так? Христианскому годи можно, а мне, предстоятелю истинной веры, значит, нельзя? Словом, отказал ему Торир.

Надо сказать, что смолоду годи был неплохим парнем, не чурался хозяйственной мужской работы и даже недурно обращался с мечом, но вспыльчивость, обострённое самолюбие и ядовитый язык сослужили ему плохую службу — годи терпели, поскольку древних богов почитали не ради традиции, но верили в них, терпели, но не уважали. Поговаривали, что он и учеником прежнего годи стал лишь для того, чтобы обрести некую власть в селении, да не тут-то было: Торир от-

людь не пренебрегал обязанностями доброго конунга и важные для дальнейшей жизни и судьбы Вадхейма обряды проводил сам — и боги были неизменно благосклонны, а на годы были возложены недостойные конунга обременительные каждодневные культовые хлопоты: по-года на завтра, чтобы куры лучше неслись, на охоте подстрелить не одного зайца, а двух, статую какую вовремя кровью жертвенной помазать и слова какие положено при этом произнести (будто бы могучий Тор останется в противном случае без обеда)... Жрец быстро понял, что просчитался, и оттого стал еще более желчен, страшно похудел и высох, ходил высоко задрав подбородок с реденькой козлиной бородкой, отпускал по поводу всего встреченного едкие замечания и порою был совершен-но невыносим...

Обустроился отец Целестин весьма прочно. Дом опять же свой, люди его уважают, конунг подарки дарит, да и подношений за лечение предостаточно. Когда викинги в поход уходят, монах строго-настрого приказывает: книги, буде попадутся, не жечь, а ему привозить — и ведь привозят! За восемь лет большую библиотеку собрал — иной монастырь позавидует. Одних Библий штук двадцать, да Жития святых, вдобавок сочинения греческих и латинских авторов, да хроники древние. И стал тогда же монах вести хронограф Вадхейма, стал записывать местные легенды да сказки — авось пригодится кому. Вот тому же Видге — ему, как-никак, конунгом рано или поздно быть. Вспомнил отец Целестин молодость, то распятие, что сделал он для покоев Святейшего Папы — ведь оно бросило его в водоворот, вынесший бывшего инока обители

святого Элеутерия на берега Норвегии, и сделал такое же, лики Господа да Девы Марии изобразил благообразно, крест вытесал резной на крышу и превратил свой домик в маленький храм. В Торировской добыче благовонный ладан обнаружил и для собственного удовольствия и во спасение души по воскресеньям (а календарь отец Целестин вёл преисправно) мессы да обедни отслуживал, распевая приятным баритоном псалмы так, что все собаки в Вадхейме дружно ему подывали. Бывало, раньше поддеревни на невиданное представление собиралось поглязеть, а потом ничего, привыкли. Один Видга только ходит да дочка Хагнира, Сигню. Иногда Торир с приближенными зайдет, посмотрит, головой покачает да потом опять махнёт рукой. Нужно ему это больно. Своих забот выше головы.

Вот так и живем. Да что еще монаху смиренному нужно? Ничего. Житьё устроено, душевное равновесие найдено, вот и доживай свой век в тиши и радости, отец Целестин.

Отец Целестин широко зевнул, потянулся, поверчался в своем кресле, устраиваясь поудобнее, плеснул в кубок еще вина и отправил в рот жирный кусок зайчатины. Душевное равновесие, говоришь? Ах нет, приятель. Прошедшие восемь лет не прошли для тебя даром, и ум твой не настолько притупился, чтобы не видеть одной простой вещи. Да, они варвары, разбойники, по-своему добрые и хорошие люди, но именно они сохранили какое-то давнее (страшно подумать — древнее и серьезнее Ветхого и Нового Завета) и очень смутное предание о странных делах и событиях, происходивших в этих местах и южнее в совсем

уж незапамятные времена. Говорили о том, что тогда и Балтийского моря еще не было, и Британия не стала островом, и Европа была единой землёй, на которой жили странные народы, давно сгинувшие. Куда? Что за народы? Откуда эти легенды, слишком складные для того, чтобы быть просто сказками, возникшими зимним вечером у очага?

Отец Целестин в молодости читал список с Платона о погибшей в волнах моря земле. Но откуда эти норманны знают о ней и называют ее похоже — Атлантэ или, на северный лад, Аталгард? Они же не читали Платона! Они вообще читать не умеют! Отчего даже самые буйные вояки из Торировой дружины иногда смотрят с пугающей тоской в океан? Почему не раз и не два отец Целестин получал странные подтверждения древним легендам? Отчего это иногда шепчутся покрытые шрамами старцы, произнося имена неизвестных богов, перед которыми Один с богами Асгарда — просто младенцы? Надо сказать, что как ни пытался выведать монах у стариков про этих неведомых духов, так вразумительного ответа и не получил. Слышал только, что называли их словом, которое на латинский можно было перевести как «Силы Мира».

Что это? Откуда? Монах всегда был убеждён, что ничего и никогда не возникает просто так. Нет дыма без огня. Вот и непонятные легенды тоже должны иметь корень, исток...

Случайно подслушанный разговор заставил однажды сердце святого отца подпрыгнуть: два старых-престарых викинга тихо говорили о некоей единой силе, сотворившей этот мир и его народы...

Единой?! Сделав вид, что ничего не случилось, отец Целестин на следующее утро произнес страстную проповедь, способную растопить душу самого верного и завзятого идолопоклонника, перед этими старикашками, но один из них лишь покачал головой и сказал, отвернувшись, что нет в мире богов, кроме Одина, Тора ну и так далее. Монах чуть не сплюнул от досады, а уходя, резко обернулся и увидел, что оба старца странно смотрят на него выцветшими от времени глазами, разве что не плача.

Кто объяснит, что за напасть?

Последние же полгода отец Целестин пытался сложить из собранных сведений единую картину, и получалось у него такое, что и уму непостижимо. Библия — Библией, все сказанное в ней, безусловно, истинно, но и на пергаментах монаха получалась связная, очень правдивая история добиблейской древности. Недоговорённая, неполная, скрытая и изрядно подзабытая, но все-таки правда.

Одним словом, надо будет летом упросить Торира плыть к северу — там должен быть ключ к одной из загадок древних легенд. Найдёшь ответ хоть на один вопрос — тогда и весь клубок размотать можно будет, ибо неспроста все это, ох неспроста!

Наконец, почувствовав усталость, отец Целестин прервал размышления, поднялся с кресла, преклонил колени перед распятием, прочел Pater и Credo, а потом, задув едва теплящуюся личину, завалился спать на пахнущее сеном и мехами ложе.

Бот и пролетел рождественский вечер. Досадно, что Видга так и не зашел...

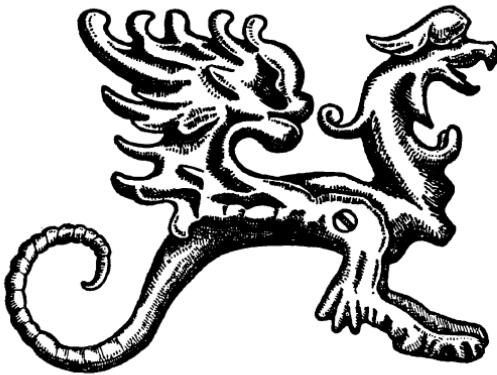
Спустя минуту монах уже спал, видя во

МИР СРЕДИЗЕМЬЯ

сне нечто очень и очень древнее и прекрасное. То, о чем память у иных народов, кроме того, средь коего он сейчас жил, была утеряна навсегда.

Что-то из глубины тысячелетий...

2. ВИДГА

Над Вадхейм-фьордом простерла белые крылья зима. Справедливости ради надо заметить, что Вадхейм располагался несколько южнее многих поселений норманнов и холодное время года было здесь сравнительно мягким, да еще и теплые воды западного течения делали свое дело. Как бы то ни было, но фьорд все же замерзал в конце ноября, и часто, когда увлекшаяся дружина Торира запаздывала, драккары приходилось ставить на зимовку у небольшого островка на входе в узкий залив. Ну а если все пять кораблей прибывали вовремя, то деревянные ладьи до весны вытягивали на берег, где смотрелись они как выбравшиеся зачем-то на сушу да и задремавшие диковинные морские звери — длинные, узкие и, хотя сейчас неподвижные, быстрые и ловкие в воде.

Так получилось и на этот раз. Ранней осенью два корабля вернулись от берегов Британии, где участвовали в крупном набеге нескольких северных дружин на города и монастыри саксов. Их привёл обратно

Халльвард — любимец Торира; конунг иногда отдавал под команду этого удальца стурмана часть своих людей. Впрочем, сказать, что добыча была велика, никак нельзя — опустошаемое частыми грабежами и войнами побережье Нортумбрии заметно оскудело, Уэссекс оборо-нялся отчаянно, в иных же частях страны хозяйничали даны. Торир со своими хирдманными весной уходил в викинг куда-то к южным берегам Балтики, затем, как настоящий фарман, ходил в Свитьод Великий — иначе Гардарики, — страну преизобильную, но крайне расто-чительную: на птичий пух, тальк, шкуры морского зверя да канаты, из тех же шкур сплетённые — а такого добра на Севере было премного, — он выторговал немыслимое количество зерна, мехов и мёда, — что, интересно, скажут эти странные словесы, когда подкрадётся суро-вая зима? — а также подновив за лето корабли, конунг Вадхейма вернулся домой, когда воды фьорда уже нача-ли покрываться тонкой корочкой льда. В любом случае пропитанием поселение на зиму обеспечено, и ладно. С наступлением следующего лета недостаток золота вос-полнится, а купить на него что-нибудь зимой в Норве-гии было бы крайне затруднительно. Но не зря же скальды пели хвалебные песни кольцедарителю? Воинам нравится конунг, раздающий золото, а женщинам нравится, когда воины дарят золотые украшения им...

Ну и само собой, золото необходимо, если, например, исполняются планы Торира о походе на Восток по великому греческому пути, к сказочным городам Персии, о которой столь часто рассказывал отец Целе-стин, побывавший в Багдаде в дни своих нескончае-мых странствий по миру. Ткани, благовония, не-

сравненное оружие, выкованное восточными кузнецами, весьма ценятся в Европе, а красочные описания монаха возбуждали в романтических душах северных бродяг желание увидеть самим все чудеса южных и жарких стран. А такой дорогой в Европе и столь необходимый шелк? Да на Востоке его можно взять за бесценок! По расчётом отца Целестина и Торира, такой поход мог занять года два, да и участвовать в нём должны всего два-три дракара, ибо части дружины следует быть рядом с домом — времена нынче неспокойные. Каролинги, фризы и германцы не упускают случая напакостить друг другу, но на севере они не страшны — боятся норвежцев как геенны огненной, а вот даны... чтоб их всех в Мальстрём затянуло! Да и свои же соседи иногда забывают и чинят разбой среди бела дня в беззащитных поселениях, из которых ушли на лето мужчины. Так что волей-неволей, а пятьдесят мечей придётся оставить здесь, дабы все знали: будет кому постоять за честь Вадхайма.

Отец Целестин старался как мог, пытаясь отговорить Торира от такой затеи, понимая, что ему придётся отправиться тоже — как знатоку тамошних нравов и толмачу. И вовсе не хотелось монаху покидать насиженное место и опять мёрзнуть и мокнуть в открытой всем ветрам и дождям ладье, носимой бесами морскими по хлябям. Перспектива испытать участь Ионы, побывав во чреве китовом, монаха не прельщала. Хватит, погулял по белу свету, дайте человеку пожить спокойно и в свое удовольствие! Ныне святого отца могли подвигнуть на подобные дела только чрезвычайные события, связанные с его страстью к изучению

дней давно минувших, которую никто более в Вадхейме, кроме приёмного сына Торира да этой девчонки Сигню, понять не мог.

Но сейчас шла зима, и по крайней мере до времени, как сойдёт лёд, ни о каких морских авантюрах и речи быть не могло. Пока же единственными развлечениями дружины были подготовка подрастающего поколения к многотрудной жизни викинга да лихая охота, где и выплескивали норманны свою неуёмную жажду действия, хаживая на свирепого медведя.

Вполне естественно, что часть продовольствия на зиму завозилась извне: земля здешняя к выращиванию хлеба малопригодна — камни одни да лес. Зато зверя в окрестных лесах водилось всякого разного, и свежее мясо всегда было на столе в каждом доме. Домашние козы и коровы содержались в качестве неприкосновенного запаса да неиссякаемого источника молока для юных белобрысых голубоглазых наследников славных традиций тех четырёх родов, что объединил под своей рукой Торир. Конечно, прокормить столь многочисленных обитателей Вадхейма трудновато, и к весне прошлогодние запасы зерна (и — что самое неприятное — пива) истощались, но зато появлялась свежая рыба, да и съедобных трав было премного. В использовании последних была большая заслуга отца Целестина, пытавшегося разнообразить довольно пресный рацион чем-либо «этаким», за что многие женщины Вадхейма считали его большим оригиналом. Да, конечно, чудной этот ромей, но есть какую-то траву, уподобляясь козам?! Впрочем, привыкли быстро, и пахучие травки, собранные молодыми девицами под надзором мо-

наха, придавали кушаньям новый аромат и вкус. В обиталище отца Целестина даже имелся закуток, в коем на стенах, на кожаных ремешках под потолком висели и лежали на полках и даже на полу огромные запасы благоуханного сена, а целебные отвары, приготовляемые монахом, поднимали с постели даже самых безнадёжных больных. Но, увы, не всегда.

Где-то за туманным горным хребтом начало свой путь холодное зимнее солнце, стояли утренние сумерки, и еще не погасли на западе последние звезды. Отец Целестин, широко раскинувшись на мягкой медвежьей шкуре, богатырски хрюпал, уподобившись громкостью трубам иерихонским, и зрел свои богоугодные сны, а к двери его дома, утопая в снегу по колено, быстро пробирался молодой парень в серой волчьей шапке и перепоясанный коротким мечом в кожаных ножнах.

Несколько осторожных, но настойчивых ударов в дверь явно не могли выгрызть монаха из сладостного мира грез, и (благо дома запирать в Вадхейме было не принято) ранний гость толкнул тяжелую дверь и вошел, не дождавшись ответа.

— Отец Целестин... отец Целестин, проснись! — Молодой норманин подергал монаха за руку. — Вставай, тебя Торир зовёт. Хельги умирает!

Видя, что сей способ пробудить святого отца явно не годится, посланец выскоцил за дверь, набрал полные пригоршни снега и, вернувшись, высыпал его за ворот рясы монаха. Такая крутая мера оказалась более действенной — отец Целестин взревел, как разбуженный медведь, и отвесил обидчику тяжеленную

оплеуху, да так, что тот, не ожидая столь негостеприимного приёма, отлетел к противоположной стене.

— Какой дьявол тут... — Монах, продрав глаза, воззрился на мотавшего головой юношу.

— А, это ты, Видга! Святые угодники, что же ты тут делаешь в такой неурочный час? Да простит меня Дева Мария, но, стой ты поближе, я бы тебя просто отправил прямиком в чистилище за подобные шутки над пожилым человеком, вкушающим заслуженный отдых!

Тот, кого называли Видгой, охая, поднялся с пола и осторожно подошел к ложу, на котором восседал разгневанный отшельник. Левая щека парня налилась роскошным кумачом — монах постарался на славу.

— Отец Целестин, старый Хельги умирает. Торир велел позвать тебя, да не мешкать. И... поздравляю тебя с рождением твоего Бога! — Видга покосился на красовавшееся на стене распятие.

— Умирает, умирает... — недовольно пробурчал отец Целестин, поднимаясь и засовывая ноги с набухшими синими венами в меховые сапоги. — Он уже три месяца как умирает, да все никак не отдаст Богу душу. Впрочем, к чему Богу столь многогрешная душа? Ну, что стоишь как истукан?! — прикрикнул монах на Видгу, едва не сбив того с ног волной перегара. — Беги к Ториру, скажи, что иду уже! Да, кстати, и тебя с Рождеством. Ну иди же!

Юноша, подняв свалившуюся шапку, нырнул в низкий дверной проём, и только снег захрустел у него под ногами. Монах же, по обыкновению бормоча под нос, снял с полки связку каких-то сушёных листь-

ев, подвязал верёвкой рясу и, набросив толстый, подбитый мехом плащ, выбрался наружу.

Ночная метель прекратилась, небо над фьордом было чистым, и хотя дул только слабый ветерок с гор, отец Целестин закутался поплотнее. Свежо, однако.

Над Вадхеймом вились сизые дымки от очагов, откуда-то потянуло запахом свежеиспечённого хлеба, со стороны кузни доносились удары железа о железо — кузнец Сигурд не желал упускать и части короткого светового дня и уже вовсю гонял своих помощников и трэлей. Мимо отца Целестина прошли собравшиеся на охоту мужчины, числом десять, негромко и деловито поприветствовав монаха, охота — дело нешуточное, но ни один не спросил, куда это он так рано направляется, — неписаное правило приличия. «Побольше бы им таких правил, — подумал монах, приветственно кивая и изображая на лице улыбку. — Вон даже Видга и тот не упустил случая сунуть снежок мне за пазуху, а ведь вопрос, почитай, у меня на руках. Варвары...»

Но тут же отец Целестин заставил себя признаться, что в случае с Видгой он, пожалуй, погорячился. Вот как раз им-то и следует гордиться как лучшим своим воспитанником, коих, впрочем, всего-то два. Вторым, а если быть точным, второй была Сигню — дочь Хагара Кривого, заслужившего это прозвище тем, что в какой-то стычке ему выкололи правый глаз. Мать Сигню умерла давным-давно, беспутный отец постоянно отсутствовал, и воспитанием девочки занялись совместно отец Целестин да Сигурни — жена Торировского воеводы Халльварда, у которой и своих детей было четверо, да все, как назло, мальчишки (Халльварда,

впрочем, был этим весьма доволен). Сигурни научила приёмыша всем женским премудростям — ткать, шить, обрабатывать мех, доить корову и прочему, а монах, твёрдо решив, что хоть кого-нибудь здесь надо воспитать как положено — то бишь по-христиански, — целеустремлённо обучал Сигню и с нею Видгу всему, что знал сам.

С Видгой приключилась похожая история. Он был сыном младшего брата Торира, Рагнара, убитого во время очередного похода в Британию, — пущенная чуть ни за два стадия из большого кельтского лука стрела пробила ему горло. А поскольку оба сына конунга умерли во младенчестве, Торир взял ребёнка к себе и объявил наследником. Так как отец Целестин в доме конунга был очень постоянным и желанным гостем, юный норманн просто заслушивался нескончаемыми рассказами монаха о чудесах Юга и Востока. Видга сам стал часто наведываться к святому отцу, приставая к нему с просьбами рассказать еще что-нибудь, и наконец отец Целестин сдался и поставил малыżu условие: «Сначала я тебя буду учить читать («А что это такое?» — удивился тогда Видга), а потом буду рассказывать истории».

На том и порешили. Отец Целестин с упоением гонял своего подопечного по лабиринтам латинской и греческой грамматик и иногда со слезами умиления арал его за уши. (Необходимый элемент воспитания. Это монах усвоил еще в обители св. Элеутерия, ибо отец настоятель применял сей приём постоянно, что способствовало лучшему усвоению материала клириком Целестином.) А Видга, отмучавшись, слушал с от-

крытым ртом рассказы странного толстяка, и воображение рисовало ему перетянутую цепью бухту Золотой Рог и зубчатые стены Константиноя, минареты Дамаска и пески Египта с возвышающимися над ними пирамидаами.

Торир вначале смотрел на все это сквозь пальцы, но после того, как Видга однажды заявил конунгу, что Один не бог, а вовсе сплошное суеверие, случилась неприятность. Видга отдался впечатляющим синяком на скуле и тем, что не мог сидеть с семицубу, а у Торира состоялся с отцом Целестином напряжённый религиозный диспут, в течение коего святому отцу пришлось услышать о себе немало нового и признать, что в искусстве стихосложения язычник-викинг, пожалуй, не уступит и великим греческим поэтам. Правда, даже сии схизматики, от коих самого Бога тошнит, никогда не употребляли сразу столько богомерзких выражений. В конце концов оба спорщика призвали на головы друг друга проклятия своих богов, после чего отец Целестин откупорил кувшин с вином, и просидели они с конунгом в домике монаха до утра. О чем велась беседа, неизвестно, а Видга, нахально подслушивавший под дверью, мог разобрать только отдельные фразы, среди которых наиболее частыми были уверения во взаимном уважении.

Как бы то ни было, но Торир позволил своему племяннику посещать монаха, и отец Целестин продолжал обучать беловолосого паренька. Разве только занятия по теологии сократились у них весьма. Впрочем, кроме латинской Библии в первые два года читать было нечего, и Видга получил достаточное представление о христианском Боге, но ни друзьям, ни родичам

ничего не рассказывал, помня печальный опыт. Позднее, в соответствии с заказами монаха, дружинники Торира начали привозить самые разнообразные книги, отобранные у франков и византийцев, и, хотя по тем временам любая литература была редкостью и изысканной роскошью, библиотека отца Целестина пополнялась исправно.

Конечно, то, что роскошные переплеты портились грубыми руками викингов, вырывавших из них сафоцветы и драгоценные металлы, было донельзя обидно, но сами пергаменты обычно не страдали. К пятнадцати годам Видга уже знал историю Рима, Византии, Греции; в шестнадцать познакомился с Гомером, Софоклом и Сенекой. Стараниями отца Целестина наследник Торира мог свободно изъясняться на латыни, греческом и арабском, а также сносно понимать еще с десяток наречий. Сигню, к слову, от него не отставала. С помощью монаха Видга составил травник, дабы знать, какое растение спасёт от жара, а какое — от лихорадки, но это интересовало его мало — то ли дело читать о походе греческого конунга Одиссея! Правда, отец Целестин нашел-таки себе достойную замену на поприще целительства: Сигню такое занятие нравилось куда больше, чем Видге, да и усердия ей было не занимать.

Кончилась вся эта история тем, что шестнадцати лет от роду Сигню была крещена (тайно, конечно), и нарёк ее монах именем пресвятой Девы Марии. Кроме монаха и девушка знала об этом только Видга, хотя сам от подобной процедуры отказался, не разобравшись до конца в своих мыслях. Отец Целестин смирился. А первую свою победу над норманнским язычеством в

миссионерском деле праздновал три дня... Некоторые утверждали, что все это время над домом монаха висело зеленое облако винных испарений. В хронике Вадхейма появилась о сём примечательном событии (крещении, понятно, а не о том, что за ним последовало) запись на латыни. Бояться было нечего, так как читать во всем Вадхейме умели только трое, а латыни никто, кроме них, не знал и подавно.

Отец Целестин сумел заинтересовать Видгу и обучал его с немыслимым терпением и усердием, которые за семь лет передались и приёмному сыну конунга Торира. Но Вадхейм не монастырь, а Видга все же не клирик. Книги — книгами, но молодому викингу необходимо владеть оружием и править кораблём, тем более если он когда-нибудь примет власть над людьми четырёх родов, уже не первое столетие живших на берегах Вадхейм-фьорда. И если все вечера Видга просиживал у монаха, то утро и день его тоже были загружены до отказа. Торир и другие бывалые рубаки выжимали из тела Видгу все соли, обучая искусству мечного боя, стрельбе из лука и самострела и другим норманнским наукам. Вся молодёжь через это проходила, и не след наследнику Торира отставать от своих сверстников! Вначале были просто деревянные палки, потом перешли на незаточенные стальные мечи или боевые топоры — кому что нравилось.

Каждый день и по многу часов, до седьмого пота и до обморока. Со щитом и без него, с двумя клинками и с одним, — нужно уметь защитить свою жизнь и отнять жизнь врага. Торир и Халльвард не щадили никого — на упавших выливалась бадья воды, их подни-

мали на ноги, и все продолжалось. Видга не только сжимал зубы и молча делал то, что от него требовали. Сложenia он был не самого мощного (хотя стал повыше Торира, отличавшегося на редкость крепкой фигурой), но был более гибким и ловким, чем остальные ребята. Это давало Видге возможность одаривать своих — пока еще ненастоящих — противников ударами с неожиданных направлений и позволяло выигрывать большую часть схваток. Торир оставался доволен: любимый племянник подавал большие надежды, невзирая на всю свою заумь. Конунг ухмылялся в бороду: нет, не зря он тогда согласился с этими посиделками Видги с толстяком; хоть не писано этого в древних законах, но преемник у него будет что надо! Все равно монах дурному не научит — добрый он человек, а без образования в наши времена никуда... Глядишь, может, и будет когда-нибудь на весь Север греметь имя Видги Рагнарссона по прозвищу «Мудрый» из Вадхейма! Поживём — увидим, а сейчас... Эй, балда, он же сверху рубит! Не отбивать такой удар надо, а отводить! Дай покажу!..

Своего рода боевое крещение состоялось у Видги год назад, к концу зимы. Сам он об этом рассказывал мало, случилось же вот что. За два месяца до того подняли бонды в лесу медведя из берлоги, да убить не сумели — сбежал, подлец, заломав охотника с рогатиной, с несколькими стрелами в боку. Раны, видать, были не смертельные: искали косолапого по кровавым следам, да не нашли. Так дело и оставили — авось подох где-нибудь. А после этого начались неприятности. Осатаневший и голодный зверь задрал несколько собак, да еще жертвой шатуна стали двое трэлей, отправлен-

ных за хвостом. Их тела, вернее, то, что от них осталось, отыскали через пару дней. Устраивали облаву, все окрестности общарили — никакого толку. Потом стало тихо. Решили, что ушел в горы, но не все в это верили, зная, что оголодавший людоед не покинет мест с лёгкой добычей. Так и вышло.

Видга с четырьмя молодыми парнями отправились в лес пострелять зайцев; всего оружия-то — лук да нож, уже и думать забыли они об этом медведе. Тем паче что жертв Одину за избавление от напасти принесено было достаточно, и годи со знанием дела заявил, что теперь-то все будет в порядке. В лесу охотники разбрелись по сторонам, потеряв друг друга из виду, и Видга забрёл в широкое, поросшее сосняком ущелье между двумя обветренными скалами, наткнувшись на лосиные следы и катыши. А вместо лося перед ним вдруг выросла гора бурого меха с горящими жёлто-коричневыми глазами. Где медведь прятался, осталось неясным — ни следов тебе, ни укрытия. Словно с неба свалился. Чудом увернувшись от толстой, как бревно, лапы с красовавшимися на ней когтями длиной с ладонь, Видга прижался спиной к сосне, понимая, что уйти не удастся: или ты, или зверь. Последний, предвкушая трапезу, после первого промаха забыл всяющую осторожность и попёр напролом. Поднявшись на задние лапы и мерзко урча, мохнатое чудище прынуло на стоящего у дерева человека, раскрыло пасть с жёлтыми клыками и уже было готово сомкнуть смертельные объятия... Видгу обдало немыслимым смрадом из бездонной глотки бурого, и все же единственный его удар пришелся как раз в шею безмозглой твари, и вовремя. Нож вошел по

рукоять, взлетел фонтан ярко-алой, дымящейся на морозе крови, щедро окропив ею и снег, и человека. Уже в агонии, медведь сумел порвать своему убийце одежду и сильно расцарапать грудь и руку. Но в поединке с силой разум взял верх, и у ног молодого викинга теперь лежала туша огромного зверя — дело, достойное любого мужчины из Вадхайма.

Уже смеркалось, когда Видга наконец приволок медведя к ограде поселения на сооружённом из палок подобии саней. Вид у героя был не ахти — в крови с головы до ног, и не поймёшь, где своя, а где звериная. Одежда разорвана, левой рукой шевелить больно, бок опять же болит... Торир только головой покачал и послал за отцом Целестином и Сигню с их травами. После состоялось сразу три события: великий пир в доме у конунга (как же, не каждому так везет!); затем очередное жертвоприношение в капище с долгими восхвалениями богов. Жрец и глазом не моргнул, сообщив, что скрытая воля Одина свершилась, а разговоры о том, что зверь покинул эти места, были только для отвода глаз, — мол, боги хотели испытать сына конунга, а я им, сколь мог, в этом помогал. Отец Целестин, слушая этого шута горохового, только глаза к небу возводил. Ну и третьим событием явилась благодарственная месса, отслуженная отцом Целестином в присутствии Торира и его стурманов. Конунг почему-то подумал, что к данной истории приложил руку и христианский Бог и обижать его невниманием не следует. Разбеждаться конунга отец Целестин, само собой, не стал. Правда, во время молебна у монаха трещала голова и он слегка путался — так это все из-за вчерашнего...

В общем, вот так в жилище духовного наставника появилась медвежья шкура, а сам Видга стал настоящим мужчиной не только по числу пережитых зим, но и по мнению всего Вадхейма. А исполнилось ему тогда полных семнадцать лет.

В тот же год Торир впервые взял своего будущего преемника в большой поход, будучи уверенным, что тот обучился всему, что нужно для приличного норманна. Два корабля, как уже сказано, шли к берегам Британии вместе с Эльгаром (жив, жив старый волчище, хоть и семь долгих лет прошло с тех пор, как расстался с ним монах!) и несколькими другими дружинами. Торир же, будучи человеком самостоятельным, решил податься на восток, к южным берегам Балтийского и Северного морей, на трёх дракарах и поразведать в прибрежных поселениях германцев и поморских да полабских словинов на предмет новых товаров. И тогда же, провожая своего воспитанника, отец Целестин впервые в жизни разрыдался, как дитя. Целый месяц монах изводил себя, проклиная день тот и час, когда нечистый надоумил его покинуть Константинополь. И теперь, обретя хоть две родные души, он вынужден расставаться с тем, кого вырастил и научил уму-разуму. Ну почему Видге не сидеть в Вадхейме, не учиться мудро управлять своим, пусть и очень малочисленным народом? Что ждёт его там, за морем? От чьей стрелы или меча примет он смерть?

У отца Целестина за несколько недель до ухода кораблей из фьорда состоялся по этому поводу очередной разговор один на один с Ториром, но конунг был непреклонен, и вышла бы у них серьезная размолвка, кабы не явился сам виновник и не положил спо-

рам конец, заявив, что он все равно пойдёт с дядей и пусть отец Целестин не беспокоится, все будет хорошо.

В день отплытия монах сунул Видге целий мешок с травами, благословил и даже надел ему на шею тот самый серебряный крест, который был с ним с того дня, когда молодой монах-бенедиктинец покинул родное аббатство. Видга рассеянно благодарили, вполуха слушал наставления насчёт лечения всяких ран, а мысли его были уже далеко от Вадхейма. Начиналась новая жизнь, полная новых ощущений; над драккаром уже поднимался белый с синей звездой парус, дружинники втаскивали последние тюки с продуктами и бочонки с водой, даже шум прибрежных волн, разбивавшихся о каменистый берег, звучал необыкновенно ново. Еще немногого, и он покинет знакомый до последней травинки мир Вадхейм-фьорда и выйдет на большой и неизвестный, — и от этого еще более манящий — путь. И пусть знают даны и франки, фризы и германцы, что в дружине Торира появился еще один меч! Так что до свидания, Вадхейм, до свидания, отец Целестин и Сигню, и да пребудут с вами Иисус и Один!

Монах стоял у самой воды и сквозь слезы смотрел на уходящий драккар Торира и на стройную фигуру Видгу, стоявшего на корме рядом со своим конунгом. Вокруг кричали и махали руками женщины, визжали от восторга дети — неоперившиеся птенцы, но что-то снова заставило отца Целестина приглядеться внимательнее к своему ученику.

Все вроде в нём то же, обычное. Коричневая кожаная куртка с железными бляхами и теплым

меховым воротником-капюшоном, меч на боку, самострел за спиной. Волосы соломенные — почти белые — по ветру летят, даром что обрезал их Видга перед походом так, что и до плеч не достают; глаза, серо-голубые, словно воды фьорда, да серьезные не по годам, смотрят спокойно и будто с вопросом немым. Спокоен он, как всегда впрочем, да только видимость это одна. Уж мне-то, старику, по свету немало побродившему, в людях ли не разбираться? И побаиваешься ты, приятель, и тут же рвёшься вперед, словно ишёшь что-то мне неведомое... Только вот что? Почему, зачем живёт в тебе эта странная тяга северного народа к путям-дорогам, как у птиц перелётных? На первый взгляд ты, дружок, такой же, как всегда, как год или два назад, повзрослев разве что... Но похоже, мне одному здесь виден свет, что исходит от тебя, Видга, сейчас. Мне и Сигню еще, пожалуй.

Тайный отблеск величия некоей невообразимо древней расы, что старше греков, иудеев и египтян, отражение ее силы и славы, в тебе живущее. Свет, истекающий из пучин времени, в которые заглянуть под силу лишь Господу Богу одному. Что за дар в тебе скрыт, норманн? Нет у меня, смиренного монаха, ответа, но я доберусь до истины, чего бы это мне ни стоило. Только возвращайся живым, Видга...

Монах развернулся и, тяжело ковыляя по поросшим мхом камням, стал подниматься наверх, к деревне. Пять кораблей, зrimых с берега теперь лишь тёмными силуэтами, уходили на юго-запад, становились все меньше и меньше и вскоре совсем скрылись от взора собравшихся на берегу. Обернувшись, отец Целестин еще раз всмотрелся в ущелье фьорда и вдруг

увидел, — или почудилось то? — сверкнула будто яркая золотая искра на горизонте и тут же погасла, словно солнце на волосах его ученика. Или неведомая мощь, сосредоточенная в нём, дала о себе знать на прощание?

Отец Целестин испуганно перекрестился. Монах заметил странности в Видге почти сразу после их знакомства и вначале не придал им значения. Ну, может быть, ребёнок от природы одарён и схватывает все на лету, да и память у него хорошая, и соображает он что к чему быстрее, чем Сигню. И историю древнюю, еще доримскую, принимает как само собой разумеющееся. Но почему у Видгу вид такой, словно не что-то новое он узнаёт, а попросту вспоминает забытое и утерянное? Отчего этот десятилетний ребёнок может одним словом утихомирить насмерть грызущихся собак и даже двумя-тремя фразами разрешить спор у взрослых, да так, что те и не видят потом причины своих разногласий и внимают словам мальчишки, как советам мудреца? Откуда этот потомок норманнов знает, какая погода будет завтра и через седмицу? Зачем в ясные ночи проводит он многие часы на морозе, глядя на сияющие точки звезд, будто бы ищет в небесах решения невысказанных сомнений, и мерцание далёких светил словно отражается в его глазах?

На эти и многие другие вопросы отец Целестин не находил ответа. И годы спустя, глядя, как Видга бьёт из лука навскидку в глаз белке и ясным днём, и в сумерках, как может ночью по далёкому хрусту веток в лесу, за оградой поселения, определить, прошел ли лось там или олень, как в кромешной темноте зимней ночи умеет найти дорогу из самой дремучей чащи к дому..

Видя это, монах понимал, что талантами ученик его награждён необычайными. А слушая и записывая древние легенды норманнов, повествующие о странных и непонятных событиях и народах, отец Целестин как наяву видел Видгу среди главных героев давно отгремевших битв и удивительных историй, перед которыми меркли в книгах Моисея описанные штурмы Иерусалима и Вавилона, чудеса, явленные Исаией, Соломоном и другими знакомыми монаху с детства персонажами Вечной Книги. И библейские истории оставались, несомненно, истинными, но куда как более поздними и новыми, чем те, над разгадкой тайны коих уже несколько лет бился бывший смиренный инок из обители св. Элеутерия.

Нежданное и жутковатое подтверждение своим наблюдениям монах получил два года назад, летом 849 года. Видга, которому тогда едва минуло шестнадцать лет, ночами стал уходить из поселения куда-то в лес и пропадал там до утренней зари. На все расспросы отца Целестина он отвечал, что ходит гулять и охотиться и ничего больше. Как монах ни допытывался, узнать он более ничего не сумел, хотя таинственные экспедиции воспитанника возбуждали в нём вполне закономерный интерес и негодование, — мал еще, чтобы ночами шляться бес знает где!. Однажды — было уже за полночь — отец Целестин, выйдя подышать свежим воздухом, увидел знакомую тень, как кошка крадущуюся к воротам в ограде. Монах, соблюдая предельную осторожность, последовал за Видгой, который направился к горам. Любопытство клирика было вознаграждено, хотя и ожидал он увидеть обычное амурное свидание под луной уже почти взрослого норманна с какой-

нибудь юной девой, а не то, что произошло в действительности и повергло отца Целестина в состояние близкое к помешательству.

Невзирая на солидный возраст и еще более солидную упитанность, отец Целестин пробирался по лесу, следуя за тёмным силуэтом Видгу, проклиная про себя то и дело попадавшие под ноги сухие ветки, безбожно хрустевшие. Но Видга не оборачивался и был на диво невнимательным, просто на себя не похож — видно, весь уже находился там, куда так спешдал, — и продолжал углубляться в лес, пока не вышел на широкую прогалину, поросшую вереском. В центре довольно большой поляны, окружённой со всех сторон густым ольшанником и молодой сосновой порослью, возвышался тёмно-красный, заострившийся кверху гранитный камень, похожий на остриё громадного копья. В Вадхейме это место, находившееся стадиях в двадцати пяти от поселения, считалось дурным, а острый монолит, совершенно не похожий на обычные валуны, люди звали не иначе как «Зубом Фафнира» и старались обходить поляну стороной. Отец Целестин, интересовавшийся местными легендами, не удовлетворился короткими и смутными упоминаниями про Зуб Фафнира, слышанными от женщин Вадхейма, и попытался поподробнее разузнать об этом камне и связанный с ним истории угоди, полагая, что он-то уж должен быть осведомлён больше других. Но плоды усилий на ниве краеведения оказались прискорбно малы: недолюбливавший монаха жрец наградил его обычной байкой о каких-то зловредных лесных духах, враждебных богам и людям, и довольно грубо посоветовал отцу Целестину не соваться в эти дела — целее, мол, бу-

дешь. В ответ на такое хамство отец Целестин высморкался прямиком на статую бога Бальдра, и оба священнослужителя расстались весьма друг другом недовольные. И вот тёмной августовской ночью монах получил возможность лично узреть то, что считал обычным норманнским суеверием.

Видга стоял у камня и оглядывался вокруг, явно чего-то ожидая. Притаившийся за кустами монах даже издалека и почти в полной темноте видел, как напряжён мальчишка — будто удара ждёт. Луна к тому времени зашла, и над долиной Вадхейма сгустился непроглядный мрак, разрываемый только светом звезд. Ветер стих, предутреннюю тишину не нарушал ни единый шорох. Даже ночные птицы примолкли. Отец Целестин чувствовал себя так, словно его закрыли в бочке и бросили на дно моря. Полноту ощущений портил только сучок, впившийся в спину. Монах шёпотом выругался и тихонько присел на большую кочку, с которой обзор поляны был куда лучше.

Прошло совсем немного времени с того момента, как Видга остановился у Зуба Фафнира, и вдруг монах с изумлением понял, что на поляне стало светлее — свет изливался откуда-то, мягкий, золотистый, казалось, в ночной лес пробился луч закатного солнца из жаркого летнего вечера. Воздух начал вибрировать, до отца Целестина докатилась пришедшая неведомо откуда волна блаженного тепла, и он, почти за гранью слуха, уловил странные звуки — не то пение, не то музыку. В мерцающем золотом тумане, окутавшем поляну, глаза монаха различили смутные и полупрозрачные тени, словно порождённые самим колышущимся маревом, и

вскоре стало ясно, что свет и тепло исходят от самих человекоподобных высоких фигур, окруживших гранитный камень, по граням которого скоро, как диковинные насекомые, забегали холодные голубые огоньки. Узрев всю эту бессовщину, отец Целестин с немыслимой скоростью горячо зашептал молитвы, на сей раз ставя перед всеми святыми задачу избавить и его, и Видгу от сатанинского наваждения, но, увидев дальнейшее, осёкся на полуслове и тихонько застонал. И было от чего прийти в ужас: тени окружили молодого норманна, Видга протянул к ним руки, и такой же золотой свет стал исходить от него самого. Волосы словно вспыхнули, глаза казались двумя каплями росы, сквозь которые прошли лучи звезд...

И в этот момент отец Целестин издал отчаянный и неблагозвучный визг, сменившись еще более неблагозвучными ругательствами на норманнском и латыни. Причин подобному безобразию было две: во-первых, монаха до смерти напугал происходивший у камня странный спектакль; второй же повод был куда прозаичнее: большая и мягкая кочка, где столь уютно устроился святой отец, на поверхку оказалась громадным муравейником, обитатели которого выразили свое возмущение тем, что беспощадно искусали соглядатая за филейные части. Последствием сих мученических воплей явилось мгновенное исчезновение призрачных теней — словно ветром сдуло, хотя ветра-то не было. Свет погас, мелодичные звуки оборвались, а Видга, видимо сам донельзя перепугавшись, опрометью кинулся прочь от Зуба Фафнира. Охая и проклиная себя за недолготерпение, отец Целестин поплелся обратно,

будучи весьма и весьма озадачен и устрашён увиденным. Иисус и все святые, ответьте, что это было?!

На следующий день отец Целестин пребывал в таком смятении, что чуть не забыл про пиво...

Видга не заглядывал к монаху с седмицу и все это время ходил как в воду опущенный, но ночами больше не исчезал. Шесть дней монах ну просто с ума сходил от любопытства и заодно изводился оттого, что Видга явно обиделся, и, похоже, довольно серьезно.

Когда юнец все-таки пришел, отец Целестин, не медя ни минуты, набросился на него с расспросами и требованиями объяснений. Видга же угрюмо отмалчивался, а когда монах стал чрезмерно назойливым, заявил, что он сейчас уйдёт и никогда больше не вернётся, буде допрос продолжится. Когда придёт время, он сам все объяснит. Сейчас же он не скажет ничего.

Святой отец повздыхал, покачал головой, но оставил все как есть. Тем более что случившееся той августовской ночью стало лишь одним звеном в цепи необъяснимых событий, уже который год заставлявших отца Целестина смущаться в сердце своем. До самого смертного часа монах не забудет колдовское сияние золотого тумана, кружавшихся в танце бестелесных созданий и сияющие светом звезд глаза своего воспитанника, встретившегося с чем-то вышедшем из странных преданий своего народа — с тем, что ему, Видге, было знакомо всегда и что не могло принести никакого зла или вреда. С одной из величайших тайн, с удивительным отблеском стинувшего мира из северных легенд.

Да и не из легенд вовсе, а из истории.

Отгремевшей, ушедшей, забытой почти всеми, но бывшей, до безумия правдивой истории прошедших веков.

Еще не раз и не два отец Целестин наблюдал явления скрытой в Видге силы. Один такой случай произошел за седмицу до стычки молодого норманна с медведем. Монах выдал Видге книгу с историей Платона, а сам начал разбирать изрядно потрёпанные Жития деяния апостолов, собираясь заново переплести старинные листы, покрытые расплывшимися от сырости строками. Домик освещался только лучиной, да тлели в очаге раскаленные угли, — надообно будет испросить у Торира привезти приличную жаровню! Сигню в тот вечер ушла домой рано, и они остались вдвоею, целиком погруженные в свои занятия. Монах, мурлыча себе под нос григорианские песнопения, разбирал и скреплял страницы, изредка посматривая на Видгу, с головой ушедшего в описание гибели древнего острова, стоявшего среди моря.

И вдруг отца Целестина как ударило что-то. Он поднял взгляд, и глаза его округлились: фигура склонившегося над фолиантом юноши снова, как и тогда в лесу, окутала золотым сиянием, и в монаха ударили волны тепла, исходившие от Видги. По его соломенным волосам пробегали струи огня, кожа приобрела цвет старого белого вина, сквозь которое прошел солнечный луч, — казалось, что Видга стал неким сосудом, золотой свет вмещающим. Монах ясно увидел даже появившиеся на стенах и полу тени от находящихся в комнате предметов. Сила разливалась от Видги, распространяясь вокруг и будто питая собой все встреченное на пути, — даже бревенчатые стены стали словно бы янтарными.

Сам же Видга и вовсе ничего не замечал — сидел как сидел, подперев щеку рукой. И вот тут рука пись начала тлеть.

Отец Целестин, хоть и был напуган, среагировал моментально: могучим ударом выбил из-под воспитанника скамью и бросился тушить бесценный памятник, даже и не разобравшись сразу, что все прекратилось — Видга уже выглядел как обычный человек и сам с удивлением смотрел на переполнившегося монаха. Тот, с опаской косясь в его сторону, одним махом осушил полгиты пива и с совершенно отрешённым видом уставился на Видгу.

— Ты, сын мой, похоже, и сам не ведаешь о заключённой в тебе тайне и не знаешь, как ею распоряжаться и что она такое, — подвёл итог произшествию отец Целестин. — Когда надумаешь все объяснить, верней, рассказать то, что знаешь, — сделай это. Я тебя выслушаю и постараюсь помочь. — Монах вздохнул и осенил себя крестом. — Иди домой, Видга. Я хочу побывать один.

Покамест страстно ожидаемый отцом Целестином разговор так и не состоялся, однако святой отец не терял надежды и по-прежнему с великим рвением и усердием собирал старинные предания норманнов, сравнивал их с греческими и римскими. Но кто же ответит, какая связь между Геродотом и Платоном и проявлением в семнадцатилетнем парне один Бог знает какой силы? Что общего у танцующих вокруг камня привидений, погибшей в волнах океана земли и воинственного северного народа? А в том, что эта связь есть, отец Целестин был готов поклясться на Библии. Как-то Видга обмолвился, что, читая книгу, ровно сам видел

все происходившее: гору воды, обрушающуюся на многолюдные города, пылающие багровым пламенем горы и разверстую пропасть, поглотившую в своих недрах дивный остров. И корабли с порванными парусами, пробивающиеся через невиданную доселе на земле бурю. Корабли, так похожие на драккары... Отец Целестин не знал, что тут и думать.

И тогда, солнечным апрельским днём, он до боли в глазах вглядывался в горизонт, в голубой туман, куда канул флот конунга Торира, надеясь, что Видга еще раз даст о себе знать своему старому учителю, но ничто более не нарушало закатного покоя. Воды фьорда, окружённые отвесными скалами, оставались неподвижны, а дальше на запад разливалось лазоревое сияние океана, и различить там что-либо было невозможно.

Все восемь с половиной месяцев Торирова похода отец Целестин места себе не находил, то воображая, что попали драккары в бурю и как один утонули и не спасся никто из пучины, то мнилось ему, что пали все архангелы в схватке жестокой с дикими восточными племенами словинов и пруссов, и много еще картин престрашных и прегорестных вставало пред внутренним взором монаха... Он и думать забыл, что мальчишку непременно испортят все эти разбои и (по большей части) бессмысленные убийства и насилия. Что и говорить, жестокости викингам было не занимать — каждый вставший против них с оружием должен был погибнуть. Отец Целестин уже давно понял, как ему повезло, когда он повстречался в Эгейском море с ярлом Эльгаром, — ведь запросто могли или мечом ткнуть, или за борт выбросить. А когда в сентябре верну-

лись в Вадхейм два корабля, ведомые Халльвардом, монаха чуть удар не хватил: где же Торир?! На все вопросы Халльвард только руками развел и сказал, что конунг повёл свои лады на восток и пускай толстяк не боится, ничего с ними не станется. Понятно, что святого отца ободрительные сии речи ничуть не успокоили, и он ежевечерне возносил молитвы всем святым и Деве Марии с просьбами хранить Видгу (он же почти христианин!!) от любых опасностей. Неизвестно, стал ли странный сон монаха ответом на эти молитвы, или то проявилось участие иных сил, но на следующую ночь по возвращении домой Халльварда отцу Целестину отнюдь не полегчало, скорее наоборот.

Вечером монах забрал у воеводы свою часть добычи — несколько тяжеленных рукописей, которые, как оказалось, находились на римском корабле, шедшем в Британию. Из описания отец Целестин понял: то была папская миссия на остров, а потом из рассказа Халльварда стало известно, что викинги перебили только матросов да нескольких бывших на корабле солдат-наёмников. Помня, как выглядел и одевался отец Целестин, дружины поступили до крайности гуманно — оставили жизни двум десяткам монахов в рясах и с тонзурами, а потом попросту бросили ограбленное судно, оставив на нём трупы моряков и военных да вопяющих от ужаса святых отцов, предоставив им самим довести корабль до берегов Британии. Отец Целестин только крестился и шептал молитвы за упокой безвинных душ, но книги взял, прихватив заодно и маленький бочонок сладкого красного вина, явно произведённого на Крите. Ну что с этими норманнами подела-

ешь? И как небеса не разверзлись и не поразили громом этих бесов в человеческом облике, которых не останавливает даже святой крест и знамя Святейшего Папы Льва IV? Впрочем, новые книги уже безраздельно завладели думами святого отца...

Забыв обо всем, до глубокой ночи отец Целестин просматривал драгоценные фолианты и, сам того не заметив, уснул за столом, ибо и критское вино не оставлял он без внимания. И вдруг воображению его представилась болотистая дельта широкой реки, озарённая лунным светом, небольшой вытянутый островок там, где сплошные воды распадались на два рукава, выходящие к морю. На островке пылали костры, ходили люди, у берега стояли, чуть покачиваясь на тихой волне, три длинных и узких корабля, походящие на морских змей, и монах вдруг понял, что на убранном на стоянке парусе одного из них горит синяя восьмиконечная звезда, которую изобразил именно он. И что-то необычное было в этом, с носовым украшением в виде головы медведя, норманнском драккаре, хотя все как обычно — щиты висят по борту, весла на ночь сложены, но... Корма ладьи надвигалась на отца Целестина, притягивая его взгляд. Уже виденный монахом золотой свет заливал потемневшие от времени доски, в центре же этого сияющего ореола... Иисус и Святая Дева Мария, это ж Видга! Спит, похоже, но чутко, полусидя, привалившись спиной к бочонку с водой. Сам все тот же, только лицо обветрилось да волосы выгорели (хотя куда уж больше!).

— Отец Целестин, ты должен меня услышать! — внезапно раздался в сознании монаха голос Вид-

гу. — Мы теперь домой, осень ведь. До холодов успеть надо. У нас все хорошо, только Торлауга и Скегги убили, да с ними еще десяток. А были мы на реке Данн, да много где еще. Торир говорит, придём в Вадхейм не позже чем через месяц и...

Видение неожиданно оборвалось. Последнее, что успел заметить отец Целестин, — заходящий огромный серебряный месяц, чей свет отражался в черных водах реки...

Монах резко поднял голову, гадая, что же это было. Просто сон или... Он вскочил, выбрался из домика наружу и глянул на небо. Ущербная луна склонялась к горизонту — все так же, как и над рекой на востоке. Монах в который раз подумал, что надо бросать пить.

Через две недели и пять дней в устье фьорда появились три черные точки, а спустя несколько часов глаз уже мог различить сине-голубую звезду на парусе переднего драккара.

Вот и не верь после этого снам!

Все последующие дни Видга, не поспевая за собственными мыслями, захлебываясь, излагал монаху все подробности своего первого похода с дружиной конунга. Отец Целестин умилённо слушал, записывая в свою хронику самые интересные моменты, касавшиеся жизни удивительных народов на востоке; о живущих средь бескрайних лесов племенах словинов, об их богах, статуи коих вытесывались из дерева, праздновании Дня Середины Лета, свидетелями которого стали дружины Торира, отдыхавшие в городище на берегу одного из бесчисленных озер Свитьода Великого. Торир закупал здесь впрок на долгую зиму зерно, мёд, смолу и разные прочие товары, запретив своим удальцам

устраивать обычные норманнские безобразия, тем паче что в том поселении даны из знаменитого рода Аудлингов держали склады и ремонтировали свои суда, — тут был их передовой форпост для проникновения дальше, на юго-восток, к Каспийскому морю и Константинополю, где они, смирив воинственный нрав, были чуть ли не единственными купцами из Европы. Торир и сам был не промах, и прекрасно понимал, что разбойничать в Гардарики по берегам — только портить дела и себе и другим.

Уже южнее, пройдя по рекам в земли многочисленного племени полян, они встретили самый настоящий город, именуемый полянами Родень. Там Видга услышал знакомый говор и подошел к разодетым в яркие шелка людям узнать, кто они: оказалось, что византийские купцы да миссионеры, прибывшие вместе с послыством императора Феофила в северные земли. Отец Целестин покатывался со смеху, представив себе физиономии надменных византийцев, когда молодой северный варвар довольно бойко заговорил по-гречески, а затем, показывая, что и он не лаптем щи хлебает, начал сыпать цитатами из Писания и из древних авторов. Сказать, что гости из Константинополя были удивлены, значит, ничего не сказать! Видга поведал о том, что греки даже пригласили его на свой корабль («большой такой, красивый!»), угощали, восхищались его познаниями, а священник по имени Мефодий подарил Евангелие с рисунками и в роскошном окладе, приметив на груди норманна серебряный крест отца Целестина. Видать, признал за своего и даже приглашал заходить в гости, буде Видга окажется в столице Византии.

Родень оказался большим городом, в котором часто бывали и греки, и викинги, и восточные соседи — совсем уж неизвестные отцу Целестину кочевники, — авары и болгары.

Поселение, как выяснил Видга, было столицей союза трёх племён, местом большой торговли, весьма, надо сказать, многолюдным. Поджав губы, целомудренный монах выслушал восторженные отзывы о тамошних девицах, кои весьма красивы и любезны. Что именно крылось под словом «любезны», Видга не сообщил.

Словом, мальчишка был переполнен впечатлениями от своего путешествия и готов был рассказывать бесконечно. Но отца Целестина более всего волновало только одно — то, что случилось сентябрьской ночью, когда драккары Торира стояли у маленького островка в устье широкой и медленной реки. И в один из вечеров монах таки задал этот вопрос, оборвав рассказ своего ученика о тяжелой стычке с бургундскими кораблями недалеко от места, где великая река Рейн впадает в море.

— Не знаю, — Видга запустил пятерню в густые белые волосы и чуть покачал головой, — я просто уснул, а потом увидел тебя — ты сидел тут, за книгами, и тоже спал. Мне показалось, что ты меня можешь услышать и... — Он вдруг тряхнул головой: — Да нет, не показалось. Я словно знал, что ты меня услышишь, и знал, что ты беспокоишься. Ну и сказал, что все в порядке, а потом меня разбудил Олаф, и я не успел договорить. Вот и все. — Видга выглядел как-то виновато. — И сам не знаю, как это у меня получилось. Ты испугался?

— Испугаешься тут. — Отец Целестин

потёр подбородок и встал. — У тебя когда-нибудь такое же случалось?

— Да нет... — Видга покал плечами. — В первый раз, но... — Тут он осёкся, словно не желая выболтать какой-то свой секрет. Больше они к этому не возвращались, но монах понял, что попросту стало еще одной тайной больше в целой коллекции таковых.

Воспоминания сии будоражили отца Целестина, пробирающегося к дому конунга Торира, что стоял почти на самой вершине холма, недалеко от тына, защищающего поселение. Дом по виду был самым обычным, хотя и поменьше остальных — длинный, бревенчатый, прямоугольный сруб с двускатной крышей и редкими узенькими окнами, затянутыми бычьим пузырём. Света от них было немного, и монах совершенно не понимал, для чего окна вообще прорублены, — помещения и зимой и летом освещались просмолёными факелами, отчего крыши изнутри покрывались многолетним слоем копоти, не спасали и отдушини в потолке.

У Торира жило довольно много народу — жена, две дочери, еще человек двенадцать близких и дальних родичей и вдобавок несколько рабов. Дом разделялся проходными перегородками, и почти у всех имелся свой отгороженный угол, но принцип общежития, принятый у норманнов, в той или иной степени был сохранён. Целиком отделили только покой самого конунга в дальнем конце дома: был даже особый выход и маленькая пристройка, вроде сеней. В общем и целом Торир устроился весьма удобно, а то, что дом поставили довольно высоко на холме, на склонах которого

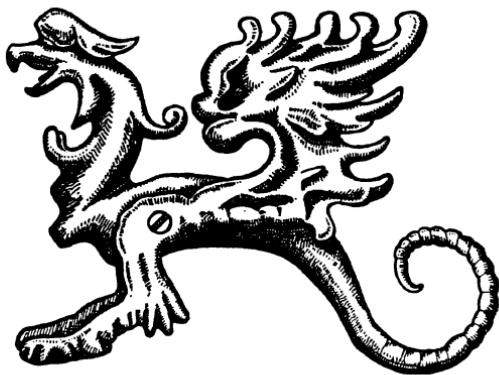
МИР СРЕДИЗЕМЬЯ

располагался Вадхейм, спасало от сырости и иногда случавшихся наводнений — сильным ветром несло воды из фьорда. По этой причине дома внизу, у самого берега, стояли на сваях, но таких было совсем немного, и эти постройки являлись самыми старыми во всем поселении.

Уже окончательно рассвело, но солнце еще не вышло из-за гор на востоке. Идти от домика отца Целестина до Торирова «дворца» было недалече, но зато вверх по склону, и монах, кляня свою тучность, брёл довольно медленно, опасаясь поскользнуться на утоптанной тропе. Добравшись-таки до двери и слегка задыхаясь, отец Целестин толкнул тяжелый притвор и вошел в дом, дав пинка в сенях зазевавшейся мохнатой крысе.

Обеспокоенный Торир сам встретил монаха в первом же жилом покое.

3. РЕЧИ ХЕЛЬГИ

Хельги действительно умирал. По расчётом отца Целестина, старику было за восемьдесят — возраст редкий даже в Италии, а уж на этом промозглом Севере столь преклонные годы невольно вызывали уважение. Ториру Хельги приходился родным дядей, будучи младшим братом Торицова отца. Уже давно у старика щемило в груди, болела левая рука и отекали ноги, а в последние месяцы он вообще не вставал с ложа, несмотря на отчаянные усилия отца Целестина и Сигню, которая просиживала у его постели целыми сутками. И вот в холодное рождественское утро пришел черёд Хельги Старого идти в Вальхаллу, к Одину...

Отец Целестин выгнал из помещения всех, кроме Сигню и Торира, который, впрочем, остался сам: перечить же конунгу монах не хотел. Тот и так расстроился.

— Он с ночи хрипит, и пена на губах, — прошептала Сигню, указывая глазами на седого как лунь старика, полу сидящего на высоком ложе. — Я

все сделала, как ты велел: и посадила его, и пить не давала, но все равно ему хуже и хуже.

Монах вытащил из-за пазухи сухие листочки и вручил их своей помощнице:

— Вот, наперстянку завари-ка пока, а я посмотрю. — Он подошел к самой постели и понял, что тут уже ничем не помочь. Из груди умирающего вырывались булькающие хрипы, словно его лёгкие были полны воды, ноги и руки отекли ужасно, глаза смотрели совершенно отрешённо. Еще час, ну, может, два — и все, никакая наперстянка не спасёт... Отец Целестин покосился на помешивающую деревянной ложкой в дымящемся горшке Сигню. Глаза красные, тени от недосыпа, но ничего, держится. Молодец девочка! А Торир хмурый, бороду теребит да смотрит угрюмо, и не поймёшь, одобряет он такое лечение или нет.

— Торир, послушай, думается мне, умрёт он сегодня... — выдавил монах, подойдя поближе к конунгу.

— Пойми, я тут ничего поделать не могу.

— Да вижу я все, отец Целестин, — ответил Торир, не глядя в его сторону. — Только вот Хельги всю ночь тебя звал, мы-то думали, что в беспамятстве. Зачем — не говорил. Что-то он тебе сказать хотел, да боюсь, опоздал ты...

Вот те на! Что могло понадобиться уходящему в иной мир норманну от христианского священника, чью веру старики Вадхейма уважали, но не более того? Видно, что и Торир этим как-то обескуражен, ибо все северяне считают, что умирающему дарованы особые знания и особая сила. Эх, что же ты за мною раньше не послал, конунг...

— Готово, — тихонько сказала Сигню, наливая в кружку тёмный горячий отвар. — Напоить его?

— Дай-ка я сам, — вздохнул отец Целестин и, приняв из рук девушки вырезанный из дерева сосуд, подошел к постели старика и тихонько влил тому в рот немного жидкости. А вдруг поможет и Господь Бог дарует хоть временную победу над смертью? Ох, тяжело он дышит, не захлебнулся бы...

И тут Хельги ясно и осмысленно посмотрел на монаха чистыми, как у новорождённого, голубыми глазами. Губы его шевельнулись, и отец Целестин явственно расслышал надтреснутый шёпот:

— А-а, пришел. Я хотел видеть тебя. Скажи, что-бы Видгу сюда позвали. Ну же, давай. Бледный конь уже стоит здесь.

Монах метнул взгляд на Сигню, и она мгновенно скрылась за занавеской из кроличьих шкур, закрывавшей вход в покой. Не успел святой отец прочесть Pater, как послышались твёрдые шаги и появился наследник конунга.

— Ты меня звал?

— Не я, он. — Отец Целестин указал на Хельги.

— Он хочет говорить с нами.

— Хочу, — чуть кивнул старик. — А Торир где? Он тоже должен слышать... А, вижу. Садитесь и внимайте, ибо я скоро усну и разбудит меня только Сальгоф-нир в покоях Асов.

Торир и Видга осторожно присели на край постели, а монах остался стоять, во все глаза глядя на Хельги и стараясь не упустить ни одного слова из ин-

тереснейшего, по его мнению, рассказа старого викинга.

— Я должен открыть вам сказанное моим отцом, твоим дедом, Торир, — шептал Хельги. — То же слышал и твой отец — Хродгар, мой брат. Но он погиб от топора грязного фриза и не передал тебе предание нашего рода...

— Я и так его знаю, это предание! — начал было Торир, но монах и Видга так дружно на него зашикали, что конунг смущённо умолк.

— Это передавалось как великая тайна нашего рода от деда к отцу, к сыну и внуку, — хрипел старик, перебирая руками льняное покрывало, — и сейчас я позвал южанина оттого, что предсказано было: поможет чужестранец отыскать причитающееся по праву роду Элендила...

— Кто это? — не понял Видга. Имя было явно не норманнское.

— Имя сие принадлежит нашему дальнему предку, вышедшему из земли, именуемой Аталгард и еще по-другому. Там был он великим конунгом, а когда родина его и наша сгинула по воле богов, стал Элендил хозяином всех земель севера, куда вынесло море его корабли. Тогда наш мир еще пребывал в единстве и звался Мидденгард, Срединная земля, и на полях его еще не остывали следы первых великих богов. Это было сто раз по сто и еще четыре раза по сто лет назад...

— К-когда? — едва выговорил отец Целестин, не веря своим ушам. Батюшки, да это же еще до сотворения мира! Десять с половиной тысяч лет назад?! Десять с половиной? Бред! Какая память сохранит воспоминания о такой давности, даже если и про-

изошло такое на самом деле? Однако следующие слова Хельги снова заставили монаха на вострить уши.

— Тогда на земле жили другие боги, и Один еще не родился, и Тор не выковал свой молот. Земли Норвегии лежали далеко на востоке от побережья, где Элендил построил свои города, а на юге правили наши родичи, тоже избежавшие гнева богов. Тогда Мидденгард не был разделён водой и народы говорили на едином языке, зная и помня о первых богах и о том, кто сотворил их самих, — Эру Вечном и Предвечном, пред которым Один то же, что трэль перед конунгом. Прошло сорок раз по сто лет, часть рода Элендила ушла на восток, в эти края, и тогда же Эру решил разделить Срединную землю.

Западная часть оторвалась от прочих земель и ушла на запад, только не совсем обычно... Она вначале была тут, рядом, и до отделённых земель люди могли добраться на корабле. А потом боги воздвигли стену, обманную стену, оставив в ней лишь одну Дверь, которая сужается уже многие столетия, и скоро путь в ушедший край исчезнет навсегда... Западная часть Срединной земли уйдёт из кругов нашего мира и станет отдельным миром.

— А сколь много там земель? — невплопад задал вопрос Видга.

— Много, — прохрипел Хельги, — очень много. Как от острова саксов до Гардарики, считая с землями франков и бургундов с германцами и греками. И еще половина того же.

«Это ж целый континент получается, со всю Европу размером, а то и поболее! — мелькнула

МИР СРЕДИЗЕМЬЯ

мысль у отца Целестина. — Сказки глупые. Какой нормальный человек поверит, что земли Европы были некогда в два раза больше? И куда, покажите мне, уходит западная часть Мидденгарда? Да-а, насочиняли норманны мифов. Греки с их богами и героями позавидуют! Ну скажите, как такая пропасть земли исчезнуть может?»

— А когда это случилось, Хельги? — снова спросил Видга, и старец дал до странности точный ответ:

— Шесть тысяч четыреста пятьдесят зим минуло с того дня, как Эру и Силы Мира, Изначальные Стихии, разделили мир. Этот день конунги нашего рода помнили всегда.

Отец Целестин мигом произвёл вычисления и едва не поперхнулся: получалась почти точная библейская дата сотворения мира! Ну, знаете ли... Такие совпадения наводят на размышления. Старец же продолжал вещать:

— В землях уходящих еще живут потомки Элендила и наши братья. Живы, живы великие чудеса, ушедшие от нас, но они остались там... за Дверью, созданной богами. Слышал я, что если плыть на запад, то там будет земля, но это не та искомая земля. Она принадлежит нашему миру и пребудет в нём всегда, но Дверь находится в лесах на ее берегах. Там ход в Срединный мир, что когда-то был единым с нашими землями и чья история едина с нашей. Есть там и дверги и другие создания, в давние времена жившие бок о бок с людьми. Отчего Эйра решил разделить Мидденгард, я не знаю, но часть нашего мира ушла от нас... Ушла куда-то в сторону... И не вернётся уж... Знаю и то, что земли, осквернённые врагом первых богов, остались

здесь, у нас. Они где-то на севере, и там до сих пор есть остатки логова черного бога-великаны.

— А что случилось после того, как мир разделился? — продолжал спрашивать Видга.

— Говорят, все стало таким, как есть сейчас. В дни разделения происходили страшные бедствия: горы разорвались, в трещины хлынули воды моря... Последним осколком земель наших предков стал остров саксов, а остальное ушло туда... туда, где есть сейчас. Мы давно потеряли Дверь и не можем войти в Срединный земли. Это суждено сделать вам.

Отец Целестин слушал и ушам своим не верил.

Ну Мидденгард — понятно. Норманны именуют Ойкумену Мидгардом — «средней оградой», тем, что лежит посередине». Ну и эти два слова, выходит, обозначают одно и тоже. В сказочную же историю о разделении Мидгарда на две части поверить нельзя, пусть даже дата сего события и получается прелюбопытнейшая. Может, это просто отражение легенд о настоящем сотворении мира, невероятно исказившееся в зеркале памяти людской? Не может ведь целый материк раствориться незнамо где! А вот кто такой Эру Вечный и каких это он богов сотворил? Так, значит, старец еще помнит о Едином Боге?.. И Один ему как раб? Ну дела!

А Хельги тем временем продолжал, часто останавливаясь перевести дыхание, разговор утомлял его.

— Те, старые, боги еще живы и смотрят как за Мидденгардом, так и за нашим миром, потому что сущность их обоих едина и они плоть от плоти друг друга, как две руки у человека. Но все древнейшее — первый, бессмертный народ, карлики, драконы — все осталось там, в ушедшей земле. Мой род не сумел вернуть-

ся туда... Мы остались на востоке. Но храним память о тех временах. Торир, ты помнишь песнь вельвы? О том, как был сотворён мир?

— Отчего же, помню. — И конунг нараспев процитировал:

...бездна зияла, трава не росла,
Пока сыны Бора, Мидгард создавшие,
Земли не подняли, солнце с юга...

— Так вот, все сказанное — истина, но сделали это не Один, не Вили и не Ве. Они пришли потом, уже после разделения. Это сделали те, первые, их именуют Созицателями. И карликов сделали они, и тогда карлики жили вместе с нами, с людьми. И знаю я, что Аска и Эмблу на самом деле были деревьями, а не людьми и с них началась жизнь в Мидденгарде. И троны богов стояли на единой земле. Тогда наш народ помог Созицателям в битве против бога-великана с севера, и за это нам даровали землю среди моря, называемую Атальгард и еще Аталаантэ. Не знаю, отчего боги разгневались на нас, но Эйра по их просьбе через много лет разрушил Атальгард. Спасся один лишь род Элендила, ныне разделенный. Торир, найди наших родичей... Они там, на западе, за границей Мидгарда... Конунг Хродгар рассказал мне, что последним ушел на поиски Двери в Мидденгард ярл Глердинг, взяв с собой многие сокровища, принадлежащие конунгам рода Элендила. Может статься, вы встретите потомков Глердинга...

— Это через десять тысяч лет-то? — усмехнулся монах. — Ну-ну!

— Не смейся, ромей. Ты поможешь конунгу. И Видга поможет.

— Зачем их искать? — спросил Торир.

— Не знаю. Пророчество гласит... будто у них, или в ушедших землях, можно найти некую волшебную вещь, что позволит найти связь меж разделёнными мирами. То, что вновь объединит их... То, что принадлежит нам. И запомните, в песнях о богах все истинно, только время помяло имена настоящих богов на имя Одина и других Асов... Умейте найти истину...

— А почему ты решил, что я именно тот чужеземец, о котором говорит пророчество? — усомнился отец Целестин. — Здесь ведь много трэлей из других народов.

— Он должен был служить Единому, Изначальному. Как ты, — последовал ответ. Монах только глаза закатил.

— А что ты говорил о принадлежащем нам? — тихо спросил Видга, остававшийся спокойным в течение всего разговора.

— Это сокровище, драгоценность, какой не видел никто с тех пор. То, что даёт власть. То, что даёт силу, способную уходить из Мидгарда в Утгард и даже в Асгард и возвращаться обратно. То, что всегда будет открывать Дверь в скрытый от нас Мидденгард... Не знаю. Ищите.

— Где? — коротко, но чётко вопросил Торир. — Что надобно для этого, говори же, Хельги! Ты смущил Мое сердце, ибо вижу: правду говоришь.

— На Западе. На Севере. Там найдёшь ответы. И еще... еще Видга подскажет... — старик совсем задыхался, — в нём живёт свет Атагарда... Дайте меч... Скорее...

Обычай викингов был сохранён. Видга вы-

хватил свое оружие из ножен и вложил рукоять в руку Хельги, который совершенно побелел и дышал часто-часто и очень слабо, но продолжал шептать:

— Ищите карликов — они помнят, ищите людей из тумана — они знают все... На Западе и Севере — Ёрмунганд пока не сомкнул когти, и там можно пройти к землям драконов... — Слова становились все более непонятными для слушавших. — Я не знаю, что вы найдёте, но ищите.. Помните, еще несколько лет — и вы опоздаете навсегда... Дверь закрывается... Видга, ты сумеешь... найти ее...

Тут Хельги закрыл глаза, дыхание его вдруг стало редким и глубоким. Монах вытер рукавом вспотевшее от напряжения лицо и дернул Торира за рукав рубахи:

— Пойдём, конунг. Он сейчас умрёт.

— Понял ли ты, что он сказал, отец Целестин? — Торир покраснел от возбуждения, глаза сумасшедшие, руки дрожат, голос срывается. Нет, ему определённо надо выпить. Монах твёрдо взял Торира под руку и вывел из комнаты. Видга и Сигню, переглянувшись, двинулись за ними, оставив Хельги Старого один на один со смертью.

Дородная красавица Саннгрид, жена Торира, словинка родом, выставила на стол громадный жбан с пивом и, кисло улыбаясь, вышла, оставив супруга в компании отца Целестина и Видгу. Сигню тихонько уселась в углу, стараясь не привлекать к себе внимания — ведь и выгнать могут. Но все трое молча уткнулись в кружки, и гробовую тишину нарушили лишь шипение факелов на стенах да треск дров в каменном очаге. Было о чём подумать, и отец Целестин погрузился в раздумья,

подкрепляя стремление мысли глотками тёмного ячменного напитка.

Великий интерес у монаха, естественно, вызвали слова Хельги о неких «старых богах» и этом самом Эру. Что ж, признаки единобожия налицо, что весьма радует, — значит, пока не все пропало в деле обращения жителей Вадхейма в христианство. Впрочем, с этим можно и повременить, — как-никак, восемь лет ждали, и еще немного времени ничего не решит. А вот миф о сотворении и разделении мира первыми богами довольно любопытен, хоть это наверняка и неправда, — каких только богопротивных глупостей язычники не придумают! Одни карлики-дверги чего стоят, — нет никаких иных разумных смертных, кроме людей! Ладно, с Божией помощью разберёмся. А вот Атальгард — штука занятная. Конечно, случилась та история не десять тысяч лет назад — легенда бы просто не сохранилась за这么多 веков, — а попозже, но чёткая связь с Атлантидой Платона тут явно есть. Хотя постойте... По свидетельствам грека, история с затонувшим островом случилась... э-э-э, ну да, верно, аж в 9612 году до пришествия Спасителя. Прибавим-ка еще 850 лет и получим цифру, названную Хельги. Выходит, что они оба ошибаются? Или просто дата сотворения мира неточна? Непонятно.

Теперь надо вспомнить о «Севере», где следует искать сказочное «сокровище» или путь к той самой «Двери». Север большой, а никаких точных указаний старец не дал. Но если сравнить его слова со слышанными ранее сказками, то картина начинает вырисовываться. Отец Целестин как-то раз записал историю про то, как часть норманнских земель откололась от

материика и боги увлекли ее на север, ибо земля была осквернена каким-то чудищем и люди больше не могли жить в тех местах. Каков был тот монстр и что боги с ним сделали, оставалось неясным, но совершенно ясно то, что к «богу-великану» из рассказа Хельги он имеет непосредственное отношение. Там же, на этом куске суши, должна быть и крепость чудовища, прогневившего богов. Кстати, в саге не говорилось, какие именно боги учинили сей катаклизм, — точные имена не назывались. Ну и наконец, чуть ни во всех слышанных монахом сагах о северных землях говорилось про обиталище какой-то очень скверной и злой силы. И драконы там якобы водятся, и великаны, и прочая нечисть, данной силе подвластная.

В общем, если отбросить всю языческую ересь и откровенную чертовщину, которой доверху наполнена эта история, можно получить следующее. Ну, во-первых, имеется подтверждение сочинениям великого (жаль, что язычник!) Платона — сведения прелюбопытные, но пользы от них столько же, сколько от жертвоприношений Одину. Кроме того, появились хоть какие-то упоминания о потомках атлантов, каковыми норманны себя почему-то считают, — явная чепуха!

Отец Целестин подумал о том, что надо будет как-нибудь просветить Горира и его племянника насчёт того, что любой народ рождается и умирает и ни один не вечен. Ну и в придачу конунг и Видга явно убеждены в том, что сказанное Хельги есть непреложная истина, и начнут тратить избытки своей неуёмной жажды действия на поиски неизвестно чего. «Пойди туда, не знаю куда...» И ведь пойдут. Ох, не суждено мне по-живьем в старости спокойно!

Ну а если прибавить ко всему еще и странные таланты Видги,очных призраков, кружкающихся вокруг серого камня на лесной поляне, да и слова Хельги «Видга поможет», то становится понятно: тайн не убавилось, а, наоборот, прибыло.

Словом, ясно то, что кругом туман...

— Помолчали, и хватит! — Отец Целестин энергично пихнул Видгу локтем в рёбра. — Излагай!

— А чего тут рассказывать? — Наследник конунга на всякий случай отодвинулся подальше от монаха. — Знал я про все уже давно.

— Хельги, что ли, уже говорил с тобой? — спросил Торир, чья русая борода украсилась белоснежной пеной от долгого макания в кружку с пивом. От переживаний конунг вовсе позабыл об аккуратности.

— Да ни при чём он тут! — отмахнулся Видга. — Мне другие сказали...

Тут он опять замолчал, явно не настроенный говорить об источнике сведений. Отец Целестин разозлился не на шутку, но сумел-таки унять в себе почти непреодолимое желание дать Видге подзатыльник. Можно сказать, его судьба решается, а он манерничает!

— Я жду, — прошипел монах и, взглянув на Торира, добавил: — И не я один. Ну?! Покайся, сын мой!

— Да остынь ты! Ну лесные духи рассказали. И совсем они не вредные, врал все годи...

— Ты говори, говори. — У Торира аж челюсть отвисла от таких новостей.

— Я с ними уже года четыре знаком, — запинаясь, начал Видга. — Ну пошёл в лес вечером, до темноты бродил, а у Зуба Фафнира лесные духи вдруг возь-

МИР СРЕДИЗЕМЬЯ

ми да появись. Тела у них нет совсем — словно из тумана сделаны и видны только ночью. Я сначала только смотрел за ними, а потом духи меня нашли и позвали к себе. Сказали, что мы родичи...

— Чего?! — рявкнул конунг. — Ты, часом, не болен?

— Да погоди орать! — Монах автоматически плеснул в кружку Горира пива. — Пей лучше да слушай, что человек говорит. Ох, горе мне с вами! И дальше что?

— Последний вопрос относился уже к Видге.

Тот продолжил:

— Только они не говорят, как мы. Они думают, а ты их мысли слышишь. Они мне много рассказывали. Что раньше у них тела были такие же, как и у нас, и наши народы вместе на этих землях жили. И о богах первых, и об Эру, про которого Хельги говорил. Они сами все видели и помнят. Сдаётся мне, что эти духи умереть, как люди, не могут.

— Конечно, не могут! — усмехнулся отец Целестин. — Как может умереть совсем мёртвый призрак?

— Да живые они! — возмутился Видга. — Хоть и тела нет, а ведь говорят, и тепло от них идёт. У них даже наречие свое. Они на нём между собой разговаривают. А себя они называют как-то странно — элдар кажется. Слышал я, что в нашем роду кто-то из этого народа был. Давным-давно. Уже после того, как наш род пришел сюда из Атальгарда, один из мужчин рода Элендила взял себе в жены женщину-элдар или из другого их рода.

— Взять в жены привидение... Это же надо! — восхитился монах. — Как много иногда узнаёшь о людях из семейных преданий!

— Да я же говорю, они тогда нормальные

были, как все мы! — воскликнул Видга. — Только их тела, ну... — он пошевелил пальцами в воздухе, — ну распались со временем, что ли. Эти лесные духи постарше, чем скалы Вадхейм-фьорда. Они помнят и знают обо всем, что было на земле еще до того, как древние боги разделили ее и пришли Один и Иисус! Отец Целестин, ведь ты сам говорил, что твой Белый Бог приходил в Мидгард всего восемьсот пятьдесят лет назад?

— Ну знаешь ли! — вскипал монах. — Да я забыл из Священного Писания больше, чем ты когда-либо знал! Тебе что, надо объяснять, что Бог христиан был всегда и всегда пребудет? И что по Его воле возник этот мир и ты, кстати, тоже? И что Он послал Своего Сына к нам, дабы спасти души таких язычников, как ты? Еретик несчастный!

— Тише,тише! — хлопнул рукой по столу Торир. — Выходит, что твой, отец Целестин, Бог и есть Эру Вечный.

Эта вполне здравая и логичная мысль ввергла монаха во искушение немедленно предложить конунгу пройти обряд крещения, но таковое было отвергнуто за несвоевременностью. Хотя Торир безусловно прав.

— Видга, а ты знаешь, что означают слова Хельги о том, что мировой змей еще не сомкнул когти на Севере и на Западе? Какая Дверь должна закрыться? Куда она ведёт? — Торир поверил племяннику сразу и безоговорочно.

— Лесные духи говорили, что на Севере обитал враг древних богов и всех народов Мидгарда и что потом землю, на которой он жил, разрушили Стихии Мира. Но мир изменился с тех пор, и остатки силы

этого врага снова там появились — элдар чувствуют это. Там и дальше, в земле на Западе, должен быть какой-то проход в Уттард или в иное место, куда люди из Мидгарда не входили очень давно. Элдар говорили, что там и по сей день живут их родичи и карлики-дверги. И даже такие же люди, как мы, разве что в тех краях все по-другому. Как — не знаю, но по-другому. Думается мне, там и пребывает часть Мидденгарда, про которую Хельги говорил. Да и элдар сказали, что это, наверное, так и есть. Они мне историю Хельги почти слово в слово рассказывали. Только элдар не ушли вместе с той землёй, а остались здесь. Не захотели уходить из родных мест. К ним даже иногда один из первых тех богов приходит, имея нем Алдаро. Последний раз три года назад приходил, летом. Я его не видел. Отец Целестин, помнишь, как ночью в июле тогда небо сияло?

И тут монах вспомнил одно из странных событий июля 847 года, начавшееся с обычной вроде летней грозы. Еще вечером с запада, от моря, стала надвигаться необычная туча — огромная, плотная масса серых, месстами в разрывах подзвученных розовым, облаков накатывалась удивительно быстро. В Вадхейме решили, что идёт сильный шторм, но, когда небо над фьордом полностью закрылось тугим клубящимся туманом, ни единий порыв ветра не пошевелил листья на деревьях, но все видели — наверху, в небесах, неистовствовала чудовищная буря. Облака плыли дальше, на восток, и, когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, хлынул проливной дождь и сверкнули первые молнии. Грохотало ужасно, от молний ночь превратилась в день: разряды сыпали почти беспрерывно, но постепенно

дождь ослабевал. Было далеко за полночь, когда отец Целестин выглянул за дверь, — такая затяжная гроза необычна в Норвегии. Его взгляд привлекло нечто непонятное далеко в горах на северо-востоке, там, где гора Хартайген: среди блестающих молний глаз ясно различал поднимающийся от земли столб белого пламени, разгоравшийся все ярче и ярче. Вскоре переливающийся вдали огненный ствол вырос настолько, что упёрся в тучи, от чего те внезапно стали мертвенно-бледными.

И вдруг ударило так, что перепуганному явленным зрелищем святому отцу показалось, будто раскололось небо: разрывающий уши рев пришел от гор, возрастая подобно катящейся на берег огромной яростной волне, —казалось, дрогнула сама земля. Монах шептал молитвы, обращённые, естественно, ко всем святым, дабы те изгнали разбушевавшихся, вопящих бесов, но они явно пренебрегали своими обязанностями, и в небе над горами по-прежнему творилось буйство стихий, не подвластных никому. И тут, достигнув предельной силы и злобы, торжествующий рёв бесов стал угасать, цвет неба сменился с белого на жёлтый, потом на солнечно-оранжевый, и отец Целестин был готов поклясться, что увидел в исчезающем мерцании призрачный силуэт взмывающего в небо всадника. Видение было кратким, мимолётным, но ведь было! Гроза же продолжалась до утра.

С утра пораньше из капища явился годи и, пресыплившись религиозного пыла, стал нараспев аурным голосом выкрикивать на редкость неудачно сложенные языческие вирши про бога Одина, посетившего минувшей ночью Вадхейм, и валькирий его,

кои валькирии носились по небу и метали молнии. От жреца сильно пахло, и запах сей был знаком отцу Целестину не понаслышке... Не одобравший сказки про толстых голых тёточек, летающих по воздуху (это же надо такое безобразие придумать!), монах и слушать его не стал, а сам на всякий случай записал про ночную историю в свою хронику и отслужил для собственного успокоения мессу в честь избавления Вадхейма от диавольского наваждения. Мысли о том, что все святые к сему избавлению явно непричастны, у него не возникало.

И вот теперь выясняется, что приходил тогда в скандинавские горы какой-то Алдаро из рода древних богов, что постарше Одина. Так мало того, еще и отрицать этот упрямый факт никак нельзя — ведь ясно же был виден всадник на огромном коне! Вот и уверуешь после такого в языческих богов, отец Целестин!

— Они тебе сами про этого бога сказали? — слабым голосом спросил у Видги монах и единственным духом выпил то, что еще оставалось в его кружке. Голова шла кругом от таких кошмаров. Ну кто меня из Константинополя, спрашивается, гнал? Жил бы себе тихо и не думал бы о том, что в девятом веке от Рождества Христова еще могут твориться такие страсти.

— Сами, — кивнул Видга. — Он к ним редко приходит, по нашим понятиям. А этим элдар, считай, без разницы сотня лет или десять сотен, — они-то бессмертные.

— Так они что, с тобой на людском языке говорили?

— Ага. Они его хорошо знают. Элдар иногда ходят днём тут, в Вадхейме, только мы их не видим.

Отец Целестин после этих слов тихо ругнулся и подозрительно оглядел горницу, словно ожидая увидеть с десяток призраков, сидящих свесив ноги на потолочных балках. Добрые они там или злые, но кто их знает, еще запустят чем-нибудь... Вон, все стены оружием увешаны.

— А поговорить с ними можно? Узнать, где та Дверь в Мидденгард, про которую Хельги говорил? — Торир задал самый насущный вопрос. — И про штуку эту спросить, что нам отыскать надо?

— Не знаю. Я их давно не видел. С тех пор как... — Видга выразительно посмотрел на отца Целестина, мигом принявшего образ воплощённой невинности. — Ну, в общем, уже год, считай, я к Зубу Фафнира не ходил, да и элдар просили чужим про них не говорить.

— Ну я-то, как-никак, тебе не чужой, — прервал его Торир. — Да и отец Целестин во всем этом тоже интерес имеет. Так что, Видга, ступай-ка ты к камню да спроси лесных духов, можем ли мы к ним прийти. Этой же ночью ступай. Остальное потом решать будем.

Монах хотел было запротестовать. Ну, во-первых, интерес у него ко всему происходящему исключительно естествоиспытательский, и, во-вторых, он считал, что нечего связываться с силами не от мира сего. Но почему-то святой отец сдержался. Увидим, что там эти элдар наговорят: может, еще и не придётся никуда уезжать из Вадхайма.

Он подлил себе пива и краем глаза покосился на сидевшую в тени Сигнию. Та за весь разговор и слова не проронила, но слушала внимательно — эвон как глаза горят. Надо будет сегодня ей почитать что-ни-

будь из Евангелий, дабы отвадить от языческих искушений. Мала она еще и в вере не вельми стойка. Правда, девица добродорядочная, насколько это возможно для норманнки.

Тут полог отодвинулся, и вошла Саннгрид, за ней следовали две дочери Торира, одну из которых он уже хотел отдать весной замуж.

— Хельги умер, — коротко, грудным глубоким голосом сообщила жена конунга. — Я послала за годи, надо тризну готовить, Торир.

— Пойдём, Сигню. — Отец Целестин поднялся и набросил плащ. У него не было никакого желания участвовать в языческой тризне и тем более — встретиться со жрецом, с которым у монаха были постоянные разногласия идеологического характера. — Торир, если я понадоблюсь, то я дома весь день. И скажи своим рабам, чтобы дров принесли, у меня совсем мало осталось, а в доме холодно.

Конунг и Видга проводили отца Целестина до двери, и слуга Господень, щурясь от сияющего на солнце снега, направился вниз по склону холма.

Теперь он уж и не знал, во что верить. Фантастические легенды становились реальностью.

* * *

За всеми утренними событиями отец Целестин едва не позабыл, что сегодня все-таки Рождество. Придя к себе, он дождался, пока Сигню, добровольно принявшая на себя обязанности по уходу за старым холостяком, приготовит какую-никакую еду, и, подкрепившись, отслужил праздничную мессу, стараясь за-

быть обо всем услышанном в доме конунга. Хрустальным ручьём лились латинские перепевы, курился ладан, заполняя небольшое помещение сладким голубым дымом, Сигню тонким красивым голосом подхватывала псалмы Давидовы и читала строки из Евангелия от Матфея. Огромная, толстая Библия, которая, как явствовало из надписи на титульном листе, была переписана монахами со святой горы Афон, лежала на специально сделанной Видгой стойке перед импровизированным алтарём, и отец Целестин с головой ушел в сладостные воспоминания о своей молодости. Где ты, Италия? Кто сейчас занимает место аббата в обители св. Элеутерия? Как восхитительны были времена, когда над озером Браччано разносился гул медного колокола и святая братия собирались к заутрене в монастырской церкви. Горячее средиземноморское солнце, холмы с виноградными лозами, красное вино и нежная баранина на ужин... И никаких тебе бородатых хамов-норманнов с их дурацкими сказками!

Оставшаяся часть дня отец Целестин и Сигню-Мария провели за чтением преинтереснейших сочинений блаженного Августина, книга с духовными текстами коего оказалась среди рукописей, привезённых Халльвардом из похода в Британию. Уже вечером монах отпустил Сигнию домой и решил пораньше лечь спать, будучи уверенным, что сделал сегодня для спасения своей души более чем достаточно. Он стянул рясу (как и встарь белую, из льняной ткани), оставшись в одной рубашке, — натоплено было жарко. Посмотревшись в серебряное блюдо, иногда служившее зеркалом, отец Целестин с неудовольствием отметил у

себя появление четвёртого уже подбородка. Что ж, склонность к полноте у него была всегда. Вытащив малюсенький, словно игрушечный, но очень острый кинжал, используемый в качестве бритвы, монах привёл себя в порядок, подумав, что надо бы завтра попросить Видгу как следует выбрить на макушке тонзуру... Стоп. Видга.

Иисус! Он же должен сегодня вечером сходить туда, в лес. К этим элдар, или как их там. Ох, спаси и сохрани нас всех, Господи! Что за силы живут в лесах Норвегии?

Глубокой ночью, когда отец Целестин крепко спал, двое людей, в руке одного из которых горел факел, подошли к двери его домика и вошли внутрь, сразу же запалив лучину.

— Разбуди сам, — сказал Видга Ториру, помня утреннюю оплеуху, что и говорить, рука у святого отца тяжелая, но конунгу удалось растормошить его без каких-либо последствий для своего здоровья.

— Спаси нас, Господи, от ярости норманнов!! — взвыл отец Целестин, всплывая из-под мехового одеяла аки левиафан из волн морских. — Ни днём ни ночью мне от вас покоя нет! Ну, кому на этот раз приспичило уйти в мир иной с моей помощью?!

— Не о том речь. Видга сказал, что нас зовут. Одевайся, мы идём к Зубу Фафнира.

Монаха как пружиной подбросило.

Темны зимние ночи на севере. Тусклый свет одинокого факела разгонял тьму лишь на несколько шагов, на покрытых снегом елях плясали тени, а где-то в самых глубинах чащи скрипели старые деревья. Луна скрылась за скалами, окружавшими фьорд, толь-

ко звездная сеть горела в черных небесах. При чистом небе всегда сильно подмораживает, и еще на полпути отец Целестин совершенно продрог. В отдалении раздался волчий вой — вначале в один голос, а потом прибавилось еще несколько. «Да, ночка что надо. А если вспомнить, куда мы идём, — думал монах, — то для полного удовольствия еще только ведьм да валькирий с великанами недостаёт. Не нравится мне все это, клянусь спасением души!»

Как оказалось, Видга отправился в лес почти сразу после того, как окончательно стемнело. Бродил долго, так как лесные духи элдар не появлялись, и только после восхода луны он сумел увидеть на знакомой уже поляне золотой туман и знакомые силуэты. В чем состояла беседа, он не изволил рассказать, но час назад Видга воировался в дом конунга, где вовсю шумела тризна по Хельги. Торир, выслушав племянника, мгновеннопротрезвел, насколько это (учитывая количество выпитого) было возможно, и они уже вдвоем отправились за отцом Целестином.

Ни оба норманна, ни монах не заметили, что по их следу идёт некто закутанный по самые глаза в шубу.

Прогалина с гранитным камнем в центре находилась в неглубокой, но скрытой от глаз ложбине между двух холмов, поросших соснами и столетними, высоченными елями. Видга ориентировался в лесу прекрасно, но идти мешал очень глубокий снег, и, в придачу ко всем неприятностям, в сапоги отца Целестина набилось его более чем достаточно. Монах, конечно, видел, как ходят на лыжах зимой охотники, но сам на них никогда не вставал, а сейчас жалел, что ни разу не

пробовал освоить эти две доски — очень пригодились бы. Но, в который раз прораввшись через очередные кусты, он увидел, что лес расступился, и в лицо ударила волна тепла. Поляна словно была накрыта золотистым прозрачным куполом. Нет, это был не туман: стало ясно, что свет не существует сам по себе, он просто являлся ореолом, своего рода нимбом, окружавшим лесных духов, и рождён был именно ими.

— Идём же, отец Целестин, — благоговейным шёпотом произнес Видга и потянул монаха за плащ.

Тот решился и несмело шагнул внутрь купола, словно опасаясь о него обжечься. Торир, что-то рыкнув в бороду, кинулся за ними, как ныряльщик в холодную воду, — это где ж видано, чтоб толстяк-ромей шел впереди конунга Вадхейма!

Первое, чему поразился отец Целестин, так это отсутствию снега. Под ногами была земля. Сухая, с похожухлой прошлогодней травой, но земля. И даже сквозь кожаные на меховой подкладке сапоги он чувствовал, что эта земля *теплая*. По телу замёрзшего монаха разлилось блаженное, восхитительное тепло, словно и не январская ночь стояла над Норвегией. Он с изумлением отметил, что может явственно различить все детали одежды Видгу и Торира, — свет был достаточно сильным, как в сумерки летом, когда солнце еще не скрылось в океане. Возвышавшийся на два человеческих роста тёмно-красный гранитный камень отчего-то превратился в сказочный по красоте кристалл — по нему, оставляя извилистый огненный след, проскачивали синие и белые искры, змеились тоненькие струйки пламени,

— казалось, он стал прозрачным ульем, в кото-

ром живут тысячи светляков. От такого зрелища у отца Целестина зарябило в глазах. В этот момент в его сознании зазвучал голос, говоривший на языке норманнов. Негромкий, уверенный и спокойный голос, принадлежащий молодому мужчине. Слух не работал — звуки воспринимались всем существом человека, наверно его душой...

— Я приветствую тебя, слуга Вечного Бога, и тебя, Торир, король людей, и тебя, Видга. Один из вас знает, что страшиться нас не надобно, и я прошу следовать его примеру. Мое имя на вашем языке произносят так: Гладсхейм. Можете называть меня именно так. Что вы хотели спросить у нас?

Отец Целестина осторожно, словно боясь чего-то, поднял глаза и увидел перед собой человека. И все бы в нём было ничего, если бы не... не... ну прозрачный он был, попросту говоря. Если же отвлечься от этого неприятного обстоятельства, то можно сказать, чторостом он превосходил каждого из троих людей, даже отца Целестина, хотя монах был среди них самым длинным. Чёрные, наверно, волосы до плеч схвачены таким же призрачным ремешком, одежда белая, длинная, перетянута явно золотым, великолепной ковки, поясом. Непонятным оставалось то, как же и золото, что не старится со временем, эти духи сумели сделать таким же, как и они сами. Лицом Гладсхейм был молод — больше двадцати пяти лет и не дашь, а вот глаза... Будто бы две ярко-синие звезды поселились в их глубине и посыпали оттуда свои лучи, словно два лепестка южного, насыщенного цветом неба явились потерявшему дар речи монаху.

Нет, существо с такими глазами не может быть плохим или злым. Сатанинских козней здесь бояться не нужно.

— Ты хочешь спросить, почему и золото бесплотно на поясে Моем? — усмехнулся голос.

— Нам позволено принимать любые формы и надевать любые одежды. В нас сохранился этот изначальный дар — считай, что пояс мой тебе просто кажется, если тебе так легче.

Эте, они еще и мысли читают. Надо держать ухо востро!

— Нет, мысли твои, человек, от меня скрыты. Ведь ты об этом подумал? Я лишь видел, как ты смотрел на меня. Я слышу тебя, только если ты хочешь обратиться ко мне. А ты этого хочешь. Говори же, что тебе нужно узнать?

И, запинаясь, отец Целестин задал терзавший его уже давно вопрос:

— Кто ты? Кто вы все? — За спиной того, кто назывался Гладсхеймом, стояли еще несколько мужчин и женщин, похожих на него и столь же прекрасных...

— Мы — Первые, — последовал ответ. — Мы жили на землях сих всегда и будем жить всегда до того дня, когда боги изменят мир.

— До Рагнарёка? — спросил Торир, преодолев оцепенение.

— Вы зовёте это Рагнарёком, иные народы — по-другому.

— Сколько же вам лет? — осведомился отец Целестин и тут сообразил, что вопрос был по меньшей мере глуп. Но ему ответили:

— А как ты думаешь, сколько лет земле,

по которой ты ходишь? Нам не намного меньше. По счёту людей — больше четырнадцати тысяч, но мы считаем время иначе.

От услышанного у монаха перехватило дух. Уж лучше бы лесные духи по-прежнему говорили загадками, не называя точных дат, — спокойнее было бы!

— Ты говоришь, боги изменият мир. Но ведь они уже делали это. Где сейчас наши и ваши соплеменники? Куда ушли они? Как их отыскать? — Торир не любил бесед на отвлечённые темы, он жил сегодняшним днём и жаждал действия.

— Верно, — рек Гладсхейм. — Мир преображался не единожды. Впервые — еще до того, как появился наш народ и поднялось солнце. Затем еще трижды, и это уже на нашей памяти: когда была война с Потерявшим Имя — о нём вам не нужно знать много, то был великий дух, павший в гордыне своей и злобе; второй раз, когда остров людей был низвергнут в пучину по воле Единого; и в третий раз, когда Эру разделил Мир Единый на два мира и землю пограничную, оставив единственное Врата меж ними. Все, о ком ты хочешь знать, там.

— Где эти Врата?

— На западе. Как найти их — то мне неведомо. Отправляйтесь в земли за великим оксаном и, коли хотите успеть, поспешите.

— Знаешь ли ты о той вещи, что способна открыть путь между мирами?

— Она существует, но что она и как выглядит — не знаю. Слышал, что сия драгоценность где-то близ Двери, но с той или иной стороны ее — не-

известно. Еще знаю, что владел ею твой, конунг, предок, приведший свой народ в Срединную землю после второго изменения мира, посему веять эта — твоя. Ищи.

— Как? Скажите хотя бы, где находится Дверь? Гладсхейм ненадолго задумался, затем молвил:

— Думается мне, это в лесах близ восточного взморья той земли за океаном. Один рек нам, что есть там гранитная скала огромной величины, ее и найдите. Далее же Видга подскажет тебе, ибо в нём кровь древнего народа говорит сильнее, чем в тебе, конунг.

— Кто-о-о говорил вам о скале? — вытаращил глаза отец Целестин, надеясь, что все-таки услышался.

— Один. Так здесь называют этого духа. Случается, он приходит и к нам. Он не склонен ко злу и много странствует.

«Господи, укрепи меня!» — подумал отец Целестин. После такого сообщения он не удивился бы, узнав, что, допустим, вечор в гости к элдар забрёл архангел Гавриил и пива испил — так, по-дружески.

— Расскажите о себе хоть что-нибудь! — взмолился монах: знакомое чувство предвкушения новых, необыкновенных знаний вновь завладело им.

— Вы узнали все, что хотели. Теперь уходите, — холодно погасил разгоревшееся было любопытство святого отца Гладсхейм. — И не забудьте о девушке, что прячется за стволом старой берёзы. Она совсем замёрзла, войти же в круг не решается. Прощайте!

Мгновенно отца Целестина окутали холод и темнота. Духи лесные исчезли, а с ними пропали свет и тепло, словно и не было их здесь вовсе.

Торир попытался высечь искры, чтобы снова зажечь факел, сопровождая сие выражениями неканонической словесности, которых монахам ордена святого Бенедикта не то что знать — слушать было не положено, но отец Целестин только рукой махнул. Видга, видевший в темноте как кошка, кинулся к берёзе в дальнем конце поляны и вытащил из-за ствола упирающуюся и дрожащую от холода Сигню-Марию.

— Что ты здесь делаешь? — гневно кричал Видга.
— Подслушаешь, да? — Он занёс руку, но не для удара, а так, для вида, засмеялся и потащил Сигню к зажёгшему наконец факел Ториру.

— Вот. Она подслушивала! — наябедничал Видга, хотя это было и так очевидно. Шапка на Сигнию сбилась набок, высвободив длинные тёмные волосы. Девушка действительно сильно замёрзла и к тому же была несколько напугана увиденным, но старалась держаться твёрдо.

— Да, подслушивала! — выкрикнула она, откинув с лица волосы. — Я давно знала, куда Видга по ночам ходит, только показаться этим... — она покосилась на едва заметный во тьме камень, — не хотела.

— Ну что ж теперь ругать ее, — вздохнул отец Целестин. — Пойдём домой, дщерь неразумная, не то и вовсе заледенеешь.

И они отправились восвояси через казавшийся теперь еще более тёмным и холодным зимний лес.

С младенчества воспитанный на христианских догмах, отец Целестин буквально разрывался надвое: бесспорно, Бог — Бог с большой буквы, тот самый, что дал скрижали Моисею и послал на землю Своего

сына во искупление грехов людских — этот Бог есть! Но откуда те странные и могучие силы, правящие миром? Оказывается, прямо здесь в лесу можно запросто повстречать Одина или прекрасного и грозного духа, взмывающего в небеса на белом коне, — жаль, не догадался спросить у элдар про него подробнее. Хотя они все одно бы не ответили...

Торир в мечтах уже шел в великий поход на запад, на поиски волшебной Двери богов. Найти бы ее, и тогда... Что будет тогда, он не знал, но чувствовал: произойдёт нечто важное.

Видга, как обычно, держался спокойно, ничем не выдавая своих переживаний, а Сигню, поддерживаемая им под руку, перебираясь через буреломы и сугробы, угрюмо молчала в предвкушении воспитательной и душеспасительной беседы с отцом Целестином.

Ночь постепенно уходила на запад. С глухим шорохом падал с огромных еловых лап наметённый на них снег, нарушая плотную тишину предутреннего леса. Наконец откуда-то справа чуть потянуло дымком. Преодолев последний подъём, Торир саданул кулаком по воротам ограды, и все четверо разошлись по домам досыпать остаток ночи. Торир только пробурчал монаху: «Обо всем поговорим после. Тогда и будем решать».

Впрочем, сказать «Все разошлись по домам» было бы неправильно. Монах словно стальным обручем сдавил руку Сигню-Марии, и как та не отнекивалась и не упиралась, привёл к себе. Затем последовала длительная, однако же не очень пылкая проповедь, смысл коей заключался в том, что все виденное — бесовское наваждение и что ей, как истинной христианке, не сле-

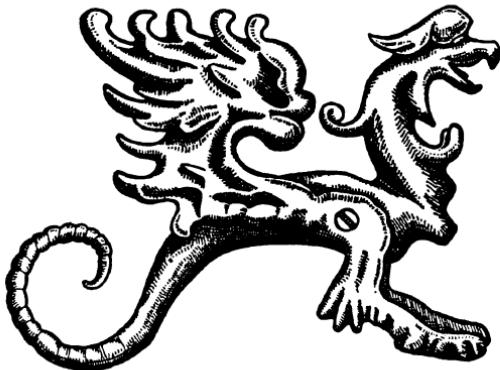

дует внимать рассказам обо всяких там «древних богах»; что лукавый дух нарочно вводит в искушение неопытные души, пытаясь погубить их, ну и так далее.

Между прочим, говоря все это и потрясая для наглядности то крестом, то Евангелием, отец Целестин впервые в жизни сам себе не верил. Сигни же сидела отрешённо глядя куда-то в угол, пропуская мимо ушей низвергавшийся на неё поток красноречия, — пускай себе заливается...

Наконец отец Целестин отвёл душу, эффектно завершив свою лекцию цитатой из Евангелия, повествующей о том, что не следует говорить лишнего, уподобляясь язычникам. Собственно, так и получилось: «в многословии своем» монах «услышан не был»⁵, ибо узрел, что его возлюбленная духовная дочь невозмутимо уснула в уголке и все старания пропали даром. Богомерзко высказавшись вполголоса, отец Целестин задул свечи и, не вспомнив даже о вечерней молитве, рухнул, уподобясь мешку с сеном, на свое ложе, решив отложить все проблемы на другой день. Он мгновенно провалился в сон, в самый последний момент успев подумать о том, что забыл поужинать...

4. БЕЛАЯ ГРОЗА

Они на следующий день, ни через два, ни через седмицу так ничего решено и не было. Торир ходил мрачный, как февральское небо, а отец Целестина попросту избегал — назойливые вопросы монаха вроде: «Так куда нам плыть? Так будем это искать?» — конунгу несказанно надоели, а где-то в начале февраля на совете у конунга (куда отец Целестин пробился едва не силой) на вопросы Халльварда и других воевод: «Куда пойдём летом — скоро лед начнёт сходить?» — только потёр бороду, махнул рукой да как-то невнятно прогудел, что «там, мол, видно будет» и «я еще подумаю».

Отец Целестин уловил быстрый взгляд Видгу, брошенный на дядю, и ответный взгляд Торира. Так. Ясно. Похоже, они решились. Только вот на что? И почему о своем решении не сообщили монаху? Ходят оба словно птицы в рот набравши! А отец Целестин, как-никак, непосредственный участник и свидетель всех наих страннейших событий, произошедших за послед-

ние дни. Ну да иначе как безумством, возможно, предстоящий поход не назовёшь. Видга тоже хорош! Уж он-то мог бы посвятить монаха в его с Ториром планы — в столь необычном деле без помощи священника совсем никуда!

Но оба норманна упорно не желали ничего сообщать святому отцу, а почему — совершенно непонятно. Отец Целестин только сокрушённо вздыхал да сверлил взглядом изредка заходившего в гости Видгу, но тот уклонялся от любых вопросов и лишь шепнула однажды, что все будет окончательно решено в марте, когда сойдёт лед. Монах же пока изнывал от скуки и сколь мог усердствовал в наставлении на путь истинный Сигню-Марии, стараясь делом доказать, что невежественную норманнскую деву вполне возможно превратить в образцовую кафоличку. Кто другой сбежал бы, не выдержав его заумных нравоучений и постоянных епитимий (порой отец Целестин прикидывал, сможет ли он сам выдержать эдакую епитимью...), а если учесть всю работу по дому, которую выполняла хрупкая девушка, то Марию-Сигнию можно было бы смело причислить если не к лицу ангелов, то точно к великомученицам.

А Вадхейм жил своей обычной жизнью. Разнообразным и полным развлечений бытие норманнов зимой не назовёшь — холодно, снег кругом, силу моло-децкую девять некуда, а обучение мальчишек, охоту, починку оружия и рыболовных сетей да прочие необходимые, но нудные работы полезным времяпрепровождением для викингов уж никак не назовёшь. Мужчины с нетерпением ждали лета, ждали богатых франкских и германских городов, ждали настоящего дела. Велись бесконечные споры и пересуды — куда на этот

раз направит свои драккары Торир, а некоторые друдинники с надеждой посматривали в сторону чинно прогуливавшегося отца Целестина. Даст Один — так и в Багдад отправимся! Разговоры про путешествие на Восток велись уже не первый год, и большинство надежд возлагалось именно на монаха — сам ведь южанин, да и, сказывают, бывал в тех местах. Но отец Целестин бродил мрачный, будто грозовая туча, и сердитое выражение его лица могло насмерть перепугать самого дикого германца из Мюрквида. Норманны же продолжали яростно спорить, гадая, куда же драккары Торира из Вадхейма направятся грядущим летом.

От скучи монах даже пару раз заглянул в капище — пофилософствовать с годи, но их принципиальные расхождения во взглядах на мир, а особо личная неприязнь друг к другу до добра не довели. Схоластический спор в один прекрасный момент закончился тем, что оба святых отца попросту передрались — у жреца был выдран клок бороды, а отец Целестин удостоился великолепного синяка под глазом: кулак у проклятущего шамана был не из слабых. Посмотрев дома на свое отражение в серебряном блюде, отец Целестин с неудовольствием отметил, что глазница приобрела цвет, все оттенки которого могут передать только константинопольские живописцы. И нечего было с этим дураком связываться — в аду его все одно припекут черти к сковородке. Вот там мерзкий язычник ответит и за этот синяк тоже!

Ну не жизнь, а одно расстройство!

* * *

Беда свалилась на Вадхейм, как обычно, неожиданно, и погибло бы поселение норманнов в Вадхейм-фьорде со всеми его обитателями, если бы не... Впрочем, обо всем по порядку, как, собственно, и было записано в хронике у отца Целестина.

Во-первых, ни для кого не было секретом, что, имея столь сильную дружибу, пять кораблей, да еще учитывая то обстоятельство, что и храбростью и умом Торир намного превосходил своих противников, в Вадхейме за долгие годы его правления накопилось немало разных ценностей и диковин, что весьма привлекало разного рода любителей поживиться за чужой счет. Во-вторых, у данов было много причин не любить дружину Торира, которая доставляла прибрежным ленам датским множеству неприятностей, чиня разбои и грабежи. Впрочем, было тому объяснение. Отец Целестин однажды вывел у конунга историю его семьи — отца и братьев. Оказывается, у Торира было два брата. Один из них — Рагнар, отец Видги, как уже было известно святому отцу, погиб во Фрисландии, а второй брат, единокровный, но от другой матери (Харальд, отец Торира, женился вторично после смерти первой супруги), был захвачен данами из Скельдунгов вместе с частью дружины и предан смерти, по счастью не позорной: отцу Целестину был известен сей вид казни, почитавшейся северянами, — именовался он «кровавым орлом». Монах видел однажды, еще плавая с ярлом Эльгаром, как это делается, и тогда, при виде эдакой жутки, понял, что кое в чем норманны превзошли даже палачей

императора Нерона — великих искусствников в своем ремесле. На спине убиваемого норманны делали мечом или кинжалом два надреза вдоль хребта, так, что ломались рёбра. Потом же грудную клетку раскрывали и вытягивали наружу лёгкие еще живого человека, и создавалось впечатление, что у него выросли невиданные жуткие крылья. Несколько погодя вырывалось сердце, и лишь после этого наступала смерть.

Прослышиав о гибели кровного родича, Торир начал мстить. Прибрежные поселки и городки, принадлежащие Скёльдунговым ленам, нещадно выжигались, а их население либо истреблялось, либо угонялось в рабство; их корабли вадхеймская дружина грабила и топила, не щадя никого и ничего, а кончилось все тем, что по запрошлым летом вадхеймы держали почти трёхмесячную осаду укреплённого поселения Скёльдунгов, но, к сожалению, взять его не смогли, однако все окрестности после ухода норвежцев к себе, на север, очень напоминали выжженную пустыню, какую обычно оставляли за собой орды Аттилы, называемого норманнами и германцами Этцелем.

Торир предполагал, что рано или поздно датчанам надоест терпеть почитай беспрерывные разорения от хирдманнов Вадхейма и все это кончится тем, что однажды они попытаются стереть с лица земли и морей человека, причинившего бедствий больше, чем все завоевания Каролингов.

Так, собственно, и произошло...

Почему они выбрали для нападения на Вадхейм именно раннюю весну, а не лето, когда дружина уходила в викинг, непонятно, но, видимо, даны решили

отомстить сразу и за все, желая расправиться с буйными норвежцами прямо в их землях. И другие северяне тогда запомнят, что безнаказанно жечь и разорять вотчины потомков Готфрида, Скёльдунгов, Ильвингов и Аудлингов не позволено никому! Зная, что так просто Вадхейм не возьмёшь (дружина Торира была ой как сильна), датчане на пятнадцати кораблях пристали к берегам возле устья Вадхейм-фьорда — восемь драккаров севернее и семь южнее, — после чего стало очевидно, что численное преимущество явно не на стороне норманнов, приютивших отца Целестина. Сам фьорд был недлинным — около трёх лиг, и посему обойти поселение по суще и полностью окружить его можно было (считая путь от океанского берега) всего за сутки.

Восемнадцатое и девятнадцатое марта 851 года вошли в историю Вадхейма как самые страшные и невероятные дни.

Первый отряд датчан появился утром восемнадцатого, с юга. Несколько мужчин, ушедших рано утром на охоту, успели добраться до поселения и рассказать Ториру о нескольких сотнях вооружённых людей под знаменами Скёльдунгов и других знатных датских родов, пробирающихся к Вадхейму через леса. Ворота были немедленно закрыты, все мужское население взялось за оружие, и вот к полудню из густого хвойного леса появились отряды врага и остановились у ограды поселения. Спустя несколько часов с севера подошел еще один отряд такой же численности, и Торир понял, что Вадхейму конец. Вожди данов собирались к востоку от холма, где стоял Вадхейм, — там красовались их многоцветные флаги, доносились победные возгласы и

ржание небольших косматых лошадок. Остальное войско числом до семи сотен полностью окружило поселение, а некоторые отряды поначалу даже решились пробиться к гавани Вадхейма и драккарам Торира, но несколько десятков воинов под водительством Халльварда преградили путь в селение.

По той причине, что городъба поселения входила в воду, покрытую ныне льдом, шагов на сорок от правого и левого берегов фьорда, два отряда датчан пробрались вдоль частокола к проёму, в который обычно входили драккары Торира, и, видя, что широкое неогороженное пространство охраняют не больше трёх десятков вадхеймских дружиинников, ломнулись очертя голову прямо на их копья, надеясь задавить числом. Умница Халльвард не зря заслужил доверие своего конунга: приказав своим отступить по льду и впустить датчан внутрь ограждения, он выждал, когда десятки воинов датских под знаменем с изображением поднявшегося на дыбы льва выйдут на лёд, преследуя «бегущих» хирдманнов Торира, а затем пустил в дело две маленькие рати, незаметно державшиеся у самого прохода, ведущего в гавань. Оба вадхеймских отряда, ударив вдоль городьбы, соединились в единый кулак, закрывший собой свободное от частокола пространство, а с берегов фьорда по датскому строю хлестнул дождь самострельных и лучных стрел. Пришлецы оказались в клещах — прорваться обратно за ограду они уже не могли, ибо вадхеймцы, выстроив хирд, неодолимой стеной встали на пути к отступлению, но и вперед двигаться тоже стало невозможно. А после того как Халльвард и его сыновья

во главе отборного отряда воинов, прикрывае-

мых со всех сторон рядами лучников, ударили по уже смешавшемуся из-за непрерывного обстрела строю датчан, стало ясно, что все захватчики, решившиеся с налёту взять Поселок столь малыми силами, обречены. С лязгом столкнулись круглые щиты, даны медленно отступали, огрызаясь короткими выпадами, но в этот момент хирд, закрывший собой выход из поселка, тоже двинулся на них. Вскрипела короткая, но кровопролитная схватка, звон мечей с новой силой наполнил холодный утренний воздух. Датчанам пришлось драться в полном окружении, и, поняв, что гибель теперь неизбежна, отбивались они отчаянно, с яростью бьёрсерков...

Маленькая и быстрая победа пусть и не принесла особого перевеса в силах, но все-таки это была победа!

Вадхейм гудел как пчелиный улей. Отец Целестин, в панике бегавший по поселку, мог наблюдать, как любая женщина, старик или подросток с суровыми лицами шли к ограде. Почитай у каждого на боку висел меч, женщины да девицы в руках держали небольшие самострелы. Отдавали быстрые, чёткие приказы бывалые воины — никакого беспорядка не наблюдалось, была лишь яростная решимость отстоять родной Поселок да уверенность, что если и не быть победе, то смерть в бою — достойный удел. А бой предстоял серьезный, если не сказать более. По подсчетам Торира, под стенами Вадхейма стояло свыше семидесяти десятков данов, и для каждого воина была хлебом и жизнью. Судя по всему, намерения у их вождей были самые серьезные... И это против двухсот дружинников Торира, если не считать женщин и стариков.

Конунг прекрасно понимал, что отбиться почти невозможно. Стены у поселка не крепостные — деревянные колья, вбитые в землю; ворота не железные, а против этакой силици без помощи Одина не выстоять. Будем драться до конца, до последнего человека. Только вот что нужно пришлецам датским? Зачем они явились в Вадхейм? Пока ни слов, ни условий — ничего. Просто встали лагерем у ограды, ибо одолеть с наскоку и овладеть поселком сразу не вышло, да и долгой осады у них не получится — ранняя весна, припасов много с собой небось не взяли. Значит, будут штурмовать. И произойдёт это очень скоро.

Часа через четыре после полудня из датского лагеря на маленькой гнедой лошади выехал человек в красивой посеребрённой кольчуге и со знаменем с изображением льва. Подъехав вплотную к воротам, он несколько раз протрубил в рожок, висевший на груди, и прокричал:

— Бёёрн Скёльдунг вызывает на переговоры Торира Харальдсона из Вадхейма! Я пришел говорить, не стреляйте! — На всадника со стен были нацелены десятки луков и самострелов.

Торир поднялся на стену. Русые с сединой волосы вьются по ветру, лицо каменное, меховая накидка сверкает серебристым песцом на солнце, на боку длинный клинок с закругленным оконечьем, — вождь-воитель. Видга, с горящими глазами, позади, рука эфес меча скимает, Халльвард рядом, всегда готов своею грудью конунга от стрелы врага прикрыть. Отец Целестин тут же. Боязно монаху, но все-таки положение обязывает,

да и чего бояться пока одинокого всадника?

— Ну я Торир! — звучно пробасил конунг. — Чего тебе нужно, Бьёрн?

Датчанин смерил конунга пристальным и, как показалось, чуть насмешливым взглядом, явно осознавая свое превосходство, и провозгласил:

— Ежели ты и есть Торир из Вадхейма — разбойник и грабитель, — то трепещи! Ибо я, Бьёрн Скёльдунг, пришел потребовать по праву возмещения урона,чинимого твою дружиной прошлыми годами, и дабы обезопасить земли датские от твоих набегов впредь! Коли проявишь ты благоразумие и согласен будешь на условия наши, то обещаю я жизнь всем, кто сложит оружие и покорится власти конунга Скёльдунга, ибо отныне он будет повелевать вами. Требуем мы также виру за потери наши от набегов дружины твоей, Торир: золотом, сколько возьмём, да двумя сотнями трэлей, да еще отдашь ты нам две своих ладьи. И клятву принесёшь, что впредь дружину твою с датских берегов не увидят более, а если и увидят, то только под стягами Скёльдунгов. Иначе же и Вадхейм, и воины, и все жители его познают тяжесть гнева и меча датчан!

Во время всей этой напыщенной речи Торир стоял спокойно, словно не слыша того, что говорил Бьёрн, а только злобно порыкивал что-то для прочих неразборчивое. И так было понятно, что для гордого норманнского конунга условия, выставленные данами, абсолютно неприемлемы, но так же ясно можно было понять, что за спиной Торира стоят семьсот человек, из коих по-настоящему могут защитить себя в предстоящем бою лишь мужчины-викинги.

Ну нет! Мы еще посмотрим, чья возьмет!

В ответ на слова Бьёрна Торир разразился таким градом проклятий и самой черной брани, что конёк дана аж присел на задние ноги, а сам датчанин, словно и не ожидая услышать что-либо другое, дернулся повод, подняв коня на дыбы.

— А теперь слушай меня, Бьёрн из рода Скёльдунгов! Ты, паршивый пес, должен помнить, что две зимы назад моя дружина держала в осаде твое поселение и ни ты, ни кто-либо из твоих людей не смели высунуть носа за частокол, зная, что наши клинки воздадут по заслугам тем, кто повинен в смерти моего брата!

Бьёрн ухмыльнулся:

— А, так вот в чем причина всех чинимых тобою непотребств! Я и раньше догадывался, что смерть этого щенка, не достойного носить меч, вызвала у тебя мстительные чувства. Поверь, я . нисколько не жалею, что отправил его к праотцам, — одним разбойником меньше! Тебя ждёт такая же участь, только я не буду пачкать свой клинок, вырезая тебе красного орла. Ты умрёшь иначе...

— А не отправишься ли ты к Хель, ублюдок?! — прорычал Торир. — Как бы не пришлось тебе после этой нашей встречи вечно вариться в желудке Фенрира, проклиная тот день, когда боги привели тебя под стены Вадхейма! Убирайся, нам не о чем говорить!..

Лицо Бьёрна перекосила злобная гримаса, и он поскакал к своим. В тот же момент стены Вадхейма былисыпаны градом лучных и арбалетных стрел. Еще через несколько мгновений начался первый штурм.

Солнце клонилось к закату.

Похоже, нетерпение данов было чрезмерным, и первый приступ они устроили не с рассветом,

как это делают все нормальные люди, а немедленно — теперь, когда вечерние тени все больше и больше удлинялись.

Главный удар, как и ожидалось, два крупных отряда врага вновь нанесли в самое слабое место — туда, где у самой кромки фьорда заканчивалась деревянная ограда поселения и где по еще крепкому льду можно было прорваться к стоящим на бревнах драккарам и сразу выйти за ограду, внутрь Вадхейма. Обе стороны — северную и южную — охраняли крепкие и испытанные дружинники Халльварда. Сам же Торир с остальными воеводами находился по-прежнему у главных ворот.

Бой у пристани закипел жестокий. Даны пытались по льду подойти к берегу, колья бревенчатой ограды окрасились кровью как защитников, так и осаждающих, воздух наполнили боевые кличи и звон стали, и тут была явлена первая милость богов: под отрядом датчан, пытавшихся вломиться в Поселок прямо по льду фьорда, подтаявшая ледяная корка треснула и они, баражаясь в пусть неглубокой, но смертельно холодной воде, оказались под не знающими промаха стрелами и копьями вадхеймцев. На сей раз мечи обнажать не пришлось.

Успевшие выбраться на крепкую кромку даны бежали на берег, а у северного края частокола викинги уже бились жестоко и беспощадно с врагом, устилав свои телами и телами датчан прибрежный лёд, ставший из серебряного кроваво-красным.

Смеркалось. На стены Вадхейма шли все новые и новые десятки врагов. Сигню не расставалась с самострелом, а Видга успел напоить свой меч кровью

уже не одного дана. Колыхались в сумерках знамёна со львами, во вражеском лагере раздавались невнятные крики; даны свалили толстенную ель, обрубили ветви и уже хотели использовать бревно как таран и выломать ворота, но ранняя северная ночь опустилась быстрее, чем пришельцы с юга успели опробовать свое страшное орудие. У стен еще кипел бой: пошли в ход заранее приготовленные приставные лестницы; летели горящие, обмотанные паклей со смолой стрелы, и вот уже несколько домов занялись пожирающим податливое дерево пламенем. Щелкали самострелы, гудели тетивы луков вадхеймцев, с той стороны стены слышались проклятия и крики боли... За частокол не прорвался никто, но страшный, безмолвный ряд тел жителей поселка у мужского дома, куда оттаскивали убитых, неумолимо рос.

Вадхейм нес потери. Тяжелые потери: среди убитых стрелами и мечами данов были и воины дружины, и женщины, что тоже пришли на стены защищать родной Поселок, и подростки, почти дети, знаяшие, что в случае поражения их ждёт либо позорная смерть, либо рабство...

Отец Целестин молился. Истово. Он обращался к Иисусу, Деве Марии, Святому Духу, всем святым, прося их об одном — спасти и сохранить от гибели Вадхейм! Пока что небеса внимали монаху. Сумерки гущались неумолимо, в лагере данов зажглись костры, да и битвенный пыл датских воинов погас. Но ведь есть еще и завтрашний день, и он должен был все решить. А решение это было отнюдь не в пользу Вадхейма. Все — от мала до велика — понимали, что Поселок против недолимой силы не продержится, принять же ус-

ловия Бьёрна не согласился бы ни один подданный конунга Торира. Значит, надо одолеть не силой. А вот как? Как? У Торира был ответ на этот вопрос.

Штурм с наступлением темноты затих. И тогда же Торир, не позабыв выставить не один десяток часовых, собрал совет. Странный совет. На нём присутствовал только сам конунг, отец Целестин, Видга и, как ни странно, Сигню-Мария. Да, на треть Вадхейм был подожжён огненными стрелами данов, да, под стенами поселка стояла вчетверо превосходящая рать противника, но конунг позвал к себе именно этих людей, а не своих воевод-стурманов во главе с Халльвардом. Он надеялся не на военную силу, а на нечто другое, понимая, что данов мечами не одолеть, а ждать помощи неоткуда... Хотя как же неоткуда?!

Монах изо всех сил бежал наверх, к дому Торира, сопровождаемый громадного роста дружинником — посланцем конунга, заставшим отца Целестина в момент, когда тот в отчаянии разрывал у домика влажную землю. Ничего не соображая с перепугу, монах хотел закопать свои книги, не обращая внимания на тающий снег и на то, что выкопанная им яма медленно, но верно заполняется водой. Бессмысленность сей работы дополнялась еще и тем, что, если принять во внимание солидные размеры библиотеки, рыть пришлось бы долго, а серебряной тарелкой, коей пользовался отец Целестин вместо лопаты, много не накопаешь. Он увещевал себя, что делать все это незачем, что у него просто истерика, но... Вадхейм горел, у ограды царила сумятица, слышались крики, и только тогда отец Целестин отвлёкся от своих дурацких раскопок, когда норманн потя-

нул его за изгаженную глиной рясу и быстро проговорил:

— Иди к конунгу. Зовёт. Давай быстрее, я тебя отведу, — и смерил отца Целестина взглядом, каким обычно глядят на юродивых. Впрочем, судя по внешнему виду монаха, именно так на него и следовало смотреть.

— Тут такие дела, а ты... — укоризненно сказал воин, но святой отец только вытер руки о рясу и довольно резво для своих габаритов припустил по склону холма. Дружинник, посмеиваясь, шествовал рядом.

Уже наверху монах огляделся: близилась полночь, небо было чистым, но свет звезд мерк перед сполохами десятков костров за частоколом, дотлевали несколько домов в самом поселке, западный ветерок уносил черный дым к горам. Неожиданно у стены раздались вопли и удары мечей — даны сделали короткую вылазку, похоже просто из интереса, и сразу же откатились. В Вадхейме никто не думал ложиться спать; большая часть дружины сосредоточилась у ворот — ждали ночного штурма, так как все видели, что враги готовят таран. Еще два крупных отряда стояли слева и справа, там, где частокол примыкал к водам фьорда и прорваться было легче всего. А на северном склоне холма Вадхейма полыхал громадный погребальный костёр — этот день унёс жизни более пяти десятков жителей поселения. Отец Целестин внезапно выругался про себя — занимаются всякой ерундой, когда небось полно раненых! Эх, плохо у тебя голова в момент опасности варит, отец Целестин! Тут людям помогать нужно, а ты о книгах думал... А еще священником считаешься, христианином. Нет, точно епитимью на себя наклады-

вать надо, да, может, вериги у кузнеца попросить выковать, для умерщвления плоти?

В локте от головы монаха в стену дома ударила шальная датская стрела (и какой идиот стреляет по ночам?). Отец Целестин снова ругнулся по латыни. Вот будет тебе завтра «умерщвление плоти» в самом изошрённом виде. Перебьют ведь нас всех, как есть перебьют! Всех, включая кузнеца. Так что и вериги отменяются.

Торир сидел потный, черный, всклокоченный, злой — брови к переносью, борода растрёпана, отблеск ненависти в глазах горит. Меч обнажённый на столе. Видга наступлен, царапина на щеке — стрелой задело вскользь. Сигню, как обычно, в уголке — сидиттише мыши, но вся напряжена, самострел на коленях.

— А, явился! — Торир указал монаху на скамью, приглашая сесть. — Ну, что скажешь, отец Целестин?

Монах только вздохнул, выдавив из себя жалкую улыбку:

— Может, обойдётся? — и сразу же понял, что сморозил глупость.

— Не обойдётся. Своими силами не совладеть, а помощи ждать неоткуда. Если гонца лесом, в Рёдборг, к ярлу Гутторму слать, то посланец за два дня доберётся. Гутторм-то придёт, и с дружиной, но как ни спешить — не успеют. Через лес, да еще снега таять начали. Придут к пепелищу. Нам не выстоять.

— И что теперь делать? — прошептал монах, проникнувшись пессимистичным настроением конунга.

— Слать человека к элдар, — неожиданно сказал Видга. — Они помогут.

— Чего-чего? — вытаращился отец Целестин, не веря своим ушам. — Торир, Видга, вы что, всерьез? Разум от страха помутился?

— Забываешь, с кем говоришь! — прикрикнул Торир. — Конунги Вадхейма никогда никого и ничего не боялись! И если нужно, я завтра погибну в битве, как и все мы! И не забудь, что и тебя даны тоже не пощадят. Я согласен с Видгой. Элдар могут помочь. Только от них можно подмоги ждать.

— Но как? — отец Целестин сквачился за голову.

— Как призрак одолеет воина? И кто к ним отправится? Да и найдёт ли их? А как через лагерь данов пробраться к лесу, вы думали? Как через стену перелезть?

— Тихо! — Конунг хлопнул ладонью по столу, прервав бурную речь святого отца. — Сигню согласилась пойти. И сделает это, хочешь ты того или нет.

Рука отца Целестина сама потянулась к кувшину с пивом, что стоял рядом. Опростав его, монах слегка пришел в себя и понял, что если есть хоть какой-то шанс, то... Что ж, надо его использовать. Хотя, конечно, ох как не хочется отпускать в лес Сигнию, паче что сквозь лагерь данов ей придётся пробираться. А если поймают? Страшно подумать! И, кроме того, никому не ведомо, сможет ли она найти лесных духов... А если и отыщет Гладсхайма, то что он ответит на ее просьбу? Руками разведёт? Скажет, что до людских дел ему касания нет? Да и чем бесплотные призраки помочь могут? Но коли другого выхода нет, то...

— Согласен, — медленно наклонил голову монах. — Только надо сделать все быстро и тихо. Вы не бось уже и придумали как?

— Придумали, — согласился Видга. —

Устроим вылазку в лагерь данов, пошумим около ворот, а Сигню через частокол перелезет с другой стороны. Должна пробраться, пока суматоха будет. А там на все воля богов.

— Бога, — привычно поправил отец Целестин. — Тогда начинаем. — И монах перекрестился.

Сборы заняли совсем немного. Торир сразу ушел к воротам, а отец Целестин, упорно молчавшая все это время Сигню-Мария и Видга быстро двинулись к южной части ограды. Казалось, что там костров поменьше, чем в иных местах возле частокола.

Едва скрипнули брёвна, коими закладывали створки ворот, и человек пятьдесят хирдманнов Торира с устрашающими воплями рванулись за ограду, как Видга прислонил к стене захваченный с собой шест, они вдвоём с отцом Целестином подсадили Сигню наверх, и вот она уже уцепилась за заострённые концы брёвен в три человеческих роста высотой.

— Если что, иди потом на север, в Рёдберг-фьорд. Расскажи Гутторму, он отомстит... — донёсся снизу, из темноты, голос Видги.

В самый последний момент двое у стены услышали только три слова, произнесённых тоненьким, но твёрдым голоском:

— Я вернусь. Ждите.

Неожиданная вылазка вадхеймского хирда данов удивила, но не обескуражила, и сеча у ворот развернулась нешуточная. Воины-датчане стали сбегаться туда со всего лагеря — каждому хотелось погородствовать, — и в царившей при неверном свете костров не разберихе никто не заметил соскользнувшую со

стены девушку, мигом исчезнувшую в зарослях ельника.

Вадхеймцев начали теснить обратно к воротам, и громогласный голос Торира приказал всем отступить внутрь ограды. Еще немного — и жарко кипевший бой затих так же внезапно, как и начался, ворота удалось закрыть, а на сгрудившихся возле них данов посыпался сверху, со стены, град стрел, камней и факелов. Они откатились, оставив у входа в Вадхейм три десятка тел своих и с десяток защитников норманнского поселка в Вадхейм-фьорде.

Над Норвегией стояла тёмная звездная ночь.

В двух лигах от устья фьорда к уже стоявшим там кораблям с датскими воинами присоединились еще шесть — некоторые из клана Ильвингов тоже решило принять участие в ратной потехе, а заодно и лишний раз уязвить норвежцев. Ильвинги тоже не раз знакомились с дружиной Торира из Вадхейма. Высадка прошла быстро, а отдалённое неяркое зарево указывало вновь прибывшим захватчикам путь. Вспыхнули факелы, и еще две с половиной сотни людей, жаждавших крови и поживы, двинулись через ночь по хвойному лесу к обречённому поселку.

* * *

Ломая тугие ветви, иногда по пояс проваливаясь в снег, по тому же лесу пробиралась как можно тише и быстрей, от одного ствола к другому, шестнадцатилетняя Сигню, дочь Хагнира. Оранжевый свет датских костров остался далеко позади, ни один из врагов ее не заметил. Так, вначале к первому холму, потом на-

право, в ложбинку, и вниз, к поляне. И быстрее, быстрее! Там, может быть, уже пробиты ворота и битва идёт уже меж домов родного поселка! Элдар сумеют помочь, они же добрые и вроде бы даже родичи... Только быстрее!

Сигнию споткнулась о торчащий из снега корень, упала, сильно ушибла колено, но, стиснув зубы и преодолевая боль, двинулась дальше, забираясь все глубже в чащу и надеясь больше на свою память и какие-то ранее невиданные чувства, гнавшие ее вперед и вперед. Словно в ней в минуту, когда решалась ее судьба, судьба родных, всего, что было знакомо и близко с рождения, пробудился голос древнего и чудесного народа, о котором пели песни.

Вот он, Зуб Фафнира. Здесь.

Поляна была пуста и темна. Нет золотого света, нет странных, напоминающих музыку или песни звуков, нет неясных силуэтов в мерцающем тумане. Тихо, темно, холодно, и гранитный клык при лунном свете кажется совсем черным, словно глыба чистой, беспримесной тьмы.

«Конец. Это конец. Их нет. Нас никто не спасёт. Вадхейм погиб», — мелькнула мысль, и впервые за весь день и ночь, наполненные ужасом и смертью, Сигнию разрыдалась и упала на снег у края прогалины.

— Элдар! — исступлённо крикнула Сигнию в темноту. — Элдар! Помогите! Во имя всех богов и Иисуса! Во имя Единого! Помогите, прошу вас!

И тут же, стоило ей лишь упомянуть имена Великих Сил, полыхнул язык золотого пламени. Слабый, чуть заметный свет озарил поляну, и появился силуэт лесного духа. Сквозь слезы Сигнию разглядела, что

это был темноволосый мужчина в белом, окружённый колышущимся ореолом. Словно бы уже знакомое лицо... Ну да, именно он тогда говорил с Видгой, Ториром и отцом Целестином!

Лесной дух был один. Невесомо ступая по мгновенно таявшему под ним снегу, он подошел к поднявшейся на колени девушке и протянул к ней руки. Мгновенно по телу Сигню побежали струи тепла, мысли пришли в порядок, и она сумела подняться на ноги и смело взглянуть в бездонные глаза явившегося перед ней элдар. В сознании Сигню зазвучал его голос:

— Я Гладсхейм. Ты уже видела меня. Ты проста о помощи. Чем мы можем быть полезны тебе, дочь народа Элендила?

И Сигню, сбиваясь, перескакивая с одного на другое, забегая вперед, глотая слезы, рассказала все. О внезапно появившихся данах, о штурме Вадхейма, о том, что утро принесёт гибель всему ее роду, о том, что Торир и отец Целестин с Видгой послали ее сюда... Словом, обо всем.

— Только от вас мы можем ждать спасения! — взывала она к бесстрастному на вид Гладсхейму. — Ни наши боги, ни Иисус нам не помогут, если не явят чуда!

— Ты ожидаешь чуда от нас? — Голос Гладсхейма звучал не в пример спокойнее. — Не жди. Мы не можем сражаться с живыми людьми, ибо давно утратили способность поражать мечом, да и мечей у нас давным-давно нет. Ты ждёшь от нас чародейства? Его тоже нет. То, что тебе может показаться удивительным или волшебным, — лишь малая часть, оставшаяся у нас от изначального. — Элдар говорил мед-

ленно, с расстановкой, даже велеречиво, но Сигнию явственно услышала ноту беспокойства в его голосе. Отчего бы?

— Мы окажем вам содействие, чем можем, — продолжал элдар. — Мы еще сохранили возможность звать к Силам. Но не надейтесь на нас до конца. Я и мой народ пошлём призыв к Стихиям Мира, но я не знаю, будут ли они помогать по нашей просьбе людям, хоть и течёт во многих из вас наша кровь. Ждите. Но не питайте чрезмерных надежд.

Гладсхейм исчез мгновенно, словно и не было его. Только тёмное пятно голой земли среди мокрого снега там, где он только что стоял. Сигнию, подождав, не произойдёт ли еще чего, отправилась назад, к Вадхейму, не заметив, как прошла боль в разбитом колене.

«Не питайте чрезмерных надежд! И от них не жди ничего! — думалось ей. — Что ж, главное теперь — перебраться за ограду и там погибнуть вместе со всеми. Ах, конунг, зря ты надеялся... Да спасёт нас Иисус и Пресвятая Дева!»

* * *

Неумолимо вставал рассвет. Уже стали меркнуть звезды на востоке и наливаться розовым небо. Подморозило, но приставшие вечером к берегу датчане продрались через густой лес и вышли к Вадхейму. Не сомкнувший глаз за ночь Торир только кусал усы и злобно ругался сквозь зубы, видя, что враги увеличились числом и силы их немерены.

Более точный, отец Целестин, явно наложивший на себя епитимью лишения сна, оценил

мошь врагов в тысячу мечей, а то и поболе. Видга казался спокойным, но был бледен как полотно, видя со стены разворачивающуюся картину: десятки штандартов и знамен знатных родов и семей, собравшихся под их водительством; тускло мерцают под утренним небом шлемы и кольчуги датчан, где-то ржут их коньки, догорают костры и серо-черный дым уносит усилившимся западным ветром в леса, к горам. О боги, о Иисус, о Единый, где же Сигню?! Что сказали элдар?!

Солнце еще не взошло, когда даны ударили всей своей силой. Толстенное бревно вышибло с трёх ударов ворота — враги не стали лезть на стены и зря терять своих; не стали обходить Поселок со стороны фьорда. Сейчас вся мошь, собравшаяся у ограды Вадхейма, нацелилась на ворота. Вновь полетели огненные стрелы — занялось еще несколько домов, в том числе и жилище конунга, стоявшее на вершине холма, но трэли, предводительствуемые Саннгрид и дочерьми Торира, сумели сбить пламя.

Лучники Вадхейма были в упор, в сбившихся у разбитых тараном ворот данов, стрелы пробивали кольчуги и клёпаные куртки, сбивали шлемы, вонзались в лица и незащищённые шеи, но врагов было слишком много. Дружина Торира рубилась горячо; сбив щиты и выставив короткие зазубренные копья, отряд норманнов неистово ударил по прорвавшимся за ворота данам, но натиск снаружи был настолько велик, что, не обращая внимания на дождь стрел, сыпавшихся справа и слева из двух башенок, поднимавшихся у ворот, невзирая на утренние сумерки — почти темноту, — даны стали давить всей своей массой на небольшой отряд

Торира, и тот, шаг за шагом, начал отходить. Данны прорвались в Вадхейм.

Быёрн поступил правильно и расчётливо. В тот момент, когда ворота рухнули, в образовавшийся пролом, прикрываясь не обычными на севере круглыми, но вытянутыми, каплеобразными щитами, кои использовали в основном словяне, двинулись копьеносцы. Короткие норманнские копья значительно уступали в длине древкам оружия датчан — с широкими и гладкими оконечьями, и потому даны могли держать воинов Вадхейма на безопасном расстоянии, не позволяя приблизиться и завязать ближний бой. Позади строя тяжеловооружённых врагов легко угадывались ряды лучников, и весь этот человеческий вал пусть и медленно, но преодолел яростное сопротивление вадхеймского хирда, вошел на три десятка шагов в глубь поселения, и тогда же оборона норвежцев была прорвана с флангов. Множество датских ратников начали окружать сбившуюся в единый кулак армию Торира, надеясь взять ее в кольцо и быстро уничтожить. Однако конунг, предвидя столь опасный поворот событий, сохранил в резерве около тридцати армейских из самых опытных и отчаянных бойцов — они-то и встретили рвущихся к домам данов, ненадолго остановив их. Поняв, что, быть может, получится прорваться вниз, к фьорду, конунг Вадхейма приказал своим отступать и стараться не нарушить строй — тогда сразу конец. Торир надеялся, что под прикрытием хирда хотя бы часть женщин и детей сможет выбраться из поселения на лёд и уйти в леса, благо что возле выхода из гавани данов было совсем немного.

Было раннее утро девятнадцатого марта

851 года от пришествия Спасителя. Утро, вошедшее во многие летописи Севера как одно из самых необычайных в истории Скандинавии и христианских стран...

Начать с того, что после восьмилетней давности боя на корабле ярла Эльгара отец Целестин взялся за меч, ибо более ничего делать не оставалось. Его разум был в смятении, монах, как мог, быстро бормотал молитвы, готовясь ко вступлению в Царство Божие, по ходу дела смахнув сунутым ему в руки Видгой клинком одного из датчан, прорвавшегося за полукольцо дружинников Торира, с бешеною яростью отбивавшихся отходя от пролома, в который вливалась, казалось, бесчисленная орда врагов. Где-то там монах видел непокрытую голову Торира, его взлетавший и вновь с быстротой молнии падающий меч, шлем Видги с полумаской и нащечниками, сработанный по заказу у кузнеца Сигурда на манер римских; крики, хлопанье самострелов, удары, вдребезги разбивавшие щиты...

— Отец Целестин! Отец Целестин!

Монах обернулся, и его взгляд наткнулся на Сигню. В руках у девушки был топорик, не боевой — обычный, каким рубят дрова, выглядела она уставшей и напуганной, но всем своим видом неведомо откуда взявшаяся Сигню-Мария выражала решимость.

— Гладсхейм обещал! Может быть, они смогут что-то сделать!

— Гладсхейм... — Святой отец злобно сплюнул сквозь зубы, забыв даже спросить свою воспитанницу, как она сумела пробраться в Вадхейм. — Я же говорил, аурацкая это затея, и что только Торир думал?! Надо пробиваться всем в леса — небось поодиночке

всех не переловят! Да спасёт нас Господь!.. На него одна надежда!

И тут свершилось.

На западе, на тёмном еще небе, ярко сияла утренняя звезда, что называлась у римлян Венерою, у других же народов по-иному. Словно по наитию, монах обратил свой взор к небесам и замер от удивления и благоговейного ужаса. С запада, от ярко сиявшей звезды, к Вадхейму протянулся блистающий тонкий луч, упёрся в лед фьорда, расцветив его всеми оттенками золота и серебра, превратив в чудесное, переливающееся словно живым огнем зеркало. Само светило вдруг полыхнуло ослепляющим, неземным светом, и взгляд ясно различил появившегося всадника на белом коне, что как Ураган нисходил к берегам Вадхейм-фьорда по лучу западной звезды. Громадный снежно-белый скакун в вихрях золотого пламени, и на нём в диковинном высоком седле — человек в огненных доспехах, с обнажённым пламенным мечем и бело-золотым рогом на поясе.

Э, нет, отец Целестин. Не человек. Нечто, некая великая и забытая в твоём мире Сила, принявшая облик человека. Сила, сравнить с которой нельзя ни мощь империи франков или византийцев, ни единого из земных королей, пришла на помочь людям рода Элендила.

И тут же первый раз громыхнуло, а с запада, от океана, налетел невиданный ранее здесь ураган. Где-то за скалами фьорда вдруг образовалось густое, молочно-белое облако, и чудовищной силы ветер понёс его на Поселок — скалы, леса, лёд, покрывавший залив, исчезали под мутным покровом, и последнее, что смог разглядеть монах, так это дивного всадника, чей

конь стоял у основания луча, на ледяной броне фьорда, с воздетым мечом в одной руке и рогом в другой. Чудесный Дух поднёс рог к губам, воздух потрясли громовые и в то же время волшебно-мелодичные звуки, услышав которые отец Целестин окончательно уверился: спасение пришло. Вадхейм будет жить.

Густая белая волна накатила на поселение, поднялась вверх по холму, охватив его со всех сторон, вместе с окрестными лесами, и монах потерял способность видеть в серебристом мареве. Остались одни ощущения. Он запомнил сотни голубых вспышек, окруживших его, беспрерывные раскаты грома, разрывавшие уши, крики, таявшие где-то в тумане, и раскатистые звуки рога того неведомого существа, что спустилось на огромном коне по звездному лучу. Пару раз отец Целестин видел сквозь туман синие мгновенные молнии, ударявшие в призрачно-черные силуэты, походившие на людские, колыхалась земля, в воздухе сильно пахло грозой, ветер сбивал с ног, но туман не рассеивался. Когда молния ударила совсем рядом и вслед за ней последовал такой раскат грома, что, казалось, сами небеса раскололись и рухнули на землю, отец Целестин потерял сознание.

Немногие наблюдали за происходившим в районе Вадхейма со стороны и издалека, но чьи бы глаза ни обратились к юго-западному побережью Норвегии, грандиозное зрелище, развернувшееся перед ними, могло повергнуть любого в состояние близкое к тому, в котором находился уже отец Целестин.

В предутренних сумерках на западе грозно разгорелась ярчайшая звезда, метнув один из своих

лучей к лесистому берегу. Издалека казалось, что фьорд и прилегающая к нему местность на-крыты гигантским белым куполом — будто облако спустилось с небес и улеглось отдохнуть на землю. Вокруг него все казалось черным или тёмно-серым, настолько ясно сиял колдовской покров, мерцавший бело-голубым светом. Изредка с его вершины в пока еще тёмное небо ударяли слепящие молнии, тотчас исчезая в будто бы накалившемся воздухе. За многие лиги был ясно различим смутный гул, а иногда и чудовищный грохот, шедший из глубин тугой, плотной, клубящейся массы, накрывшей берег.

Страшен гнев древних Стихий!

И вдруг все кончилось. Многие вадхейцы, кто был крепок душой и телом, кто не потерял сознания от ужаса или усталости, почувствовали, что непроглядная белая мгла начала рассеиваться, удары, сотрясавшие землю, прекратились, не сверкали более огненные вспышки и не слышны были нечеловеческие голоса. Столь же внезапно померкли и угасли огни пожаров, и ласковый, теплый весенний ветерок, в который превратился неистовый ураган, унёс прочь дым и остатки таинственного тумана.

— Отец Целестин, проснись! — пронёсся в сознании монаха чей-то голос. Вроде бы... Вроде бы Гладсхейма? — Проснись и зри! Сам Алдаро Охотник явился к нам!

В этом голосе звучало такое благоговение и сила, что святой отец сразу пришел в себя, поднялся, оперевшись на правую руку, и обратил совершенно безумный взгляд вниз, к подножию холма, где сиял в свете звезды битый лёд залива, казавшийся сейчас алмазным.

Многие десятки жителей поселка тоже устремили свои взоры к явленному им чуду. Нет, не чуду. Чудо — это что-то сказочное, легендарное, чего в жизни и быть-то не может. А здесь блистали перед людьми невиданная мощь и великолепие — настоящие и осязаемые. Великая Сила прошлого, тайна тысячелетий, пришедшая по зову обречённых, средоточие Блага и Света, Моши и Владости, что не являлись на грешную землю после Христа вот уже восемь с половиной столетий.

Всадник на огромном белоснежном коне, сиявшем во мгле перед рассветом ярким серебром.

Белый плащ вьётся по ветру, драгоценный доспех бросает блики, волосы подобны расплавленному золоту; лик грозен, но в серых, как летняя тень над водопадом, глазах радость и сострадание, гнев и милость.

И тут грянул глас его:

— Живите! Давно я не приходил по такой просьбе в Мидгард, но что сделано, то сделано, пусть и пошел я против воли других Сил. Помните, люди рода Элендилья, об этом дне, и испкупите мою вину перед Эру и Стихиями делами своими. Я сказал — вы слышали.

Вновь поднёс всадник к губам рог и вострубил, и дрогнула земля под копытами коня. Полыхнула звезда на западе, Алдаро развернул скакуна, и тот, взвившись в воздух, помчался по звездному лучу, что начал истончаться и меркнуть. В последний миг отец Целестин увидел, как словно разорвалось небо над океаном и Великий Дух исчез в образовавшемся проёме. И еще глаз монаха различил появившиеся на мгновение башни и купола какого-то города, перед которым померкли бы и Рим, и Багдад, и Константинополь...

Или чудилось все святому отцу?

Как знать...

К монаху нежданно-негаданно подбежал Видга и помог подняться. «Жив, жив, слава Иисусу да Богородице! — думал отец Целестин, глядя на воспитанника. — Ранен, правда, легко, так ведь ничего, заживёт щека-то! А что же, собственно говоря, случилось? *Что было?*»

Было же вот что: Вадхейм наполовину выгорел, но нигде не замечалось тления или горячих углей. Ни дымка. А где даны? Где они?

Тут монах как следует огляделся и осенил себя крестом. Причем не один раз.

То, что творилось у ворот, описанию не поддавалось. Все нападавшие, прорвавшиеся за тын, были мертвы, но у большинства ни ран, ни царапин, ни ожогов на телах глаз не замечал — будто их постигла обычная внезапная смерть. Только на лицах застыл невиданный ужас. То же за стенами — трупы лежат в беспорядке, иные так, словно пытались убежать, скрыться от вездесущей ярости древнего бога. И ни одного живого.

Вначале поддерживаемый Видгой, потом самостоятельно, отец Целестин попытался обойти Вадхейм. Ноги подкашивались, сердце колотилось, иногда тошнота подступала к горлу, но он осмотрел все, в том числе и оставшееся от лагеря датчан. Везде кровь. Обледеневшая земля покрыта красной застывшей коркой. Множество тел лежит черной массой у разбитых ворот. На многих следы оружия — раны, нанесенные клинками вадхеймцев. У всех погибших оружие в руках, стиснуто в последнем предсмертном усилии так, что теперь и не разжать мёртвых ладоней. А это кто? Глянь-ка,

Бьёрн Скёльдунг... Ну вот, гордый датчанин, ты и нашел свой конец. Сбылось предсказание Торира...

Через некоторое время монах вернулся к себе в домик, который по странной случайности уцелел — из брёвен торчали несколько стрел, на которых видна подпорченная огнем пакля, — заложил дверь жердью, пал на колени перед распятием и так, в молении, не прерываясь ни на сон, ни на еду, провёл весь день. Лишь вечером, ни жив ни мёртв, отец Целестин упал на ложе и мгновенно заснул, не услышав ни стука в дверь, ни зова Сигню, что принесла ему ужин.

Пока монах погружался в общение с Господом Богом, Торир, хоть и не менее святого отца уставший и ошарашенный случившимся минувшим утром, развел невероятную активность, понимая, что в данный момент людям нельзя расслабляться. Все, от мала до велика, включая жену и дочерей конунга, а также всех его родичей, взялись за работу. Часть мужчин была послана рубить деревья, остальные же оттаскивали тела врагов далеко за ограду, к подножию холма, и к вечеру возле поднявшегося к ненастному небу строя лесных исполинов был сложен огромный погребальный костёр.

Это было странно, но никто не заметил, как зарубцевались раны, полученные в былом бою, как даже те, кто был ранен тяжело и находился почти при смерти, поднялись на ноги, будто и не почувствовав на себе тяжести датского меча или остроты стрелы. На ходу Торир считал погибших: своих было больше сотни, данов же бессчётно — все до единого пали под равнодушной

дланью Силы, что явилась в Вадхейм. Один Видга только

подивился, глядя на совершенно здорового друга

жинника именем Эйрик, в которого при нём, при Видге, попали три стрелы врага, да еще и мечом по груди задели; Видга был уверен, что Эйрик мёртв, пусть и отнесли его женщины, умирающего, в один из домов, где собирали раненых. А вот же он, и по-прежнему здоров и бодр!

«Точно, Алдаро помог! Да и щека у меня не болит. Ох неспроста это!»

Другим же было не до раздумий. В огромном квадрате у подножия холма были сложены вперемешку тела своих и врагов, брёвна, хворост. Страшная гора из дерева и человеческой плоти упорно не занималась, хоть и обильно полита была маслом из уцелевших запасов: земля и дерево сырье, да и тучи к вечеру сгостились, пошел дождь пополам со снегом.

Жители Вадхейма спустились вниз, к лесу, проститься со своими павшими и отдать дань уважения чужим, ибо и они были воинами, хоть и врагами, что напали внезапно и не пощадили бы никого. Десятки факелов полетели в сложенный костёр, но огонь словно не хотел делать свое дело.

И тут стоявший рядом со сложенным костром скорби Видга вдруг преклонил колено и обратился лицом на запад, где догорали в облаках последние отблески заката. К удивлению всех, его примеру последовал и конунг. Тогда же, один за другим, каждый из оставшихся в живых сделал то же. Что шептал Видга — не рассыпал никто, но, словно получив неведомый ответ, он поднялся:

— Отойдите все. Отойдите.

Он стал медленно отодвигаться от брёвен, и за ним, удивлённо перешёптываясь, пошли люди.

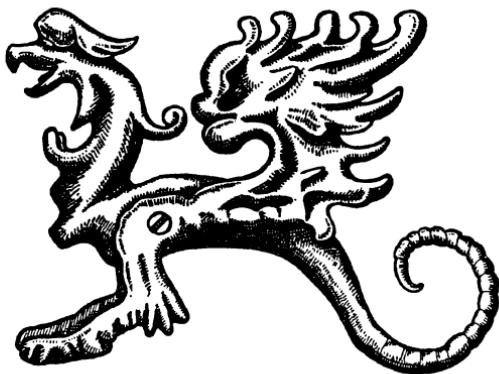

В погребальный костёр ударила молния. Сине-белый зигзаг появился ниоткуда, земля под ногами качнулась, налетевший порыв ветра раздул пламя, и огромный костёр предстал перед глазами вадхеймцев. Горело ясно, жарко, огонь пожирал тела и дерево с чудовищной быстротой — огонь бесшумный, яркий до рези в глазах, синеватый понизу и белый над брёвнами, — поднимался в горячий вихрь, вознёсшийся высоко над верхушками столетних елей. Густой, жирный дым рванулся черным столбом в нежданно прояснившиеся небеса, унося с собой частицы плоти тех, кто покинул ныне пределы Мидгарда, уйдя к Одину в Вальхаллу, чертог героев — эйнхериев. Каждый из погибших умер как должно — с мечом в руке. И не было сейчас разницы меж норвежцами и теми, кто пришел с юга. Пламя, зажжённое Силой с заката, стало для всех единой могилой, и лишь черный пепел, круживший в холодном воздухе, опускался на снег и лёд, пятная чернотой смерти тающий зимний покров вадхеймского холма...

К утру сторело все. На черном пятне, оставшемся после погребального костра, осталась одна только зора, и ничего больше.

Помощь Сил не оставляла Вадхейм.

5. ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР

астал апрель.

Всего лишь две недели минули с датского нашествия на Вадхейм, и отголоски тех дней, когда в небольшом поселении на юге Скандинавии произошли страшные и необычайные события, были, конечно же, живы в сердцах и умах его обитателей.

Начать с того, что отец Целестин, отойдя от пережитого то с помощью молитв, то (не менее часто и усердно) — с помощью пива и сохранив верность своим принципам (в данном случае — неукоснительно вести летопись), вновь провёл поголовную перепись населения Вадхейма. Правда, люди, многие из которых потеряли родных, лишились домов и пускай скучного да нехитрого, но все-таки своего скарба, зачастую попросту отмахивались от назойливого толстяка, носившегося по Вадхейму с энергией, растущей вместе с его животом и аппетитом. Лица многих омрачались, когда монах с привешенной там, где у нормальных людей бывает талия, объёмистой перга-

ментной книжицей и пером, состроив умную рожу, выспрашивал о том, кто погиб в семье, да сколько годов от роду ему было, да кого ранило, да каким образом поправился. Будто другого дела найти себе не мог!

Хоть за это время отец Целестин и выслушал о себе столько, что хватило бы лет на десять вперед самой беспутной жизни, сведения в его хронике собрались более чем любопытные. К слову, Видга да Сигню-Мария помогали монаху, когда у них выдавалось время.

Истинно же в книге монаха было записано так: «...всего почивших же от ран смертельных и иных увечий, что оружием датчан причинены были, а кроме того, от ожогов и придавления брёвнами от жилищ развалившихся, было сто сорок шесть. Из оных воинов шестьдесят, и еще жен сорок три, да старцев с детьми малыми двадцать один, и рабов-трэлей два десятка и еще двое. Раненых мечами да стрелами и копьями увечных пришлось четыреста сорок три, в день марта восемнадцатый и в ночь последующую. Приношу в том свое свидетельство, что все четыре сотни да еще сорок три человека чудесным образом в описываемую ночь исцелены были от немощей своих и стали здоровы, как и прежде. Раны же затянулись бесследно, кости срослись на диво скоро, и да будет благословен тот, кто свершил сие чудо, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. На сём и заканчиваю я описание сколь чудесного, столь и таинственного пришествия в Вадхейм архангела неведомого, что, по моему разумению, от лика высших ангелов Господних происходит. Записал смиренный служитель Господа Бога нашего Иисуса Христа и Святой Апостольской Римской Церк-

ви, недостойный брат Целестин из обители святого Элеутерия, временно проживающей в поселении норманнов, именуемом оными Вадхейм, в лето 851 по пришествию Спасителя».

В общем, все занимались своими делами — викинги и бонды отстраивали новые, взамен сгоревших, жилища да просматривали и конопатили араккары — весна на дворе как-никак, в море пора; монах посвящал все свое время музам философии и истории (то есть, по общему мнению, сибаритствовал и пьянистировал), чем и не преминул воспользоваться пакостник годи. Имя годи, кстати, было Ульф, но вспоминали об этом настолько редко, что он и сам забыл, как его кличут.

Ну и вот, сей Ульф просидел, дрожа от страха, в своем капище три дня, ни меча, ни лука в руки не взял, а как вылез на свет Божий да узнал о произошедшем, начал действовать в лучших своих традициях, сиречь лицемерно и вредно. Тряся посохом и бородёнкой, жрец шнырял по всему Вадхейму, и там, где ему удавалось сбратить более трёх человек, тут же начинал проповедовать. Суть его речей, напыщенных и многословных, сводилась к следующему: Поселок был спасён от огня и меча, а жители его от поголовного поругания исключительно по воле Асов, а прибыть лично на место событий изволил не кто иной, как Тор-громовержец, и поразил всех данов до единого своим молотом Мьёлльниром.

Мало кто задумывался, конечно, как это могли даны «предать поруганию» всех, ибо с их стороны это выглядело бы просто неприлично, ну а выяснить у годи, где он сам провёл ту самую ночь и что тогда делал, никто не хотел — зачем выслушивать очередную пор-

цию вранья. Сам Ульф чванно заявлял, что провёл все время в мольбах Одину, совершенно не желая распространяться о том, что, пока он находился в своей пещере сначала от стрел датчан, а затем от явления Великого Духа, приключилась у него с перепугу медвежья болезнь, и теперь в капище мог войти только человек с сильным насморком или крепкими нервами — за четырнадцать дней несносное зловоние так и не выветрилось...

Естественно, что отец Целестин в свою очередь предпринял контрмеры: потрясая Евангелием и животом, он вёл душеспасительные беседы, долгие и занудные, даже перед одним-двумя слушателями, а после того, как Торир, наведавшись в святилище по какому-то делу и покатываясь со смеху, рассказал монаху, почему годи туда никого не пускает, святой отец немедленно растрепал об этом по всему Вадхейму.

В отместку окончательно взъярившийся от эдакой нагости и неуважения жрец публично потребовал человеческого жертвоприношения своим богам, и в очередной раз проклял отца Целестина, обвинив его во лжи.

Отвратительный выпад Ульфа в свою очередь тоже вывел обычно мирного монаха из себя, и солнечным апрельским днём при большом стечении народа (около сотни присутствовало, да конунг с семейством пришел) оба предстоятеля конфессий в течение двух часов орали друг на друга, понося на чем свет стоит все, что им не нравилось как в идеологии оппонента, так и в его внешности и личных качествах. Несмотря на меткость и язвительность годьего языка — этого у него не отнимешь, — отец Целестин смог склонить на

свою сторону подавляющее большинство присутствующих и Торира тоже, особенно после слов о том, что и так потери в людях большие и работать некому, а этот безумец, мол, хочет еще кого-нибудь загубить! Не для того ведь архангел даже рабов исцелил, чтобы их потом самим убивать!

— Фарисей! — прошипел охрипший от ругани годи, пытаясь хоть как-нибудь еще уязвить отца Целестина и видя, что бой почти проигран.

— На себя посмотри! — рявкнул в ответ монах.
— Идолопоклонник! — И подумал про себя: «Надо же, какое слово выучил, и не поленился ведь!»

— Мракобес!

— От мракобеса слышу!!

— У-у, порождение Хель! — Ульф, с красной от злости рожей, кинулся на отца Целестина с кулаками, и опять вышла бы вульгарная драка меж духовными пастырями, но их разняли, и серьезных телесных повреждений никому причинено не было. Жрец, благоухая въевшимися в одежду ароматами своего жилища, отправился, посрамленный, к себе в пещеру, обидевшись на весь мир. Монах же целый день ходил гоголем и неустанно проповедовал. К вечеру — благо пива испил он преизрядно (почти в каждом доме подносили) — отец Целестин перешел на псалмы, кои распевал приятным баритоном. Последний кувшин свалил его с ног возле дома, где жил стурман Халльвард, — тот вышел зачем-то на улицу, и весьма кстати, ибо в полутьме наступил на храпящего монаха, вольготно развалившегося в глубокой и на редкость грязной луже. Зная, что ночи еще холодные, и проявив несвойственное

норманнам милосердие, Халльвард вкупе с шестью кликнутыми дружинниками дотащил святого отца до его дома.

Надо сказать, что семерым здоровенным мужикам пришлось изрядно попотеть — Халльвард только ругался непристойно, отдуваясь от этакой тяжести.

Стирать изгаженную рясу на другой день пришлось, конечно, Сигню.

Когда все было постирано, вымыто, приведено в порядок («все» — включая и отца Целестина), Сигню-Мария, читавшая ему длинную и совершенно справедливую нотацию о вреде алкоголя и христианской точке зрения на сей грех, отворила дверь на стук. Пришли Видга с Ториром.

— Как здоровье? — ехидно осведомился конунг, наслышанный уже о последних подвигах монаха.

— Спасибо, милостью Божией, — кивнул отец Целестин на початый кувшин с пивом, коим уже успел полечить головную боль. — Что-то случилось, Торир? Отчего вы здесь?

Вместо ответа конунг выставил на стол, под неодобрительными взглядами Сигню, огромный жбан с пивом, принесённый с собой, и отец Целестин понял, что разговор предстоит долгий. И похоже, по делу.

Сигню накрыла на стол — к пиву добавились кружки, копчёная рыба да жареное мясо, — а сама, стараясь не привлекать внимание, села в уголок. Однако выгонять ее никто и не собирался. После того, что Сигню сделала для Вадхайма, после того, как пробралась обратно в Поселок через вражеский лагерь, чудом будучи не замеченной, перелезла высоченную ограду,

вернувшись целой и невредимой и принеся надежду на помощь, — даже Торир, не питавший иллюзий по поводу женского воинского умения, не посмел бы ей и слова сказать.

— Буду собирать тинг. Скоро... — начал Торир. В доме было натоплено, и конунг, отстегнув фибулу, сбросил плащ, оставшись в своей любимой куртке на меху. — Решать надо, куда корабли направим...

— Как куда? — всполошился отец Целестин. — Ты чего, конунг? На запад плыть надо!

— Да знаю. Только вот есть-то следующей зимой тоже надо. Да людей здесь оставить, глядишь, даны мстить удумают. Вот что мы с Видгой решили: два корабля в Гардарики отправим, да пусть еще в Хедебю и Бирку заглянут, — может, Халльвард людей в дружину наберёт. Народу-то вон сколько полегло. Каких — мне все равно: словин, франк или германец, лишь бы воин хороший, и пусть с нами живёт. И жильё будет, и жена, и рабы... Ну да это пусть Халльвард думает, у него своя голова на плечах.

— И что, опять откладываем? Или ты слова Хельги забыл, что Дверь та закрывается? Или Гладсхейм тебе не говорил про то же? — Монах словно и забыл, что желал себе спокойной старости, и снова без оглядки готов был пуститься в неизвестные странствия.

— Знаю я все, — поморщился Торир. — На Морем драккаре пойдём. Одним кораблём справимся. На такое дело много народа не нужно. Самых лучших выберу. Только вот плыть-то куда? Ну до Исландии доберёмся, запас воды пополним, а дальше куда?

— Дальше? — задумался отец Целестин.

— На запад опять же. Ведь Гладсхейм ясно говорил — земля там есть. Будем искать.

— Датский корабль надо взять, — предложил Видга. — Он вместительнее наших будет, да борта повыше. Лошадей с собой можно будет везти...

Девятнадцать кораблей данов, что стояли у океанского берега, как потом выяснилось, почти все оказались сожжёнными — не тронутых огнем осталось всего два. Там же посланные Ториром люди нашли полтора десятков трупов, да к югу от фьорда, где тоже даны пристали, столько же. Никого Владыка Алдаро не пощадил, да и корабли, похоже, от молний загорелись. Каким образом два кругобоких, многовесельных, немного похожих на норманнские судна уцелели — было совсем не понятно. Когда к апрелю лёд во фьорде истончился и начал сходить, дружинники привели оба корабля к Вадхейму. Оказалось, что они совсем новые, позапрошлогодней постройки, — богатый трофей. Вот один из них Торир и собирался использовать для похода через океан, к неизвестной земле.

— Лошади-то нам на что? — удивился отец Целестин. — Элдар вроде говорили, что Дверь та самая почти у берега!

— А когда в неё войдём, то что? Сколько там идти, ты знаешь? Или элдар ошибаются и она далеко от океана?

Возразить тут было нечего. Потом еще долго спорили, кого с собой брать, да говорить ли воинам и стурманам, зачем конунг идёт на запад, и когда выходить. Порешили вот что. Медлить с отплытием никак нельзя, если есть желание вернуться к следую-

щей зиме. Тинг Торир собирает послезавтра и объявит там о своем решении — конунг направляется на запад на новом корабле, Халльвард на двух драккарах — в Гардарики, да часть аружинников под водительством родича конунга, Хемминга, останется в Норвегии — охранять от возможного нового нападения.

Уже когда конунг, отец Целестин и Видга закончили разговор и опустошили до конца вместительный жбан, вдруг поднялась Сигню:

— А я? Меня с собой, что, не возьмете?

— Ну-у... — замялся Торир. — Сидела бы ты здесь, а? Да и что тебе с нами делать? А ну как сгинем?

— Нет, Торир, возьмем ее, — неожиданно вступил отец Целестин. — Или ты забыл, что Сигню для всех нас сделала? К тому же знает она всю эту историю...

— Ладно, пускай так будет, — согласился конунг.

— Хоть и нечего девкам в походы ходить. Это кто ж такое раньше видел... Тьфу! — И он, нагнувшись, вышел из домика монаха наружу. Все заговорщики отправились за ним вниз, к берегу, где на тихих волнах покачивались датские суда.

Собственные драккары Торира еще на воду не спустили — все пять кораблей покоились на берегу, на рамах из бревен, у самой кромки воды. Десятка три мужчин приводили их в порядок, забивая щели паклей и меняя прохудившиеся доски. Тут же булькал громадный чан со смолой, толстым слоем которой покрывали подновленные днища драккаров. Суетились черпавшие смолу трэли, встретившие конунга и пришедших с ним угрюмыми взглядами.

Датские суда были отдаленно похожи на

норманнские драккары, но были куда как вместительнее. Это были типичные кнорры, с относительно плоским днищем и изогнутыми под углом бортами, — при отливе они плотно вставали на дно, а прилив же поднимал ладьи и позволял продолжать плавание. Килевые драккары викингов, хоть и уступали кноррам по вместимости и возможности нести большой груз, все же были гораздо маневреннее и стремительнее, но Торир, зная, что поход предстоит долгий, выбрал именно датский корабль, пусть и гребцов-воинов на него требовалось меньше, да и неповоротлив он был. С собой ведь взять надо продовольствия и воды на четыре десятка человек, да еще оружие, золото, лошади, ну и, наконец, нельзя не учитывать такой груз, как отец Целестин...

Спрыгнув с прибрежного камня в ледяную воду, Торир и Видга забрались вначале на один корабль, полностью его обследовали, затем перепрыгнули на другой и тоже буквально обнюхали его сверху донизу. Выяснилось, что второе судно более пригодно: мачта крепилась непосредственно к мидель-шпангоуту, да и для связи между поясами обшивки и шпангоутами были использованы железные заклёпки. Также выяснилось, что для уплотнения швов между досками датчане употребили шнур, скрученный в три нитки из коровьего волоса. По-просту говоря, этот датский кнорр как нельзя более подходил для дальнего путешествия, и выбор остановили именно на нём.

Отец Целестин, критически осмотрев с берега прямой парус кнорра, отдал распоряжение немедленно снять его, вымыть в морской воде и расстелить на берегу. Мокрый по уши после вынужденного купа-

ния в холодных водах фьорда (такой роскоши, как пристань, в Вадхейме не было), Торир кивком подтвердил приказ монаха, и несколько рабов-франков кинулись его исполнять. Конунг с племянником отправились домой, а святой отец вместе с Сигнио пошли за кувшинами с краской, что еще от времён плавания с ярлом Эльгаром остались.

Остаток дня и весь день следующий отец Целестин ползал на коленях по белому полотнищу, весь перемазанный синей краской. Используя свои богатые познания в мудрой науке геометрии и в изобразительном ремесле, он выписывал на грубой парусине восьмиконечную сине-голубую звезду, а в центре ее — всадника на белом коне, чем-то напоминающего святого Георгия. Разве что по канону святой поражал дракона, а на произведении отца Целестина воин был синей молнией в датчанина в рогатом шлеме, больше напоминавшего воплощение мирового зла, ибо что ни говори, а у данов не росли клыки и не было копыт и хвоста. Как бы то ни было, Торир оценил сей шедевр, а потому как уже не первый год его драккар был украшен синей звездой, согласился поднять над новым кораблём такой парус. Даже несмотря на то, что в одной руке всадник держал христианский крест, а на груди его красовалась надпись: *«In manus tuo, Domini»* — девиз, коего отец Целестин придерживался с юности. Видга, а тем паче Сигнио-Мария вообще не возражали. Вдохновлённый их молчаливым одобрением, отец Целестин решился на подвиг: забравшись по пояс в ледяные весенние воды фьорда, он вывел на корме название судна, показавшееся ему наиболее удачным из всех, что пришли на

ум: «Звезда Запада». Сие гордое имя красовалось теперь на тёмных досках бывшего датского, а ныне норвежского кнорра, изображённое по-латыни и на норманнском, латинскими буквами и рунами.

* * *

Торир, как и обещал, созвал тинг. Собрались все. Дружина, изрядно поредевшая после нашествия данов; все стурманы — либо отличившиеся во многих боях, либо родственники конунга, даже годи приковылял. Ульф явился и сидел в одиночестве — невыветрившийся запах отпугивал, да и авторитет жреца, и без того невеликий, упал донельзя. Зато отец Целестин восседал рядом с конунгом и его наследником и глядел на языческое сборище свысока. Он уже знал, кого Торир возьмет с собой, кто из дружины будет рядом со своим конунгом во всех опасностях, которые предвещало плавание к неизведанным землям.

Утром к дому конунга стали сходиться люди. Тинг — общий совет дружины и рода — решал многое, хоть и последнее слово оставалось всегда за конунгом. Старейшины и военные вожди всех четырёх родов, над которыми водительствовал Торир, стали особо — не чёта они простым хирдманнам. Остальные же расположились на только пробившейся траве возле дома и на склонах холма Вадхейм. Женщин не было: на тинг могли прийти только те, кто имел право держать в руках оружие.

Наконец вышел Торир, и, как всегда, вместе с конунгом был Видга. Отец Целестин, явившийся

раньше всех, хоть и мучило его с утра тяжелое похмелье (давало себя знать празднество, устроенное по случаю окончания росписи паруса «Звезды Запада»), был приглашён устроиться на бревне рядом с конунгом, который, щурясь от яркого весеннего солнца, обвёл взглядом свое воинство и, подняв руку, вышел вперед.

— Не буду говорить долго, — начал он. — Не мне вам объяснять, что Вадхейм, все вы, жёны и дети ваши, и все, что имеете, уцелело чудом. Великий бог внял нашим мольбам и избавил от гибели. Все вы слышали его слова: «Помните об этом дне и искупите мою вину перед Эру и Стихиями». Нам помогли, и теперь черёд людей Вадхейма отблагодарить богов за содеянное чудо...

По собравшейся толпе пробежал глухой гул, а затем послышались крики:

— Как, Торир? Какие жертвы надо принести богам?

— Говори, конунг, что нужно богу, приходившему к нам?

— Жертв не нужно! — возвысил голос Торир. — Я собираюсь в этот год плыть на запад, к землям Великих Сил, чтобы отблагодарить их и получить то, что по праву принадлежит как мне, так и всем нам! Никому, кто пойдёт со мной, я не обещаю золота или иной добычи — скажу только, что поход будет труден и многие могут не вернуться. Но когда вы, воины Вадхейма, чьи мечи сверкали у многих берегов, боялись опасностей?! Когда отступали перед ними?! И пусть кричат франки и германцы, что викинги бесчестны и не знают благодарности, — все мы знаем, что это не так. Я сам, как ваш конунг, отправляюсь к богам и буду просить их о

прощении для того, кто спас всех нас! Преклоню колена перед их тронами, дабы даровали боги — будь то Силы Асгарда или иные — нам свою благость и силу. Не стоит бояться: если бы они не благоволили к нам, то сейчас Вадхейм лежал бы в развалинах и вороны терзали бы наши трупы... Кто пойдёт со мной, на запад?!

Вся дружина в ответ разразилась дружным рёвом. В поднятых руках заблестели мечи и топоры. Многие били оружием в щиты и возглашали:

— Конунг, мы с тобой!

— На запад!

— Пусть тебе поможет Один, Торир!

Тот подождал, пока стихнет шум, и заговорил снова:

— Я возьму с собой четыре десятка. Другие пойдут с Халльвардом в Гардарики, и еще часть останется здесь. Ты, Олаф, ты, Эйрик, ты, Хродгар, отойдите в сторону. Теперь еще ты, Скулди...

Долго еще Торир выискивал среди дружинников тех, кого хотел видеть в своем отряде. Солнце уже значительно склонилось к закату, когда все сорок человек были отобраны — самые опытные и сильные, насквозь просоленные морем и участвовавшие во многих боях воины. На взгляд отца Целестина, конунг отобрал наиболее отъявленных головорезов — с такими четырьмя десятками можно даже на Рим идти!. Этим людям не страшны ни мечи, ни океан, ни гнев Божий.

Никто не поднял голоса против конунга. Все воеводы согласились с его решением, не говоря уж о простых дружинниках — каждый был бы счастлив провождать Торира. Тинг же продолжался до ве-

чера. Хемминг и Халльвард подбирали свои отряды, потом долго препирались, решая весьма важный вопрос, кто же будет властвовать над Вадхеймом, если конунг и его наследник не вернутся к зиме, а тем паче — вообще не вернутся. Выбрали Хемминга, норманна громадного роста и великой силы, — как ближайшего родича Торира. Отец Целестин с этим вполне согласился, хотя его мнения и не спрашивали: Хемминг хоть и зверовиден, но мужик непростой и с головой. Одно плохо — язычник беспросветный, да еще Ульфа у себя привечает, даром что зловредный годи потерял всю репутацию в глазах конунга и большинства вадхеймцев.

Монах дальше оставаться не стал. И, поднявшись с бревна, пошел к себе домой — с этим тингом, где все было решено заранее, обед пропустил, и в животе урчало так, что собаки прислушивались. Да и самое главное — выходим в море через седмицу, и прямиком в Исландию, а там видно будет, что, куда и как.

По пути отец Целестин встретил жену Халльварда Сигурни, приёмную мать Сигню-Марии, и сразу же ошарашил бедную женщину известием, что Сигню тоже отправляется в поход вместе с ним и конунгом. Морщась, он выслушал несколько теплых словечек в свой адрес: «Подбил девку на непотребство! Это где ж кто такое позорище видывал: девица, да с четырьмя десятками мужчин, — в поход!» Потом отец Целестин долго улещивал Сигурни обещаниями, что с ее дочкой никакой беды не случится — за ней Торир, да он, отец Целестин, присматривать будут, — никто Сигню и пальцем не тронет. Все было бесполезно, и Сигурни, оставшись при своем мнении, раскрасневшись от

праведного гнева, отправилась жаловаться на монаха мужу, что спускался вниз по склону вместе с несколькими дружинниками, ибо тинг наконец-то закончился. Халльвард, правда, лишь руками развёл: мол, конунг Торир Харальдссон так решил и не нам с него ответ спрашивать. Отец Целестин их дальнейшую перебранку слушать не захотел и поспешил к себе. Ох эти женщины — дьяволицы в юбках... Связывайся с ними! И как только мужья этих стервоз терпят? Тут поблагодаришь Господа за то, что устав монастырский строг — не даёт обет безбрачия душу погубить.

Позади же раздавался хохот хирдманнов, с интересом наблюдавших за выволочкой, которую Сигурни устроила своему благоверному. И какой болван сказал, что женщины Севера не столь темпераментны? Ишь разошлась — от итальянки такой отборной браны не услышишь! Тоже мне, сдержанные норманы... Монах принял горделивую осанку, насколько позволял его живот, чинно прошествовал до своего дома и захлопнул за собой дверь.

После обильного ужина и вечерней молитвы отец Целестин устроился на ложе и, запалив лучину, решил почтать на ночь что-нибудь душеспасительное. Таковое нашлось быстро, и монах погрузился в изучение жития святого Бенедикта Нурсийского, кое, правда, и без того знал наизусть. В том же томе обнаружились и другие, не менее интересные вещи, в их числе и красочное описание деяний Папы Льва I Великого, что четыреста лет назад умолил святых апостолов Петра и Павла спуститься с небес и остановить орды Аттилы, подошедшие к Риму. Непонятно, правда, как из-

вестные своим злонравием гунны все же послушались апостолов и отправились в освояси, — им-то, гнусным язычникам, на христианских святых было явно наплевать. Но факт остаётся фактом.

Захлебываясь от восторга, отец Целестин прочёл историю знаменитого Стилихона — римского полководца и вандала по происхождению. И в былые годы монах интересовался сей незаурядной личностью, ибо Стилихон был одним из самых выдающихся, по его мнению, деятелей поздней Империи, но полные и, как кажется, правдивые сведения о его жизни попали в руки святого отца впервые. Монах листал толстый фолиант и перед его глазами, как наяву, вставали неисчислимые орды еще более злонравных, чем гунны, готов, разоряющих западные земли Великого Рима, громом отдавались звуки давно забытых сражений... Отец Целестин, щурясь от недостатка света, разбирал оплывшие кое-где строки и будто сам присутствовал в императорском дворце, возле трона этого говнюка Гонория, отдавшего христианский Рим со всеми его богатствами Алариху, видел, как покорные воле Цезаря легионеры схватили Стилихона прямо во храме Божием, оттолкнув вступившегося за человека, который мог бы спасти Империю, епископа.

— Кошмар какой-то! — едва не сплюнул прямо на пол монах. Ему было совершенно непонятно, отчего Стилихон, прия в церковь и прося защиты у Господа, так и не получил Его заступничество и был обречён по навету завистников и недругов на смерть? Почему не сообразил он прирезать Гонория и взять сам скипетр Цезарей? Ведь тогда и Вечный Город спас бы от

разграбления да ига готского, и, глядишь, в свя-
тые бы вышел! Святая Мать-Церковь не забыла
бы человека, который не отдал град апостоль-
ский поганым готам-арианам на поругание! От-
чего Отец Небесный не оградил верного слугу
своего мечом огненным? Разве Господу Богу надо
было Рим разорять? И дураку ясно, что нет...

От благочестивых мыслей монаха отвлекло то,
что неведомо откуда взявшийся сквозняк притушил лу-
чину. Вот дьявол, прости Господи, надо вставать и снова
угольком из очага ее растапливать! Дверь, что ли, не-
плотно прикрыта? Да и ветра снаружи вроде не слы-
хать...

Едва привстал на ложе, отец Целестин замер.
Воздух в доме стал нагреваться и словно бы дрожать, и
тут же появился свет — знакомое золотистое сияние.
Монах едва успел осенить себя крестным знамением и
прощептать первые слова *Credo*, как в голове его поя-
вился уже слышанный ранее голос:

— Приветствуя тебя. Ты все еще боишься?

На любимом кресле отца Целестина, закинув
ногу на ногу, восседал не кто иной, как Гладсхейм, и в
упор смотрел на монаха своими синими глазами.

«Надо же, и сюда припёрся!» — подумал монах,
видя перед собой полуопрозрачную тень лесного духа.

— Здравствуй. Зачем ты потревожил меня? —
прохрипел отец Целестин, еще не прия в себя от изум-
ления.

— Благодарности от смертных людей мы дав-
но уже не ждём, — тихий голос элдар был бесстрастен.
Никаких чувств. — А между прочим, ты и конунг по-
слали девочку именно к нам, когда оказались в

беде. Ты, человек, не знаешь, сколько усилий пришлось нам приложить, чтобы испросить для вас заступничество. Но сейчас речь идёт не об этом...

— Да, конечно. Прости меня, Гладсхейм.

— К монаху вернулась способность хоть как-то соображать. — Мы все очень благодарны вам и...

— Не спеши. Я пришел поговорить об ином. Мне надоально задать тебе важный вопрос и получить ответ и еще дать совет. Вы решили идти к землям богов, вернее, не к ним, а к Двери, ведущей в Мидденгард. Вы ничего не ведаете о том, что ищете и где находится сие место. Не знаете, с чем придётся столкнуться в пути. Вы хотите вначале остановиться у острова в океане, до которого десять дней морского пути?

— Если ты говоришь об Исландии, то да.

— Эта земля носит у нас другое имя. Когда-то именно там обитал Моринготто, бог-великан, о котором ты слышал. Море исторгло из себя эти земли, ибо воды его не потерпели в своих глубинах то, на чем лежит древняя скверна.

— Чего-чего? — не понял отец Целестин.

— Тебе должно быть ведомо, что много тысяч лет земли Черного Врага лежали на дне, а потом духи морей подняли их обратно на поверхность. Там до сих пор обитают его порождения, правда редко выходя на свет. Вы собираетесь что-то искать на северном острове?

— Ну-у... Хельги говорил, что там есть часть ответов на все эти тайны. Наверное, Торир задержится там на несколько дней.

— *Мой тебе совет, — Гладсхейм чутъ по-
высил голос, — не щите там ничего. Не ходите
к туманным пустошам. Не заглядывайте в пе-
щеры. Пропадёте. Там действительно есть
прямые ходы в жуткий подземный мир, что не-
когда был подземельями великой крепости Вра-
га. То, с чем вы можете столкнуться, необоримо без
того, что люди именуют волшбой.*

— А как же там люди живут? — усомнился отец Целестин. — Ведь давно живут, и поселения в Исландии есть, и ничего?

— *У них хватает разумения не забираться туда, куда не следует. А порождения Тьмы почти никогда не выходят на поверхность. Хочешь сам погибнуть и других погубить — иди в пещеры. Только не забудь сначала проститься с солнцем и молитв Силы и Единого, чтобы смерть была быстрой.*

— Ладно. — Монаха от столь жутких рассказней передернуло. — Ты лучше скажи, после Исландии что? Как Дверь искать?

— *Мы сказали о ваших планах кое-кому. Вам помогут, — последовал загадочный ответ. — И не спрашивай слишком многоего. Все, что будет нужно, — узнаешь. И еще. Мы помогли вам, теперь очередь людей ответить нам тем же. То, что открывает проход между нашим Миром и Срединной землей, по праву принадлежит роду Элендила, но если вы вернётесь или привезёте эту вещь сюда, то... — Голос утих, словно Гладсхейм решался, говорить человеку или нет о своей просьбе.*

— То что? Если в моих силах и власти дать вам то, о чем просите, я сделаю это, — грянул с порога голос Видги. Как молодой норманн вошел незамечен-

ным ни элдар, ни отцом Целестином и отчего услышал речь Гладсхайма, что была беззвучна, монах не понял. Ясно было одно: в Видге вновь ожила Сила — у двери находился вовсе не поджарый восемнадцатилетний парень...

Гладсхайм ничуть не изменился в лице и остался сидеть как сидел, ну а отец Целестин аж на стenu едва не полез со страха.

Там, где должен был стоять человек, высилась суровая тень. Не полупрозрачная, как Гладсхайм, но тёмная высокая фигура, окутанная золотым нимбом, со сверкающими, как два бриллианта на солнце, глазами. Свет был куда сильнее, чем сияние, исходившее от элдар, — весь дом словно преобразился, превратившись в янтарные хоромы Морского Владыки Ньёрда; сильные, но не обжигающие волны жара ударились в онемевшего монаха.

«Господи, спаси и сохрани! Per Christum, et cum Christo, et in Christo tibi Deo...»⁶

Но похоже, Видга сумел подавить в себе выплеснувшуюся на поверхность Силу и спустя несколько мгновений снова стал тем, кем был всегда.

— Спасибо, — ударил в голове монаха голос Гладсхайма, обращённый к Видге. — Не все из нашего народа хотят остаться в Мире Изначальном, он опостылел им. Возможность уйти туда, где все еще обретаются наши родичи, только одна — если ты привезёшь с Запада то, что ищешь, и откроешь нам Двери Миров.

— Ты хочешь уйти, Гладсхайм? — удивился Видга.

— Я — нет. Я останусь здесь навсегда. Но не все элдар принадлежат к роду, из коего происхожу я.

Те, что из двух других колен нашего народа остались здесь, поныне помнят о величии и благости Сил и хотят вернуться в их обитель. Без тебя это сделать невозможно. Посему и просим мы духов Мира Мидгард помочь вам в пути. Но не полагайтесь только на них...

Гладсхейм вдруг растаял, словно ветром его сдуло. Ни тебе «до свиданья», ни объяснений, ничего. Исчез — и все тут.

— Ты чего в такую поздноту притащился? — бросил в возникшую темноту отец Целестин, прислушиваясь к оханью Видги и раздавшемуся грохоту. Поздний гость своротил на пути к очагу с тлеющими под золой углами подставку для книг. — Или звали тебя?

Воспитанник раздул угольки и зажёг лучину, ткнув ее в щель меж брёвнами.

— Почувствовал, что он тут, — последовал несколько запоздалый ответ. — Вот и прибежал. Что тебе Гладсхейм еще говорил?

— Уж не так и много. Вечно элдар недоговаривают... — И монах коротко поведал о словах лесного духа, касаемых Исландии. Видга внимательно выслушал и поднялся:

— Придётся Ториру рассказать. Пойду я, что ли, а?

— Иди спи, — буркнул отец Целестин. — Только лучину-то в поставец сунь. Не ровен час, дом спалишь.

Видга выполнил требуемое и ушел, оставив святого отца одного. Теперь монаху было над чем поразмыслить. История Рима и жития святых стали казаться отцу Целестину не заслуживающей внимания

ерундой в сравнении с рассказом элдар, полным тайн и недомолвок.

«Ну ничего себе! Прямые ходы в подземный мир! Это уж не в ад ли? Дела-а...»

А над Вадхеймом плыли в черноте ночных неба звезды, и ярче всех сияла огненная точка, висевшая на западе, над великим океаном, в чьих глубинах покоился Аталгард и за водами которого скрывалась одна из самых великих тайн, что уже не одно тысячелетие скрыта от взора людей.

* * *

Скандинавы всегда были легки на подъём, ну а сейчас терять драгоценные дни и вовсе резона не было. На третий день после тинга плеснула вода под веслами двух ладей. Халльвард, нагрузив драккары золотом из необъятных, награбленных за много лет запасов, отправился на восток торговать. Торир же, решив подготовиться поосновательнее, дал своим еще два дня на сбороны, потому как с собой надо было взять многое.

Самым трудным оказалось затащить на корабль шестерых лошадок из числа тех, что были привезены датчанами. Небольшие, но невероятно выносливые косматые коньки тёмно-буровой масти, похоже, были привычны к морским путешествиям, однако вся незадача состояла в том, что обычно лошадок заводили на судно с деревянного причала. Таковым удобством Вадхейм похвастаться не мог, и пришлось спешно сколачивать из досок мостки. Но едва первая лошадь, поддержанная за узду кем-то из хирдманнов, ступила на шаткий, качающийся мостик, как из кроткой и

послушной животины тут же превратилась в разъярённую фурию. Яростно брыкаясь, лошадь сбросила в воду всех, кто пытался ее утихомирить. Наконец она тоже свалилась в залив и с жалобным ржанием поплыла к берегу. И оставшиеся пять коньков заупрямились: не обращая внимания ни на ругань, ни на пинки и толчки, животные, приседая на задние ноги, пятились от берега. Ни сила, ни уговоры на помогали. Торир, совсем взопрев, решил попросту как следует связать поганцев и на руках загрузить на кнорр — и так уж почти полдня провозились. Либо надо делать мостки покрепче, что также займет времени преизрядно.

Отец Целестин бегал вокруг, кудахча как встревоженная курица, отдавал ценные указания (ничуть делу не помогавшие) и только вносил лишнюю сумятицу. Ему ужасно хотелось хоть чем-нибудь помочь, но монаха лишь вежливо (а иногда не слишком) отпихивали либо, когда он становился чрезмерно навязчив, посыпали куда подальше. Невзирая на то, что отец Целестин при всей своей толщине и кажущейся неповоротливости был весьма силён, никто из дружины Торира его как рабочую единицу всерьез не воспринимал.

Скептические настроения усилились, когда отец Целестин, неся по мосткам на борт кувшин с маслом из продовольственных запасов, поскользнулся и с истощенным воплем рухнул на доски, разбив глиняный сосуд. Правда, от падения в воду его удержала железная рука Снорри, одного из двух старших сыновей Халльварда, коих Торир взял в свою дружину. Вместе со своим братом Торгейром Снорри поднял святого отца на ноги, носком сапога спихнул в воду оставшиеся

от кувшина черепки и довольно настойчиво попросил монаха пока посидеть где-нибудь на камешке на берегу. А уж если так не терпится поглазеть на погрузку ладьи, то не мог бы почтенный жрец Бога Единого хотя бы не мешать прошим работать?

Мостки пришлось обильно посыпать песком с берега, ибо растёкшееся масло превратило их в подобие скользкой ледяной горки. Словом, монах вновь постарался на славу. Некоторое время он сдерживался, но, когда начались трудности с лошадками, вновь принял живое участие в общем деле.

Положение неожиданно спас Видга. Некоторое время он с интересом наблюдал за усмирением взбунтовавшихся животных, но едва Торир дал указание связать лошадей — остановил дядю:

— Дай я попробую. Силой тут не поможешь...

Торир мрачно посмотрел на него, однако же махнул рукой, и дружинники с верёвками отступились. Видга, перехватив взгляд отца Целестина, подмигнул ему и, взяв одной рукой одного из коньков за поводья, а другой погладив по голове, что-то прошептал в ухо дрожащей от возбуждения скотине, а потом тихонько потянул за узду. Лошадь спокойно пошла за ним, копыта стукнули по доскам помоста, а спустя минуту Видга с победной улыбкой спустился на берег. Трудностей как не бывало — он быстро отвёл всех коньков на корабль, не обращая внимания на удивлённые взгляды дяди и дружинников.

— Чего стоите? — прикрикнул на остальных Торир. — Тут с умом делать было надо, а не силою брать! А **ну сено грузите!** Или вашими бородами лошадей в море кормить будем?!

Конунг за последние дни выгреб со всех дворов Вадхейма для своих лошадей больше половины оставшихся с прошлой осени запасов сена, благо домашние козы уже могли пощипывать пробивающуюся на южных склонах холмов травку.

— Как это у тебя получилось? — налетел на Видгу отец Целестин. — Или опять не скажешь?

— А чего говорить-то? — Видга взъерошил левой рукой волосы, — как всегда, когда был смущён. — Ну элдар как-то подсказали, что зверьё меня слушать может, только... Ну, в общем, постараться нужно. Ты это Силой называешь. Вот я и попробовал. Ладно, пойду я, вон Торир зовёт. А ты отдохнуть иди. Отплываем завтра, как никак.

Конец дня отец Целестин посвятил молитвам и покаянию, прощаясь с мирным течением жизни последних лет. Как монах ни убеждал себя, что всего дороже для него покой телесный и душевный, но какой-то частью сознания он ощущал зов той половины самого себя, что находила отдых не в спокойном, размеренном бытии и не в добром еде или крепком вине. Эта часть души сейчас, как и многие годы доныне, гнала пятидцатилетнего монаха навстречу новым странствиям, к невиданным и неведомым землям да народам; гнала, наконец, к несколько жутковатой, но в то же время притягательной загадке истории беспокойного северного народа.

Да, сейчас воспоминания о приключениях молодости, чудесах восточных и южных стран, подернулись белой дымкой забвения, но зловредный червячок, грызший отца Целестина последние восемь лет,

снова заворачался с неслыханной силой. Ни разу за прошедшие годы монах не признавался себе, что его бродячая натура не изжилась, и, как он ни убеждал себя в том, что эра странствий ушла в прошлое, всякий раз, когда драккары скрывались в синеве океана, щемило у отца Целестина сердце и появлялось непреодолимое желание вновь почувствовать под ногами не твёрдую и надёжную землю, а шаткую палубу ладьи. Впрочем, желание это всегда безжалостно подавлялось... И вот завтра начнётся, видимо, самое главное приключение в его жизни.

Бродя в вполне обычный и понятный мир на деле оказался далеко не столь простым, и эпоха, в которую, как казалось, нет места чудесам, вместила в себя силы и существа, что не имели понятия о событиях восьмивековой давности в Иерусалиме, не слышали о падении Рима, Аттиле, Римских Папах, Меровингах и Карле Великом, но ведали о том, что происходило на земле десятки веков назад; в новой эпохе нашлось место и лесным духам, и древнему богу, и легендам, которые не сохранили никакие известные отцу Целестину народы...

За четверть века он повидал очень много странного и удивительного. Чудеса Востока, Индии и Африки до сих пор будоражили память и не поддавались никакому объяснению.

Чего только стоил мёртвый город в джунглях Индии, на который набрёл как-то караван? Это когда ж было-то? Э-э-э... Ну да, семнадцать лет назад, в 834 году. Вечером город был — дворцы, статуи и все прочее, — утром проснулись, а он как в воду канул. Куда, спра-

шивается, делся? Но в какое сравнение идёт подобная чепуха с тем, что творится не где-нибудь, а почти в центре христианской Европы?! Рассказать кому — высмеют как лжеца и сказочника.

Отец Целестин повздыхал, поднялся с колен и, последний раз прочитав коротенькую молитву, осенил себя крестом, неодобрительно посмотрев на распятие. Вот, спрашивается, что сейчас все святые делают, вместо того чтобы помочь? Нет чтобы знамение какое послать! Так нет же, изволь, отец Целестин, сам в этой каше разбираться, истины доискиваться. А ведь достаточно одного Твоего слова, как снизойдёт ангел небесный и все-все растолкует...

Решительно отогнав неблагочинные мысли, монах развязал дорожный мешок — проверить, все ли взято и не упущено ли что важное. Рубаха, плащ меховой, кинжал в ножнах, огниво с трутром, Евангелие опять же. Да, вот чернильницу с перьями положить надобно и пергаменту чистого, благо в каком-то бургундском монастыре Горировы сорвиголовы награбили его преизрядно да сюда привезли. В соответствии с заказом. Соль в мешочке, верёвки моток (пригодится, мало ли что), две рясы запасные, холщовые, луковым отваромкрашенные. Вот и все, кажется. К чему излишне нагружаться?

Да, кстати; а где же Сигню? Тьфу, прости Господи, Мария та есть? Уж сколько дней как не приходит, да и вообще со времени тинга не видать ее. За всей суматохой позабыл зайти к Сигурни да выведать, что с девчонкой. Упаси Бог, не заболела ли? Завтра с утра Видгу послать придётся.

Ну а теперь покушать и спать.

Запалив очаг, отец Целестин подогрел мясо, еще с утра поджаренное, полил жаркое красным вином для вкуса, нашел кусок зачерствевшего хлеба, плеснул в кубок подкисшего, но еще вполне приличного пива и, сунув в поставец лучинку, забрался на ложе. Ну вот что может быть лучше, чем потрапезничать, полулежа на медвежьей шкуре да почитывая на ночь что-нибудь душеспасительное? Неужто холодные и сырье ночи на прыгающем вверх-вниз по волнам корабле?

А что, вполне, может, и так.

Спустя час хибара отца Целестина огласилась громоподобным храпом хозяина. Снились ему на этот раз кошмары.

В самую глухую полночь дверь домика приоткрылась, и внутрь прошмыгнула смутная тень. Тёмная фигура вначале замерла у входа, потом уверенно стащила с кресла на пол меховое покрывало, расстелила вдоль ложа отца Целестина и улеглась. Вскоре к богатырским раскатам, извергаемым глоткой монаха, присоединилось лёгкое посапывание. Луна к тому времени совсем скрылась за горизонтом.

* * *

Едва рассвело, за отцом Целестином явился Видга. В дверной проём хлынул еще мутный утренний свет, и, пригнув голову, чтобы не стукнуться о низкую притолоку, Видга, полный решимости растолкать монаха по-быстрее, направился прямо к его постели. Тяжело споткнувшись о завёрнутое по макушку в песчевые шкуры тело ночного визитёра и звякнув кольчугой, на-

следник конунга совершенно нереспектабельно растянулся на полу.

— Ты чего? — На Видгу смотрели два рассерженных глаза, принадлежавшие Сигнию. — Под ноги смотреть надо! Ну поднимайся же!

— Что происходит, забери вас всех Люцифер? — раздался с лежбища святого отца его голос, больше похожий на стон умирающего. Опять разбудили в безбожную рану!

— Торир послал. Наши собираются уже. Давайте вставайте побыстрее.

Монаха так и подбросило. Рано не рано, а выспаться можно и на корабле. А сейчас главное — позавтракать. Вроде еще что-то с вечера осталось.

— Ты откуда? — Отец Целестин уставился на зевающую Сигнию-Марию, все еще сидевшую на полу. — И что это на тебе за одёжа такая, а? Или не знаешь, что Церковь запрещает женщинам носить мужское платье?

И вправду, на Сигнию была мужская рубаха, штаны и фуфайка из волчьего меха. Вдобавок у пояса висел нож, а длинная коса была запрятана под одежду.

Пока отец Целестин приводил себя в порядок, искал пропавший сапог, который вчера зашвырнул неизвестно куда, торопливо запихивал в рот остатки еды и допивал оставшееся пиво (чего добру пропадать?), Сигнию-Мария быстро рассказала, что произошло. Оказалось, что Сигурни, дабы воспрепятствовать планам отца Целестина и конунга забрать Сигнию с собой в поход, попросту заперла ее в доме, спрятала всю теплую одежду, да еще приставила трэля из особо доверенных — следить, чтобы не сбежала. Со стражем

оказалось справиться просто, ибо уроки отца Целестина не прошли даром: Сигню просто поддила в пиво немногого макового отвара и, пока тот спал, выбралась из дома через окно, прихватив одежду одного из своих сводных братьев — сыновей Халльварда. После чего и прорвалась в дом монаха.

— Ты это... — с набитым ртом сказал отец Целестин Видге. — Отфеди ее на ковабль, фтоп фкандалу не пыло. Я фокро...

— Пошли тогда, — вздохнул Видга. Ему затея Сигню тоже не очень нравилась. Но похоже, сию девицу ничто не остановит. — А ты поторопись, отец Целестин...

Едва стукнула дверь за ними, монах залил в рот последнюю кружку и, наскоро помолившись, схватил мешок. «Ну, вот и все. Похоже, не скоро я сюда вернусь... Хорошо, хоть старую Хильд попросил за домом присмотреть. Ну, с Богом!..»

Отец Целестин еще раз осмотрел свое пристанище. Все прибрано, все на месте. Книги на полках, распятие, очаг совсем остывший уже. Смахнув слезу, святой отец решительно ступил за порог и подпёр дверь колом.

Потом выпрямился, осенил свой дом крестом, забросил мешок за плечо и, переваливаясь, зашагал вниз, где на серо-голубых волнах фьорда красовался кругобокий knorr.

Когда он вышел на берег, то стало ясно, что ждут только его. Торир вовсю отдавал последние распоряжения, круглые щиты с многоцветными солнцеворотами, уже висели на бортах, дружинники ставили весла

в уключины, переругиваясь и отпуская шуточки по поводу отсутствия ветра, — и впрымь утро было на диво тихое. Еле слышно пофыркивали датские лошади, привязанные возле мачты.

— А, это ты! Поднимайся сюда! — Торир углядел монаха и махнул ему рукой. Конунг смотрелся по-боевому — кольчуга, поверх неё все та же меховая куртка, шлем островерхий. Бороду конунга в две косицы заплел, как и многие из дружины.

Монах протопал по сходням, бросив высоко-мерный взгляд на годы, припёршегося проводить Торира. Жрец аж позеленел от злости. Что-то ехидное углядел в его взгляде отец Целестин, но не придал значения.

Пробравшись на корму, к рулю, он разглядел сидевшую под кормовой палубой Сигнью. Сигурни уже давно явилась на берег, вовсю разыскивая непослушную падчерицу, и как Видга протащил девушку на кнорр, оставалось загадкой, разгадывать которую у монаха не было никакого желания. Не до того.

— Ну что же, Торир? — осведомился отец Целестин.

— Что, что! Тебя только и дожидались. Устраивайся где хочешь. Эй, Сморри, Сигурд! Сбрасывайте доски!

Мостик полетел вниз, и трэли вытащили его на берег. И тут же весла разом опустились в волны.

— С нами помочь Одина! Вадхейм!!! — крикнул Торир, и дружина ответила конунгу восторженным рёвом, от которого у отца Целестина заложило уши. Торир встал к рулю, и нос ладьи с лёгким плеском рассёк воду фьорда.

— Господи, спаси, сохрани и благослови,

во имя Отца, и Сына, и Духа Святого! — набожно прошептал монах, глядя на медленно удаляющийся берег. Холм Вадхейма — огромный купол, выросший из густых лесов — отодвигался все дальше и дальше, и вот уже ладью окружили с двух сторон отвесные скалы, возвышавшиеся будто две серо-коричневые стены. Свой домик отец Целестин разглядеть уже не мог.

— Тебе страшно? — спросил подошедший сзади Видга.

Монах вздрогнул:

— Нет. Такова воля Господа, и я пройду по этому пути. Вместе с тобой. И со всеми.

Кнорр обогнул островок у устья фьорда и вышел в океан. Качка сразу усилилась, появился ветер, и Торир распорядился спустить парус. Синяя звезда затрепетала, квадратная парусина хлопнула, и южный ветер ударили в расписанное полотнище. Бесла стали не нужны. Торир, взглянув на солнце, направил корабль на северо-запад.

Когда миновал полдень, берега Норвегии скрылись из виду.

Вокруг «Звезды Запада» лежал океан.

6. ГУННАР

Гервые три дня плавания прошли в смертной скуче. Пару раз на юге и западе появлялись чьи-то паруса, но как ни чесались руки у большей части дружины, Торир не стал гнаться за неизвестными кораблями, хоть и понимал, что ребятам хочется поразвлечься и погреметь мечами.

— Вынырнет кто у нас под носом, тогда и говорить будем, а сейчас чего время терять, — только и ответил конунг на настойчивые просьбы Снорри, углядевшего белое пятнышко на горизонте. — А сейчас даже не думай об этом. Не затем мы на запад пошли.

— Что, лищнее золото помешает? — только и пробурчал тот, недовольный отказом, прекрасно, однако, зная, что уж чего-чего, а золота на корабле предостаточно. Торир разорил свою личную сокровищницу, не слушая отчаянных увещеваний Саннгрид, советовавшей оставить хоть что-нибудь на черный день. Конунг взял с собой полный сундука, набитый монетами чеканки всех известных государств — от арабских ди-

нариев до полновесных марок Карла Великого. Что ни говори, а золото никогда карман не отянет. Тем более в таком-то предприятии.

Интересности, граничащие с чудесами, начались практически сразу после того, как «Звезда Запада» покинула берега центральной Норвегии. За все прошедшие дни сильный ровный ветер ни разу не ослабел, и за весла браться не приходилось. Парус не спадал ни днём ни ночью, и ежели все и дальше так пойдёт, рассуждал Торир, то берега Исландии появятся где-то через седмицу, а то и раньше.

Что-то завораживающее было в этом постоянстве. Не усиливающийся и не гаснущий ветер с юга, а иногда с востока только лишь наполнял собой полотнище с синей восьмиконечной звездой, но не поднимал волн на воде. Надо добавить, что погода стояла солнечная и, насколько возможно для Северного моря, теплая. Отец Целестин объяснял все с материалистической точки зрения, — мол, всякое бывает. Торир только головой качал. Не было на его памяти столь ясных и теплых дней в апреле, да еще и в этих местах.

— С нами благословение богов, — сказал конунг монаху. — Ты ведь помнишь, что тебе тогда элдар говорил?

— Возможно, — пожал плечами отец Целестин, оглядывая горизонт. — Гладсхейм сказал тогда, что нам кто-то поможет. Только кто? Какие силы? Слушай, а может быть, Видга чего знает?

— Видга, поди сюда! — позвал Торир своего наследника, оживлённо спорящего о чем-то со Снорри и Торгейром, братьями-близнецами. — Вы чего там расшумелись?

— А ну их! — Видга, забравшись на кор-
мовую палубу, только рукой махнул. — Говорили,
что Британия близко, заглянуть туда бы... Все по-
воевать хотят.

— Еще навоюются. Слушай, мы тут тебя
спросить хотели...

— Да-да! — подхватил отец Целестин. — Ска-
жи-ка, ты ничего эдакого не чувствуешь, а?

— Чего еще «эдакого»? Ты о чем? — удивился
Видга.

— Ну-у, ты это должен знать лучше нас. Что, со-
всем ничего не замечаешь? Ветер уж больно странный,
да вот прошедшей ночью на севере гроза была, а у нас
тиши да гладь, и хоть бы капля дождя упала или качнуло
посильнее!

— Нет. Хотя иногда... Ну, нечто неуловимое бы-
вает. Словно кто-то рядом есть, такой же как элдар —
невидимый. Не знаю. Э, Торир, посмотри-ка вон туда!
— Видга указал куда-то на воду, справа от корабля. Сре-
ди волн чернела едва видная точка. Бревно?

— Сворачивай парус! — вдруг заревел Торир, на-
легая на руль и кладя кнорр на правый борт. Его острые
глаза чётко различили, что именно высмотрел Видга.

Не в обычаях норманнов помогать кому-либо
на воде или суще, но толи любопытство конунга за-
ело, либо же подтолкнула его некая сила, и вот уже отец
Целестин ясно видит несколько обгоревших про-
клёпаных досок и двоих людей, распластанных на них.
И ни один не пошевелился, когда ладья медленно под-
ходила к плоту, а дружина гадела, как стая хриплых сор-
ок, обсуждая, как втащить их на борт. Мертвые, похо-
же, оба.

Доски стукнули о борт кнорра, и двое самых здоровенных вояк спрыгнули с борта корабля на обломки, пояса обвязав верёвками — на всякий случай. Сам плот поддерживали с корабля баграми.

— Один живой! — гаркнул снизу Эйрик, тот самый, которого утыкали стрелами датчане, и добавил с оттенком черного юмора: — А другого-то, может, тоже возьмём? На обед?

— Заткнись, сын Фенрира! — рыкнул Торир. — Бери живого и тащи сюда!

Эйрик подхватил тело на руки, наверху дружно ухнули, и, отталкиваясь от борта ногами, Эйрик со своей ношей перевалился через борт, кряхтя от натуги.

— Скегги, а ты чего возишься? — Конунг глянул вниз, где названный Скегги хирдманн обшаривал труп. Сорвав с руки золотой браслет, дружинник спихнул тепло в воду и, подняв голову, прокричал:

— Рыбкам тоже есть охота! Поднимайте меня!

Эту довольно плоскую, на взгляд отца Целестина, шутку оценили дружным хохотом. Едва Скегги забрался обратно на корабль, конунг бросил взгляд на монаха и Сигню и указал на спасённого: «Займитесь делом», а сам, прикрикнув на развеселившихся дружинников, чтоб поднимали парус, отправился к рулю.

Под наблюдением отца Целестина сыновья Халльварда и Видга оттащили человека на нос корабля и, расстелив холстину, положили. Пыхтя и отдуваясь, монах вскарабкался на небольшую носовую палубу и склонился над простёртым у его ног телом.

— Чего стоите, охламоны?! — шикнул отец Целестин на обоих братьев и Видгу, с интересом на-

блудавших, как он щупал жилу и разглядывал зрачки у неизвестного. — А ну быстро что-нибудь теплое тащите! Не видите — поморозился он. Сигню, а ты скоренько горячего питья сделай и зверобоя туда брось. У меня в мешке травы найдёшь.

Пока исполнялись его приказы, отец Целестин вновь уставился на своего нового подопечного. Выглядел тот не ахти — щеки ввалились, губы в трещинах, глаза кругами коричневыми обведены. Не один день, похоже, его по морю носило. И как только выжил без воды пресной да на холода таком? На глаз человеку можно было дать лет двадцать — двадцать пять, правда старило обветрившееся лицо да светло-рыжая многодневная щетина на щеках и подбородке. Похоже, что парень был воином, а никак не торговцем, хотя какая разница, спрашивается? В этих краях и та и другая профессия не разнятся; и уж точно он не был трэлем — из-под насквозь мокрой куртки проглядывали обрывки кольчуги. Батюшки светы, а там еще что такое?

Меня только сейчас углядел на бедре человека длинную и, судя по всему, глубокую рану, явно оставленную мечом. Этого еще не хватало! Да-а, теперь шансы выжить у этого молодчика совсем невелики. Может, даже и в сознание не придёт — крови столько потерять!

Видга и Снорри притащили целую охапку звериных шкур да меховых фуфаек и уставились на отца Целестина, который, бормоча сквозь зубы что-то не совсем подобающее его сану, стягивал со спасённого кожаные штаны.

— Помогите его раздеть, одежда-то мокрая вся!

Через минуту некогда вполне добротные,

а ныне на редкость драные и грязные одеяния были свалены в кучу, а монах и оба молодых норманна закутали человека в пушистый волчий мех.

— Мари... тьфу чёрт, Сигню, ну где ты там, копуша? — обернувшись, воззвал отец Целестин к своей помощнице, все еще не решаясь называть девушку при всех христианским именем.

— Готово. Иду уже! — отозвалась Сигню, снимая с небольшого костерка, разведённого на железном постаменте, котелок с варевом. Налив кипяток, в котором плавали распарившиеся листочки из мешка отца Целестина, в глиняную кружку, она бросила туда же пару кусочков засахарившегося мёда из прошлогодних запасов, привезённых конунгом из Гардарики, и вихрем взлетела на палубу.

— Напоить?

— Давай, только осторожненько.

Междур прочим, Сигню вполне освоилась с совершенно ей непривычной жизнью на корабле. Морской болезнью она не страдала, — впрочем, настоящей качки пока и не случалось. Правда, многие дружинники посматривали на неё косо, а поседевшие в походах старые викинги так и открыто выражали свое неодобрение, — это в каких же законах сказано, чтобы девица наравне с мужчинами в дальний викинг отправилась? Конунг Торир, однако, быстро прекратил любые споры, поставив недовольных на место: она тут, мол, по моей воле, и все! Благо знаете, что не в обычный поход идём.

На второй день на Сигнию-Марию уж и внимания никто не обращал, а не похвалить ее стряпню мог только самый изысканный гурман ромей. Уста-

вала она, конечно, преизрядно — накормить шайку не жалующихся на отсутствие аппетита громил, да еще лошадкам корму дать, да за монахом присматривать (по ее мнению, отец Целестин, этот большой ребёнок, сам за собой угледеть никак не мог — еще, упаси Господь, простудится или за борт, чего доброго, свалится по рассеянности). И вот теперь еще дело появилось — сиделкой при незнакомце быть, иначе кто за ним ходить будет? А долг истинной христианки обязывает помогать ближнему. Вливая в рот человека небольшими порциями горячее сладкое питье, Сигню-Мария уже воображала, как будет читать выздоравливающему Святое Писание и наставлять на путь служения Господу и спасения души... Ежели язычник он, то обратит Сигню его в истинную веру, ну а буде христианином случись сей муж, то найдёт достойного собеседника, благо до Исландии плыть и плыть, а отец Целестин в раздумьях целые дни, и слова из него не вытянешь.

— Вот это красотка, — послышался слабый и глухой голос с германским акцентом. Сигню, грубо вырванная из благолепных мечтаний аж питьё расплескала и, опустив взгляд, обнаружила, что на неё в упорглядят два светло-серых глаза.

— Mein lieber, может, ты согреешь меня своим теплом, а? — поинтересовался несколько неожиданно пришедший в себя парень. Причем в голосе его не было и намёка на юмор. Сигню застыла...

— Нет, нет, спасибо, — пробормотала она. — Еще пить хочешь?

— Давай. Кстати, меня зовут Гуннар. Так как насчёт погреться?

Похоже, сей Гуннар и на самом деле был германцем. «Давай» в его устах звучало как «Тафай», но вроде бы норвежский язык он знал вполне сносно.

— Будет жить, — откомментировал отец Целестин услышанное и примирительно посмотрел на Видгу, который уже положил руку на рукоять меча. — Не горячись сынок, а? Он, видимо, не понимает, что Сигню не рабыня, а девица свободная. Ты иди, а я с Гуннаром сам побеседую.

Видга исподлобья оглядел германца, потом показал ему кулак и спрыгнул вниз, к остальным. Сигню на всякий случай отодвинулась подальше от нахала, но потом христианский долг превозмог обиду, и она сунул в руку Гуннару вновь наполненную кружку, единственno позабывбросить в неё мёд.

— Бычья моча, — сообщил Гуннар, отпив. Сигню едва не расплакалась.

— А ну заткнись! — рявкнул отец Целестин, видя, как задрожали губы у возлюбленной духовной дщери. Если хама немедля не поставить на место, то потом на шею сядёт!

— Сам заткнись, боров! — не меняя спокойной интонации, посоветовал германец и добавил несколько слов на своем языке, да таких, что понимавший германские наречия монах покраснел до корней волос. «Да, будет с ним хлопот. Никакого воспитания. Отвратительный тип».

Отец Целестин, призвав все свое смижение и терпимость, все же сдержался и не отвесил Гуннару заслуженную оплеуху. Выглядел этот варвар изрядным здоровяком — ни капли лишнего жира, сплош-

ные жилистые мышцы. Такой еще и ответить может, хоть и ослаб да вымотан.

— Ладно, давай поговорим спокойно. Кто ты и что с тобой случилось?

— А ты кто? Где я сейчас?

— Мое имя Целестин, и я... гм... монах ордена святого Бенедикта. Ныне же сопровождаю конунга Вадхейма Торира в походе к землям исландским. Ты на корабле конунга.

В течение довольно продолжительной беседы монах успел сменить свое отношение к Гуннару с отрицательного до спокойного, а затем и благожелательного. Пускай тот периодически вставлял в свою речь выражения, которые могли бы привести в смущение самого закоснелого пьяницу викинга, но, однако, был наделён яркой индивидуальностью и своеобразным чувством юмора. Выяснилось, что Гуннар уже три года плавал в дружине шведского ярла Хигелака. Восемь дней назад, на пути к берегам Бургундии, их застиг шторм и отнес к северу, разметав драккары ярла. Ладья, на которой находился Гуннар, уцелела, однако на другой день после шторма случилась новая напасть — на повреждённый драккар налетели три датских корабля. Команду Хигелака перебили, а драккар подожгли. Раненный в ногу Гуннар и еще один дружинник уцелели — их не добили, как это обычно водится. Просто даны не обратили внимания на прикинувшихся мёртвыми людей. Когда корабль начал гореть, чудом выжившие Гуннар с товарищем кое-как выломали топором несколько досок из палубного настила и, невесть на что надеясь, перебрались на плот с охваченной пламенем ладьи. Им повезло снова, и со стоявших неподалёку разбойничьих су-

дов (а ваше что, не разбойничье было? — подумал монах) опять ничего не углядели. Потом почти семь дней в море. Хорошо, хоть дожди иногда шли, а то погибли бы без воды! Спутник Гуннара вчерашним днём умер от холода, а сам германец уж хотел зарезаться, да, похоже, сознание потерял... И вот боги, ответив на мольбу о помощи, ее послали.

«Ага, говорит про богов, — В отце Целестине проснулся профессионал-теолог. — Значит, язычник. Так, так».

— А родом ты откуда?

Гуннар оправдал подозрения монаха. Для начала он представился на своем языке, и выходило, что звали его Goenter, сиречь Гёнтер или Гунтер, как произносится в континентальной Германии. Но по-нормандски это имя звучит как «Гуннар», благо языки очень близки, ибо произошли из одного корня, да и означает одно и то же понятие — «воитель, сын битвы». Из рассказа германца выяснилось, что появился на свет он в бескрайней чащे Тевтобургского леса, в бурге, принадлежавшем его роду. Древнее поселение стояло в землях, непроизносимо названных Гуннаром Везербергландом, недалеко от места, где русло реки Везер резко сворачивает к северу, огибая поднимающиеся на правом ее берегу покрытые дремучими лесами взгорья. Род Гуннара жил в тех местах очень и очень давно, почти не имея связи с внешним миром. Задав несколько наводящих вопросов, отец Целестин понял, что культура да просвещение, кои несла язычникам Святая Мать-Церковь, начали добираться до тевтобургских чащ совсем недавно. Несколько лет назад Гуннаров бург от-

казался платить дань королю германскому Людовику Благочестивому, сыну императора Карла, и кёниг да старейшины изгнали христианского проповедника, покусившегося на языческих идолов. Возмездие не заставило себя ждать — бург пожгли, родовичей перебили, используя все утончённые католические жестокости, применяемые к не желающим уверовать в Бога Единого язычникам. Братья и отец Гуннара погибли в битве, а дом с оставшимися родичами попросту спалили, не давая никому выскочить из огня. То, что Поселок брали вовсе не воины короля, а наёмники — фризы и норманны, — которые сами являлись идолопоклонниками, ничуть не смущило ни королевских маркграфов, ни епископа Кёльнского, руководившего карательной акцией и благословившего мечи убийц.

«Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога?»⁷ — вспомнил отец Целестин слова апостола Павла и покраснел, устыдившись. Однажды монах слышал речи Патриарха Константинопольского и согласился с тем, что, по словам предстоятеля Восточной Церкви, «слуги Божии не есть сам Господь». Поговорить бы с этим «епископом Кёльнским» по душам.. Но отчего, скажите, разрушения и непотребства, чинимые варварами и язычниками в христианских землях да городах, воспринимаются с гневом и ужасом, а такие же зверства со стороны жаждущего новых земель и богатств епископата кажутся само собой разумеющимися? И небось дураком да невеждой показал себя миссионер, пришедший проповедовать веру в Единого в германские леса!

«Эх, а сам-то! — подумал монах и смущил-

ся еще больше. — Восемь лет прошло, а на путь истинный смог только Сигню наставить!.. Но все равно оправдания случившемуся в бурге Гуннару не найти!»

— А дальше, дальше-то что с тобой было? — отводя глаза, спросил отец Целестин. Германец продолжил свою повесть.

Гуннар тогда был схвачен, обращён в рабство и продан какому-то франку. Потом сбежал, долго бродяжничал по Франции и Германии, пока не оказался в Дании, вначале нанившись в дружину Ильвингов; потом же попал в Бирку и там обратил на себя внимание ярла Хигелака: знал Гуннар некий секрет, как в бою приводить себя в жуткое неистовство, — секрет, еще от отца доставшийся. Хигелак его к себе и переманил, видя сие искусство.

— Это как? — не понял монах. — Объясни.

— Не-е, — замотал головой Гуннар. — Дай лучше еще пить. У меня на шее мешочек висел, ты не брал?

Отец Целестин порылся в куче Гуннаровской одежды и извлёк оттуда тую затянутую кошелку из замшевой кожи на цепочке.

— Этот, что ль?

— Дай сюда. Там нет золота.

— Нужно мне твоё золото, — оскорбился монах, но все же налил еще питья и подал германцу.

Тот надел мешочек себе на шею и удовлетворённо хмыкнул:

— Дай поспать, а? Уболтал ты меня, толстяк. Как есть уболтал.

— Ну хорошо, только дай ногу-то тебе перевяжу...

Затем отец Целестин вздохнул и поплёлся на корму. Море по-прежнему было спокойным. Кнорр неудержимо двигался на северо-запад, разрезая форштевнем серые воды, где-то наверху похлопывал парус, и иногда только скрипело весло руля, — кораблём правили Торир или сменявшие его Видга и Олаф, один из старейших дружинников. Сигню улеглась вздремнуть внизу, а монах, пребывая в меланхолии, созерцал темнеющее небо, на котором высоко стояла яркая белая звезда — пока единственная появившаяся на освещенном закатом западном небе. Лёгкое покачивание корабля, долгие, протяжные песни норманнов действовали успокаивающие, и сейчас, после плотного ужина, даже думать не хотелось ни о каких-то древних богах, Исландии, землях, именуемых Мидденгард, и прочем. А уж тем более о наглом германце. Спи-ка, отец Целестин, спи себе и забудь до завтра обо всем этом бардаке.

Священную землю
Вижу лежащей
Близ Асов и Альвов;
а в Трудхейме будет
Тор обитать
До кончины богов.⁸

Под эту медленную тягучую песню дружины монах окончательно провалился в сон и не почувствовал, как Видга укрыл его плащом.

Из серебристого тумана появилась неясная высокая тень, принявшая облик старца в надвинутой на глаза потрёпанной широкополой шляпе. В руке он держал копьё.

«Привет тебе, служитель Единого».

«Здравствуй. А ты кто?»

«О, имен у меня побольше, чем у тебя волос на голове. Ты некоторые из них знаешь. Ну, зови меня, например, Видрир».

«Хорошо, пусть будет Видрир. А откуда ты знаешь, что я служу Единому?»

«Я много знаю. Еще я знаю, что ты и Торир не вняли предупреждениям Гладсхейма и возжелали устроить разыскания в Исландии. Еще раз говорю, не нужно этого. Я незримо присутствую среди вас и помогаю, чем могу. И пусть даже моя сила сравнима с силой тех, кого вы можете встретить, но, возможно, я не сумею обронить вас, даже позвав своих родичей на подмогу. Я не всемогущ».

«Кто ты, Видрир?»

«Узнаешь... Узнаешь совсем скоро. У нас будет возможность побеседовать».

Туман сгустился, мерцающие вихри поглотили силуэт старца и растворили в себе.

В глаза отцу Целестину ударило яркое утреннее солнце, и он почувствовал, что отлежал правую руку. Что за чертовщина? Ни разу таких вот снов не было!

— Торир! — Монах пихнул в бок дремлющего рядом конунга. — Торир, проснись. Проснись же, поглоти тебя геенна!

— Чего еще? — недовольно пробурчал конунг, продирая глаза и слегка осоловело оглядывая корабль. Все еще спали, как водится, вповалку. Разве что Олаф чуть позади что-то под нос напевает.

— Сон мне был... — И отец Целестин, сбиваясь, изложил Ториру все, что привиделось.

— Как ты сказал имя его? Видрир?

— Кажется, так. А что такое?

В ответ Торир произнес строки из известной монаху саги:

Ты, Фригг, молчи!
Ты Фьергуна дочь
и нравом распутна:
хоть муж тебе Видрир,
ты Вили и Ве
обнимала обоих...⁹

Отец Целестин едва не поперхнулся собственной слюной. Он начал понимать.

— Так, значит, это был... — Монах аж онемел.

— Вот-вот, Видрир — одно из имен Одина, — закончил за него конунг. — А ты говорил, что суеверия, выдумки!. Тьфу...

Видга, которого монах немедленно растолкал, отнёсся ко всему гораздо спокойнее:

— Теперь понятно, отчего парус не спадает? Точно тебе говорю, отец Целестин, без Асов тут никак не обошлось.

Асы Асами, а вот без чего точно не обошлось на сей раз, так это без истинно ортодоксального мракобесия. Монах собственноручно набрал кожаной бадьёй забортной воды, освятил ее, а после с неуклюжей грацией раскормленного кабана прыгал по всему судну, окропляя святой водой все, что попадалось под руку. Привыкшие еще по Вадхейму к подобным чудачествам дружинники, впрочем, глазом не моргнули — пускай себе бесится.

Исполнив свой долг, монах, коего тот

факт, что сии богонравные действия практически ничего не изменили, не поверг в уныние, с деланным достоинством удалился обратно на корму подкрепить свои силы хлебом насыщенным.

Торир с Видгой и Сигню переглядывались, но ни слова неодобрения не высказали. Конунг, кстати, запретил всем посвящённым хоть слово лишнее кому обронить о странном видении, посетившем отца Целестина.

Когда солнце поднялось совсем высоко и начало изрядно пригревать, монах, за переживаниями позабывший обо всем на свете, вдруг хлопнул себя по лбу:

— Ах я дурак старый! Что же я про Гуннара-то запамятовал... Сигню, Сигню, поди сюда!

— Я-то не забыла, — сказала Сигню, строго посмотрев на отца Целестина. — И поесть ему уже отнесла и... ну, в общем, рану ему заново завязала чистым.

— Чего? — вытаращился святой отец. — Он же... он же не одет! Что, меня не позвать было? Экое нецеломудрие, порицания достойное, а? А ну-ка читай тридцать раз «*Ave Maria*» и десять раз «*Pater*»!

Наложив на духовную дочь сию епитимью, которую она приняла, как и полагается, со смирением, разбушевавшийся монах, потрясая замусоленным перстом, отправился к Гуннару. Сигню только глазами его проводила, заключив, что приступ религиозного рвения сегодня что-то на редкость силён. Этак если каждую ночь ему Один являться будет, все, упаси Господь, помешательством кончится.

— Как тебя перевязали? — язвительным голосом осведомился отец Целестин у Гуннара, возле-

жавшего на прежнем месте в позе римского патриция. Вокруг валялись птичьи косточки — на еду для германца Сигню не поскупилась.

— Особой надобности в том не было, но скажу, что руки у девицы той куда как ласковей твоих будут. Ты же так вчера затянул, что я думал, за ночь нога отсохнет, да и еще кое-что в придачу.

— У тебя отсохнет! — Но тут лекарь поборол в святом отце священника, и он заставил себя не пререкаться попусту с дикарем из земель, со времен Тарквния считавшимися исконно-варварскими. Не слушая возмущённой ругани Гуннара, монах содрал повязку, дабы осмотреть рану. Не такая уж она и глубокая, как вчера показалось.

— Встать можешь?

— Наверно, может... — последовал ответ, — если оставишь меня в покое и не будешь больше лезть со своими тряпками.

Отец Целестин только сплюнул.

— Ну знаешь ли...

— А ну, покажите-ка мне его, — громыхнул за спиной монаха густой бас.

Обернувшись, он увидел Эйрика, разглядывавшего Гуннара со странным интересом.

— Скажи-ка, парень, у тебя зубы все на месте? А то и не продать тебя будет, беззубого-то. — Эйрик нагнулся и схватил своей ручищкой германца за подбородок, пытаясь заглянуть ему в рот. Ответ был получен немедленно — быстрое движение руки, и Эйрик покатился по настилу, а его островерхий шлем, сорвавшись с головы, вылетел за борт.

— Да я тебя, тварь такую... — заревел нор-

манн, хватаясь за топор, но монах решительно загородил ему дорогу:

— Уймись! Чего ты хочешь?

— А того! — брызгая слюной и размазывая по усам кровь, хлынувшую из носа, заорал аржинник. — Взял его я, и теперь он по закону мой раб, и сделать я с этим сыном Хель могу что пожелаю! Хочу — продам, а хочу — сейчас на корм рыбам выкину!

Отец Целестин хотел было попытаться как-нибудь утихомирить разъяренного Эйрика и не доводить дело до серьезной ссоры, но тут Гуннар поднялся на ноги и бросил в лицо норманну такие слова, что у Эйрика волосы дыбом встали и едва косица на бороде не расплелась.

— Дай-ка мне меч, что ли? — совершенно деревянным голосом сказал Гуннар монаху, пока Эйрик приходил в себя.

— Место им дайте! — орали дружинники, бывшие свидетелями этой сцены. — Пусть поединком решают!

Монах умоляюще посмотрел на подошедшего Торира, но тот только руками развёл.

— Побьёт он Эйрика — будет свободным и в Аржину возьму. А нет так нет, — провозгласил конунг. — Меч ему!

— Ты бы хоть э-э-э... оделся, а? — шепнул монах на ухо Гуннару, но тот только отмахнулся: «Да наплевать!» Поймав правой рукой брошенный клинок, левой он развязал мешочек, висевший на шее, и что-то положил в рот. Целестин торопливо слез с палубы вниз и присоединился к вопящим и улюлюкающим зрителям.

Пара сошлась явно неравная: Эйрик,

пусть и без шлема, но в кольчуге и со щитом, был вдобавок куда выше ростом и шире в плечах германца, но тот единственno выигрывал в подвижности.

«Будем надеяться, что рана его не подведёт, — подумал отец Целестин. — Да куда ему против такого-то здоровяка? Ой, не жить ему, верно не жить!»

Топор Эйрика со свистом рассёк воздух в том месте, где мгновение назад стоял Гуннар, но вонзился в палубные доски, а сам Эйрик получил весьма чувствительный пинок в правый бок. Выдернув лезвие, норманн с угрожающим рыком повернулся, закрылся щитом, как дверью, и, сделав обманное движение топором, попытался пихнуть германца щитом к самому борту, а потом либо прибить, либо сбросить в воду. Пожале, что он не ждал от сравнительно невысокого и еще достаточно слабого противника эдакой прыти. Что случилось с Гуннаром, никто так и не понял: он вертелся вокруг Эйрика волчком, не давая тому передохнуть, —казалось, что борются полусонный медведь и взбесившийся заяц. Пару раз Эйрику достались крепкие удары по кольчуге, и наконец случилось вообще нечто невообразимое: Гуннар выбил из рук дружинника топор быстрым замысловатым финтом, вцепился зубами в верхний край щита, издавая какое-то утробное ворчание, резко дернул головой, вырвал щит из рук соперника, затем, пнув его здоровой ногой в окольчуженную грудь, сбил с ног и, в довершение ко всему, нанёс мечом удар в место, мало опасное для жизни, но весьма и весьма обидное.

Дружины замерла в молчании.

— Бъёрсерк... — с уважением в голосе произнес Снорри.

Так оно было или нет, но спустя мгновение послышался глухой стук — Гуннар рухнул на доски рядом с поверженным Эйриком.

Хирдманн, поднятый на ноги друзьями, выглядел удрученно, кусал бороду и рычал сквозь зубы проклятия. Большего позорища он доныне никогда не переживал.

— Батюшки, да что же с ним такое?! — причитал отец Целестин, осматривая германца, все еще лежавшего без сознания. — Эй, Видга или кто-нибудь, воды!

Но ни три ведра морской воды, выплывших на Гуннара, ни похлопывание по щекам не дали никакого результата. Ничего не оставалось делать, как снова завернуть его в шкуры и оставить на какое-то время.

Пока пришлось заниматься врачеванием изрядной раны, оставленной Эйрику мечом германца, отец Целестин гадал, что же привело Гуннара в такой экстаз. Ну про бъёрсерков он и раньше слыхал, и говорили, что перед битвой жрут они какую-то гадость. Это не в мешочке ли, что у Гуннара на шее висит, секрет кроется? Надо взглянуть будет. Где же такое видано, чтобы человек, едва в себя пришедший, побил противника куда как более сильного?! Да и выглядит Гуннар сейчас странно — зрачок узкий, пот льётся, слюна течёт. И что интересно, все зубы на месте, хоть и на щите Эйриковым отметины глубокие остались. Дела...

— Ну, что там с нашим героем? — спросил монаха Торир, когда тот прибыл перекусить. От всех волнений сегодняшнего дня у отца Целестина разыгрался небывалый аппетит.

— Вот, глянь-ка. — Он протянул вымазанную жиром ладонь, на которой лежал кошель, висевший у Гуннара на шее.

Внутри мешочка оказались невзрачные серо-зеленые крошки, похожие на высушенный и мелко накрошеченный мох.

— Что это, по-твоему?

— Ума не приложу. — И отец Целестин сделал очередную глупость. Забрав мешочек у Торира, он сунул в него палец и слизынула налипшие комочки. Издав чмокающие звуки языком, монах поднял глаза на конунга:

— Совершенно неизвестный мне вкус. Странный состав...

И вот тут-то все поплыло у него перед глазами.

Очнулся монах оттого, что по подбородку потекла горячая жидкость. Рядом на корточках сидели Торир, Видга и Гуннар, а Сигню пытались напоить его чем-то отдалённо напоминавшем отвар дубовой коры.

— Фу, хвала Одину! — выдохнул конунг. — Пришел в себя.

Голова у отца Целестина трещала нещадно, будто с похмелья, побаливал живот, и вообще чувствовал он себя на удивление отвратно.

— Что... хм... что случилось? — Даже говорить было трудно.

— Это попробовал? — подал голос германец, показывая свой кошель.

— Угу.

— Ну и дурак. Скажи спасибо, что живой остался. Ты хоть помнишь, чего натворил?

Судя по лицам, монах понял, что натворил он многое. Когда Торир обрисовал ему, что же про-

изошло, отец Целестин не знал, куда себя девать со стыда. Мало того что перво-наперво он кинулся на конунга, пытаясь выкинуть Торира в море, едва только не сломал рулевое весло, и когда примчались самые дюжие дружины вязать его, расшвырял, как щенков, почти десяток далеко не слабых мужчин и вдобавок выдрал Видгольфу почти всю бороду, вцепившись в неё как клещ. Потом святой отец, вырвавшись из цепких рук могучих хирдманинов, ринулся на нос ладьи и, брызгая слюной, начал невнятно кричать что-то о спасении души, геенне огненной да чистилище. Сигню, не понимавшая, в чем причина внезапно охватившего ее наставника безумия, и впрямь подумала о том, что отец Целестин повредился рассудком. В общем, повязали его с трудом. Даже будучи спленутым, как дитя, монах продолжал бессвязно бормотать, цитировать строки из Писания, которые почему-то время от времени перемежал выдергками из саги о драконе Фафнире. Утихомирился отец Целестин не скоро, и вот уж сутки лежал он без сознания...

— В следующий раз, когда руки чесаться будут, лучше мне скажи, — посоветовал Гуннар. — Я их тебе быстро... почешу. Нельзя это зелье непривычному потреблять. Я и сам-то иногда побаиваюсь, а уж тебе-то куда?

Как в последующие дни, окончательно выздоровев, ни приставал отец Целестин к Гуннару с расспросами о странном порошке, ничего добиться не смог.

Собственно, на этой истории и кончились все неприятности, и дальнейшее плавание продолжалось спокойно. Гуннар совсем встал на ноги и, как обещал Торир, был принят в дружину, получив и одежду

и оружие. Шлем германец выбрал себе сам — станичный, с широкой полумаской, закрывавшей половину лица. С Эйриком он помирился, но все же пока держал себя на дистанции со всеми остальными, общаясь в основном с отцом Целестином да своими ровесниками, самыми молодыми в дружине — Торгейром, Снорри и Видгой. Характер у Гуннара оказался на редкость независимым, а на колкости, иногда отпускаемые норманнами, и внимания никакого не обращал, словно и не слышал. Впрочем, и к нему быстро привыкли, и скоро уж и не представить было вадхеймскую дружину без небритой физиономии Гуннара.

Один раз далеко на юге показалась полосочка земли — Шетландские острова. Но и пищи, и пресной воды было вдоволь, и Торир не стал останавливаться. Погода не менялась. Что ни день, то солнце, и хоть бы тучка на небе появилась. Ветер так и не утихал, «Звезда Запада» неудержимо шла к берегам северного острова. Спустя пару дней стало холодать, и тогда же отец Целестин впервые в жизни увидел плавучие ледяные горы, которые Торир старательно обходил, стараясь не приближаться к белоснежным глыбам, многократно пре-восходившим по размерам корабль. По ночам зажигались факелы, и конунг выставлял наблюдателей — не дай Один на такую льдину напороться в тумане. На десятый день плавания всем было сказано смотреть в оба — Исландия уже где-то рядом.

Торир подозревал, что их отнесло чуть севернее, чем следовало бы, и точно, на утро одиннадцатого дня Видга сумел углядеть в голубой дымке к югу землю. Когда подошли ближе, то увидели, что это был со-

всем небольшой, голый островок с еще не ставшим снегом.

— Видать, ночью берега Исландии проморгали, — решил Торир. — Слыхал я об этом острове. Большая земля должна к югу быть. По волнам видно. Да и птицы в ту сторону направляются. И зверь морской.

Монах глянул за борт, и точно: несколько небольших тюленей виднелись по правому борту. Морские твари плыли у самой поверхности воды, забирая к югу. Прав конунг — недалеко Исландия. Отец Целестин всегда удивлялся потрясающему умению норманнов определить направление или местонахождение корабля по мельчайшим приметам — по виду и цвету волн, направлению течения, ветру, теплый он или холодный... Гениальные мореходы, прямо-таки природные!

— А ну, бездельники, за весла беритесь, нам теперь парус не в помощь! — гаркнул Торир. — Теперь еще только Скага-фьорд найти, и, считай, приехали!

— А что там, в этом Скага-фьорде? — спросил отец Целестин, наблюдая, как сворачивают парус. Застоявшиеся дружинники уже разбирали весла и устраивались на скамьях у бортов.

— Там... там знакомец мой старый, Хёгни Ингвиссон, зимнюю стоянку держит. Поселок куда как меньше Вадхейма будет, да и кораблей у него всего пара. Ну да ничего, на пяток дней задержимся, а там видно будет. Мы с этим Хёгни вместе на Вормс ходили лет десять назад. Заодно и порасспросим кое о чем, он тут уже не первый год зимует. Если что необычное в землях исландских есть, всяко знать даст.

Пятнадцать пар весел разом опустились в воду. Как Торир и предсказывал, пустынные, холмистые берега Исландии показались часа через два, и, ориентируясь по каким-то одному ему ясным приметам, конунг направил корабль на запад, вдоль берега. По его словам, вход в Скага-фьорд должен был быть не очень далеко. Они миновали узкий, глубоко вдающийся в глубь земли залив, называвшийся Эйя-фьорд, и наконец, обогнув два небольших полуострова, конунг развернул корабль четко на юг, в открывшийся широкий проход, стараясь держаться ближе к западному побережью. Это и был Скага-фьорд.

Отец Целестин, закутавшись в плащ, грустно смотрел на новую землю, проплывавшую перед его глазами. Да, если уж покрытая лесами южная Норвегия казалась ему унылой и холодной, то что говорить об Исландии? Черные крутые холмы с едва заметной растительностью, снег лежит совсем таянием не тронутый. Холод собачий опять же. И как тут только люди живут?

Впрочем, это не северные берега, а остров, как Торир говорил — довольно большой. Может, тут и повеселее места есть.

О деревянные борта ладьи постукивали плававшие в изобилии по фьорду небольшие льдины, промозглый ветер с острова продувал самую теплую одежду, а ясное с утра небо начало затягиваться грязно-серыми тучами. И вот уже закружился снежок.

— Вон поглядите, огоны! — заорал Эйрик, стоявший на носу. После стычки с германцем сидеть на веслах ему было тяжеловато. Он указывал куда-то вперед и вправо, и точно, там, на спускавшемся к воде пологом склоне, виднелись какие-то строения и побле-

скивали в предвечернем сумраке редкие огоньки. У берега, как и в Вадхейме, вытянутые на суши, стали два узких, длинных драккара.

Спустя совсем немного «Звезда Запада» ткнулась форштевнем в прибрежную гальку, зашуршавшую под днищем корабля. Вот и Исландия.

Их тоже увидели. На берег высыпали несколько десятков вооружённых мужчин — это воинство выглядело хоть и не многочисленным, но угрожающим. Хорошо, хоть предусмотрительный Торир распорядился снять щиты с бортов в знак добрых намерений. Сам конунг вместе с Видгой и Олафом, дав распоряжение пока всем сидеть на месте, спрыгнул с кнорра на землю и поднял руку, сняв шлем.

— Я конунг Вадхейма Торир Харальдссон из страны Норэгр, пришел в Скага-фьорд с миром! — прокричал он, но на случай чего от корабля отходить не стал. — Я хочу говорить с вашим конунгом Хёгни. Где он?

Из толпы вышел высоченный седой человек, а за ним еще двое, и направились к Ториру. Все в шлемах и при оружии.

— Кто называет себя Ториром из Вадхейма? — спросил седой. — Я Хёгни Ингвиссон.

Тут, разглядев, кто перед ним стоит, Хёгни сам сбросил свой шлем и, бросившись к Ториру, обнял его:

— Во имя Асов, это ты! Какие боги занесли тебя сюда, Торир?! Что ты ищешь в Исландии?

— А ты что, волк старый, думал, я забыл, как ты звал меня к себе еще тогда, когда мы франков на Рейне за мошну щупали? — посмеиваясь, ответил То-

рир, хлопая Хёгни по плечу. — Примешь меня с дружиной деньков на пять? Да и разговор к тебе есть...

— Это ты что, только для разговору до Исландии добрался? — хитро прищурился Хёгни. —

Небось на Рим идти собрался да меня с собой звать хочешь? Впрочем, что это я? Зови своих, у нас и отых, и пищу найдёте. Конунгу Вадхейма и людям его ни в чем отказу от нас не будет. — Хёгни обернулся и махнул своим рукой, крикнув: — Принимайте гостей из славного Вадхейма!

Теперь, когда последние подозрения рассеялись, воины Хёгни опустили луки, и встреча с ними оказалась на редкость теплой. Было как раз время прилива, и, молодецки ухая, хозяева помогли вадхеймцам наполовину втянуть корабль на берег и привязать пеньковыми верёвками ко вбитым глубоко в песок и гальку столбам. Затем гостей разобрали по домам, отдыхать.

Поселок и на деле оказался небольшим — полтора десятка длинных домов, в каждом, как водится, жило по несколько семей. К домам лепились косые, крытые соломой строения для скота, хранилища сена и зерна, маленькие кузни. Никакой ограды вокруг поселения не было, а отец Целестин и вовсе был в удивлении, откуда взялось дерево даже для жилья на этой, казалось, абсолютно безжизненной земле. Жило в Сага-фьорде немногим более двухсот человек — выходцев из Норвегии, устроивших колонию здесь около двадцати лет назад. Из разговоров Хёгни стало известно, что житье в Исландии трудное — снег сходил только в мае, хлеб здешняя земля не родила, посему приходилось привозить его с востока, а в голодные годы так и

мхом питаться. Но вот чего много, так это рыбы, зверя морского да птиц. Сын Хёгни, Гудмунд, с гордостью показал Ториру клыки морских чудовищ, водившихся во фьордах, — зубы длиной в человечью руку.

В громадном каменном очаге шипел торф, булькал котел с пивом, и отогревшийся отец Целестин пребывал в полнейшем блаженстве. Безусловно, дом у местного конунга куда попроще Торирова, но гостеприимством он превзошел, по мнению монаха, даже византийцев. Все, что имелось в доме, было выставлено на стол, пива наварено на целую армию, развлекал гостей стариk скальд из трэлей, прекрасно игравший на простеньких гуслях.

Обнаглевший Гуннар увязался вместе с конунгом, и теперь, окосев от неумеренного потребления хмельного напитка, приставал к молодой рабыне, даже на терпимый взгляд отца Целестина страшной как смертный грех. Монах, краем глаза понаблюдав за этой парой, пришел к выводу, что, видимо, утром у девицы все седалище окажется в синяках, а если молодого германца не приструнить, то, похоже, к следующей зиме в доме у Хёгни будет пополнение... А, да ну его, этого Гуннара.

Отца Целестина несколько обескуражил тот факт, что и Хёгни, и все его домочадцы смотрели на него без какого-либо удивления, а потом еще и спросили, не из Ирландии ли родом почтенный спутник конунга Торира, чтущий Бога Единого? Как же так, спрашивается? Откуда эти язычники так хорошо осведомлены о монашестве и при чем тут Ирландия? Несмело задав возникшие вопросы Хёгни, отец Целестин понял, что он

не первый представитель отшельнической братии, виденный здесь. Ему поведали о том, что его собратья по ремеслу, монахи ордена святого Патрика из Ирландии, уже не один год обитают в сих землях, на восточном и южном побережье острова. Люди они вельми добрые и незлобивые, ино да в Скага-фьорд наведываются, речи о Боге Едином перед дружиной держат, богов древних хулят да поклоняться им сами брезгуют и другим запрещают. И что им плохого Асы с Ванами сделали? Словом, выгоняет этих монахов конунг и хулу на Одина возводить не даёт. И ведь чего, тати, удумали: изваяния богов сбросить да разбить! Неужто Единый удачу в битвах дружине принесёт да корабль поправит? Он же не Один!

«Дикие нравы. — Мысли отца Целестина текли медленно и лениво, а в голове шум от пива испитого образовался. — И чего они к Асам своим прицепились? Ну не мерзко ли перед истуканами на коленях валяться, вопить голосами дикими да жертвы каменным идолищам кровавые приносить? Нет чтобы в храм Божий войти, благодати Господней душу открыть, преклонить колени перед алтарём да в молитвы погрузиться... Исповедаться, обратно же и святых тайн приобщиться средь курений ладанных. Нет, не понимают норманны, что они теряют, к каким благам возведёт их житие Вера Истинная, к вечному спасению, но не к погибели души приведёт...»

В полуодреме монах уже видел возведённые на землях исландских храмы Божий и богатые монастыри с братией благочестивой, крестные ходы на Пасху да мирных и набожных норманнов, собирающихся на святую мессу по звону колокольному. Благолепие!..

Шел я лесом не спеша,
Мне навстречу девка шла
И в малинник стала звать
Ягодицы собирать...

Отца Целестина аж передернуло. Что еще за безобразие? Все святые, Гуннар с перепою песни голосить сподобился!

А Гуннар, германский акцент которого усилился чрезмерно, одной рукой обняв рабыню, а в другой держа кубок, продолжал, ничуть не обращая внимания на вытаращенные глаза монаха.

Вы поверите ли, братцы,
Как пришлось мне умотаться, —
И во сне мне будут сниться
Этой девки ягодицы...

Вот тебе и благолепие...

Исполнив следующий куплет, повествовавший о завершении сей истории где-то месяцев через девять, славный воин дружины Торировой заглотил содержимое кубка и, не выдержав последствий безудержного возлияния, рухнул под стол. Девица выглядела разочарованно.

— Хороший парень, — одобрительно улыбнулся Хёгни, глядя в ту сторону, — чтит хозяйское гостеприимство.

Отца Целестина едва не стошило.

Время наступило позднее. За стенами выл на разные голоса ветер, то стихая, то ударяя ураганными порывами. Даже самые стойкие бражники потихоньку утомонились и залегли спать, расположившись на скамьях, а то и запросто на полу, устланном гряз-

ной соломой. Теплился очаг, на стене, увешанной оружием, плевались искрами два факела, а конунг Торир и Хёгни, Видга, Сигню, отец Целестин и старший сын хозяина дома Гудмунд устроили небольшой совет, стараясь говорить потише.

— Ну и ну! — ахал Хёгни, слушая рассказ Торира о событиях в Вадхейме. Он не стал скрывать ничего.

Ни историю с лесными духами, ни явление Алдаро Великого, поведал и о странностях своего наследника, так что теперь Хёгни и Гудмунд поглядывали на Видгу с некоторой опаской. Особый интерес вызвали слова Хельги Старого и Гладсхайма, касаемых Исландии, якобы бывшей земли бога-великана. Отец Целестин же еще раз, во всех подробностях, пересказал свой сон.

— Что скажешь, Хёгни? Ты тут давно живёшь, не примечал ли ничего необычного, что на след бы нас навело? — спросил Торир. Хёгни потёр бороду, и отец Целестин готов был поклясться спасением души, что в глазах конунга Скага-фьорда плеснулся страх. Чуть погодя он проговорил:

— Было тут тоже много всякого, Торир. И люди у меня без следа пропадали, и жуть всякая зимними ночами виделась... Скажу тебе, что точно вам эти самые эльдар говорили — нечистое тут место, особо ежели на пустоши каменные податься, к югу и востоку отсюда. День до них пешком идти нужно. Уж не желаешь ли сам туда отправиться?

— Да надо бы.

— Слушай, а может, не стоит нос туда совать? — встрял Видга. — Пропадём ведь. Ежели уж сам Один отсоветовал да сказал, что силы побороть тамош-

них тварей даже у него самого не хватит, то что же уж про нас речи вести?

— Сын твой дело говорит, — кивнул Гудмунд, а Хёгни продолжил:

— Днём еще куда ни шло, а в ночь что делать будешь? Сам я раз видел ётуна, из тамошних щелей выбравшегося, — локтей десять ростом будет, да словно огнем весь горит. Я тогда на птицу ходил, к вечеру дело было, осенью. Солнце село уже, ну, думаю, заночевать в скалах придётся. Чувствую, земля затряслась, и потом сам *этот* появился. Черный как смоль, глаза багровым светятся, меч словно раскалённый... Я-то за камнем склонился, едва до утра дожил. А страху-то натерпелся смертного! Минится мне, что огненный великан то был, из Ётунхейма.

— А сюда они приходят? — дрожащим голосом спросила Сигню, сжимая кинжал, словно боясь, что злобный ётун вот сейчас и ворвётся в дом конунга.

— Нет, дочка, они людей сторонятся, но если сам забрался в угодья ихние — спуску не дадут. Три зимы назад похвалялся один дружинник мой, что великан зарубит, да по пьяному делу и пошел в пустоши. Сгинул. А воин был, между прочим, доблестный. Ничего ты там, Торир, не найдёшь, кроме погибели.

— Ладно, это завтра решим. А что о землях западных скажешь? Знаешь ли ты чего о них да сколько дней добираться по морю?

— Слыхал. Плавал на запад даже. В шести днях с попутным ветром будет большая земля, остров наверное. А после него еще дня три-четыре, и на те земли, о которых ты говоришь, наткнёшься. Говаривали, что род Хейдрека Рыжебородого туда подался, как из

Норвегии его изгнали. Не скажу точно, не бывал — не видел.

«Точно, точно! Было такое! Этот Хейдрек со всеми родичами королю Датскому присягу не принес и на шести кораблях в океан ушел от гнева датского пять лет назад! Нешто и в самом деле в тех краях норманны обосновались? — вспомнил отец Целестин. — Эх, поспать бы сейчас, а утром все дела решать. Что, днём не наговориться? Еще и ётуны эти чёртовы... А ну как эдакая тварь пригрезится?»

Словно подслушав его мысли, Хёгни шлепнул ладонью по столу и поднялся со скамьи:

— Будет на сегодня. Зови меня с рассветом, конунг Торир из Вадхайма, тогда и подумаем, чем еще помочь тебе смогу. А сейчас — вкушайте отдых, гости.

И Хёгни, оставив сотрапезников, удалился в свою часть дома вместе с сыном. Торир и Видга устроились на полу, предоставив спать на скамьях Сигню и отцу Целестину. Монах, расстелив накидку и сунув под голову свой мешок, осмотрел ложе и признал его вполне пристойным. Надоело спать под палубой корабля, и хорошо, что хоть пяток ночей в тепле да удобстве провести можно. Отдав должное религии в виде нескольких произнесённых полушёпотом молитв, воздеваний глаз к потолку и осенения себя крестом, отец Целестин взгромоздился на постель, косо посмотрев на Сигню, пренебрегшую вечерней молитвой и уже явно видевшую десятый сон. Надо завтра опять епитимью наложить. Чтоб не забывала о непреложном христианском долге. Не язычница, чай, какая-нибудь, но человек просвещенный и к культуре приобщена.

Все прочие уже хрюкали вовсю, и святой

отец под этот скорее успокаивающий, чем тревожащий аккомпанемент начал медленно засыпать, ворочаясь, как боров в луже, с одного боку на другой. И тут кто-то ткнул его в грудь, и весьма чувствительно. Уже находясь на зыбкой грани между явью и сном, отец Целестин, воображение которого разбередили жутковатые рассказы Хёгни об огненных великанах, едва не завизжал со страха и открыл глаза. Рядом сидел Гуннар, и взгляд у него был абсолютно трезвый.

— Чего тебе, пьячуга ненасытный? — просто-нал монах, еще не отойдя от испуга.

— А того, что и тебе! — Германец был верен своей связной манере разговора. — Слышал я, о чём вы тут толковали. Возьмёте с собой?

— Куда?! Иди спи, чёрт тебя задери! И что ты вообще слышать мог, когда валялся под столом в пьяном безобразии?

— И про Одина, и что Торир говорил про бога того. И что ход вы в Мидденгард ищете. И про ётунов, кои тут недалеко бродят. Так возьмёте меня?

— Не суй нос куда не след! Ты что, все подслушал? — Отец Целестин возмутился до крайности.

— Подслушал, — спокойно согласился Гуннар и встал. — Ты поговори утром с Ториром. Пригожусь ведь. А насчет носа скажу, что и ты суешь его куда не надо. — Он покрутил мешочек со своим мерзким снадобьем и, ухмыльнувшись, снова улёгся на солому.

Отец Целестин выругался и повернулся к нему спиной. Вот ведь ублюдка Господь послал! Ну за какие грехи такое наказание на меня свалилось? У-у-у, бестия белокурая...

* * *

Когда Видга с трудом растолкал отца Целестина, было совсем светло. На столе ждал завтрак и, что тоже немаловажно, остатки вчерашнего пива, немедленно поглощённые монахом, жаждавшим избавиться от головной боли. По всему видно было, что остальные поднялись уже давно: Торир успел надеть кольчугу и притащил с корабля кое-какие теплые вещи; Видга и Сигню собирали еду в мешок, а в углу Гуннар демонстративно правил меч, издавая точильным камнем совершенно душераздирающие звуки.

— Ты побыстрее давай, если с нами поедешь, — заметил Торир, глянув на отца Целестина.

Тот вначале не понял, а затем схватился за сердце:

— Что это ты удумал? *Туда* собирались?

— Ага. Боишься, что ль? Тогда здесь посиди. Гудмунд проводить вызвался. Завтра к вечеру вернёмся. За Сигню опять же приглядишь.

Сигню попыталась что-то сказать, но Торир одарил ее свирепым взглядом, и она закрыла рот. Все утром она тщетно пыталась уговорить конунга, чтоб позволил ей вместе с ним в пустоши поехать, но Торир твёрдо стоял на своем — нет, и все.

— Так вы что, только втроём пойдёте? — спросил монах.

Торир кивнул:

— В деле эдаком не числом брать надобно. Ты что же думаешь, мечи дружины чем помогут против нечисти? На помощь богов да на удачу надежда.

При слове «нечисть» монах таки вспомнил, что борьба с оной входит в круг его прямых обязанностей и сопровождать конунга хочешь не хочешь, а придётся. И святой воды с собой захватить следовало бы. Может, нужда в ней окажется.

— Далеко ведь идти-то. — Отец Целестин не забыл слова Хёгни о том, что до пустоши день пешего пути.

— Хёгни своих лошадей даст, — сказал Видга. — Так что наших сгружать с корабля не будем. Ну что, ты готов?

Монах запихнул в рот последний кусок рыбы, вытер руки о рясу и уже хотел подняться, как вдруг перехватил взгляд Гуннара. И тут какое-то шестое чувство заставило его дернуть конунга за куртку:

— Торир, пускай Гуннар с нами будет, — и добавил, опустив глаза: — Рассказал я ему обо всем.

Торир посмотрел на германца, задумчиво потёр голову, затем уставился на отца Целестина:

— С чего бы это? А что, может, ты и прав. Чем он только прельстил тебя? Ну хорошо, собирайтесь побыстрее. Видга, иди лошадей посмотри, готовы ли.

Гуннар едва заметно кивнул монаху в знак благодарности.

Для Торира и его спутника подготовили шесть лошадок — таких же небольших, крепких и спокойных животин, что были на их корабле. Отец Целестин знал, что эти коньки весьма выносливы и прихотливостью особой не отличаются, но, критически оглядев предоставленного скакуна, покрытого плотным шерстяным одеялом, заменявшим здесь седло, усомнился в

его качествах. Куда несчастному животному тяжесть этакую увезти?

На одну лошадь погрузили припасы — несколько мешков с едой, теплой одеждой и торфом для костра. Гудмунд рассказал, что в тех местах хоть и есть горячие источники и озера, греющиеся от подземного огня, но ни хвороста, ни тем более дров раздобыть невозможно. А хоть и конец апреля на дворе, в Исландии еще о тепле весеннем и мечтать не приходится. Тут тебе не солнечная Норвегия.

Самым тяжелым было посадить отца Целестина на лошадь. Подсаживать его пришлось всем вместе, кряхтя от натуги. Сам монах, судорожно цепляясь за седло и за гриву конька, решил было, что тот не удержит свою ношу, но все закончилось благополучно, и отец Целестин, дернув за повод, довольно уверенно прокатился вдоль дома конунга Хёгни, который уже вышел лично проводить Торира в путь. Тут же были Олаф, два сына Халльварда и еще десяток дружинников Вадхейма. Никто, впрочем, кроме Хёгни и Сигню, не знал об истинной цели путешествия, благо Торир, не желая раньше времени беспокоить своих, не стал излишне об этом распространяться. Единственno поручил Олафу за дружины от его имени присматривать да, ежели беда какая случится, команду на себя взять, как самому опытному и умудренному.

— Если послезавтра к утру не возвратитесь, исказать вас людей пошлю, — тихо сказал Хёгни Ториру, — Гудмунд дорогу хорошо знает и в приметное место вас выведет, так что лучше тебе его слушать и особо далеко не забираться. Ну, пусть вам помогут боги и Один направит по верному пути!

Вскоре Поселок скрылся за скалами, и Гудмунд повёл отряд вдоль берега фьорда на юг, постепенно поднимаясь на плоскогорье. Холмы, тянувшиеся справа, становились ниже, склоны стали менее крутыми, а через час пути, миновав узкую речушку, впадавшую в залив с юго-востока, все увидели, что фьорд кончился и впереди расстилается равнина тундры с чернеющими вдалеке холмами. Как и ожидал отец Целестин, никакого намёка на тропу, и тем более дорогу, не было, но Гудмунд уверенно направился к темневшей вдалеке гряде. Отряд подъехал к берегам еще одной речки, с быстрым течением и, похоже, не замерзающей всю зиму.

— Река течёт от ледника на юге, — сказал Гудмунд. — Если вдруг разбредёмся или потеряемся, то идите точно по берегу, как раз к Скага-фьорду выйдете.

— А нам куда? — спросил Видга. Гудмунд указал рукой на юго-восток:

— Во-он те горы видишь? Нам скоро через брод на тот берег перебраться надо и к ним ближе держаться. За холмами как раз горячие озера будут, а еще дальше огненная гора, что Аскья называется. К вечеру доберёмся, пожалуй.

Отец Целестин покачал головой. Перспектива заночевать в снежной пустыне, да еще в местах, где страшилища всякие шныряют, его совсем не прельщала. Ох и тоскливая же земля здесь! Пусто, голо, глаз не на чем остановить. Хоть бы дерево одно нормальное росло, а не карлики эти, что из-под снега иногда проглядывают. А в Италии сейчас благодать... Тепло, сады наверняка зацвели уже. Эх, как там обитель моя святая?

Отыскав брод, Гудмунд пустил лошадь че-

рез поток, посмотрел, как перебираются остальные, и, ударив конька пятками, вновь послал его вперед. Лошади шли мелкой рысью, иногда переходя на быстрый шаг. Земля была ровная, и двигался отряд быстро. Скоро стали часто попадаться громадные валуны, и начался чуть заметный уклон вверх — плато постепенно поднималось.

Отец Целестин зря не питал надежд на своего конька — шел он так же, как и остальные, не выказывая ни малейшего признака усталости. Со скуки монах начал было разговор с Ториром, но тот выглядел угрюмо и весь погрузился в какие-то свои мысли, так что беседы не вышло. Видга тоже ехал молча, и отец Целестин перевёл взгляд на Гуннара. Германец сидел на лошади оригинально — полубоком, одну ногу поставив на седло. Вид какой-то отсутствующий, шлем стальной на голове, поверх кольчуги безрукавка из медвежьей шкуры. Напевает себе под нос что-то донельзя воинственное. Варвар, одно слово...

— А ну-ка стойте! — неожиданно громко сказал Видга и резко натянул поводья. Отец Целестин обернулся и тотчас же перекрестился: Видга опять был окружён чуть заметным золотым светом. Сила ожила.

— Что такое? — Торир развернул коня и подъехал к нему. — Что?

— Там... — Видга поднял руку и указал куда-то вперед. — Я чувствую, там что-то есть. То, что родственно элдар, но гораздо сильнее их.

— Оно плохое? — дрожащим голосом спросил перепуганный монах.

— Нет, нет! Вы что, не видите ничего? Давайте за мной!

И точно, впереди, у камня, по своим размерам больше напоминавшего скалу, едва светился бледный огонек. Видга, не слушая возражений и остерегающего возгласа Торира, пустил коня в галоп, и остальным пришлось волей-неволей скакать за ним.

С подветренной стороны огромного валуна горел небольшой костерок. Рядом с огнем сидел человек, закутанный в серый плащ и в надвинутой на глаза шляпе. У его ног лежали два громадных серых зверя, очень смахивающие на волков-переростков.

Видга, спрыгнув с коня, подошел к неизвестному и напряженно замер. Волчищи вскочили, заворчав, но тут раздался глубокий, сильный голос:

— Не трогайте его. Фреки, Гери, а ну-ка тихо! Это наш гость. — Человек поднялся и шагнул к Видге, сняв свою шляпу.

— Кто ты? — Видга во все глаза смотрел на возвышавшуюся над ним фигуру. — Кто ты, почтенный?

— Я? — Незнакомец выпрямился во весь свой немалый рост, оглядел Видгу и стоявших у него за спиной Торира и остальных. — Я Один, сын Бора, князь Асов.

Пламя костра вдруг затрещало и взвилось вверх белым столбом, извергая в небо сотни слепящих искр.

Видга опустился на колени и склонил голову, и его примеру последовали Торир и Гудмунд. Гуннар стоял открыв рот, а отец Целестин осенил себя крестным знамением.

— Я Один, князь Асов, — повторил стоявший перед ними бог. — И я хочу говорить с вами.

7. РЕЧИ ОДИНА

Отец Целестин трясся от возбуждения. Да, это удивительно, невероятно, немыслимо, но сейчас он находится в компании самого настоящего, живого языческого божества! Один действительно был таким, каким его описывали саги: очень высокий седой старик с длинной бородой. Лицо серьезное, морщинистое, левый глаз пронзительно-синий, с искоркой не то смеха, не то удивления; на месте же правого — безобразный красный провал, словно язва на лице.

Под мышастым плащом такая же тёмно-серая одежда, сапоги мягкие, на голенях полосками рыжеватой кожи крест-накрест перевязанные. Правая рука украшена кольцом золотым работы изумительной... Словом, представительно выглядит, как богу и полагается.

— Ни к чему тут на коленях стоять, земля-то холодная, — несколько смущённо проговорил Один и, взяв Видгу за плечи, поставил его на ноги. — Поднимайтесь да к огню лучше подсаживайтесь, чай, не

первый час в пути, отдохнуть следует. У меня тут хлеб с рыбой есть.

Торир, двигаясь словно в полусне, не в состоянии ни слова вымолвить, присел на один из камней, словно специально расставленных вокруг костра, продолжая пожирать глазами старика, который тем временем повернулся к отцу Целестину:

— Ну здравствуй, служитель Единого! Не потревожил ли я тогда твой сон своим появлением? Иди же к огню...

Один протянул руку, но монах отскочил как ошпаренный и, воздев два перста, дико заорал:

— Изыде, сатана!! Сгинь, рассыпься!

— Я князь Асов, а не Князь Тьмы, — Один усмехнулся, — и не желаю никому из вас зла, а тебе и подавно. Хватит тут комедию разыгрывать, добавил он уже построже, — здесь тебе не Рим и заседание святой конгрегации. Привыкать надо, если в дела богов полез. И хватит из себя мракобеса корчить, тоже мне, святой Целестин, в землях норманнских просиявший!..

У монаха от хамства такого челюсть отвисла, а Один, не обращая больше на него внимания, отпихнул одного из своих волчар, улёгшегося рядом с плоским коричневым булыжником, и, усевшись на него, вынул из невесть откуда взявшегося мешка пару лососей, насадил их на палочки и сунул в огонь.

— Хорошая рыба. Вчера к Эгиру, морскому великану, заглянул — он тут недалеко живёт, — так Эгир гостинцев насовал. Эх, а знали бы вы, какое он пиво варит!

Один болтал и болтал беспрерывно, пока

вначале Видга, а за ним и все прочие не стали рас slabляться, — бог говорил как самый обычный человек, порой вставляя в свои рассказы крепкие словечки. Отец Целестин украдкой пару раз перекрестил Одина, но тот явно не желал рассыпаться, и у него не появлялись рога, хвост и пятачок вместо носа. Пока жарилась рыба, Один рассказал кучу смешных историй о своих родственниках — Асах, про пакостных великанов, двергов и прочих созданиях, коих отец Целестин привык считать плодом пьяной фантазии норманнов. В любом случае первым смущение преодолел Гуннар, заметивший в мешке Одина огромную деревянную флягу и недвусмысленно заявивший о своем желании выпить. Один улыбнулся и, вытащив сосуд, выдернул пробку:

— Держи. Только не увлекаться.

По лицу Гуннара расплылось блаженное выражение — такого мёда он еще доселе не пробовал. Немудрено — Один заметил, что варила его не кто-нибудь, а сама богиня Фрейя.

Бутыль с божественным напитком мигом пошла по кругу, и это стало последним средством, развязавшим языки. Теперь Один не виделся великим и грозным богом, казалось, все знают его не первый день.

Отец Целестин заметил, что огонь костра появляется просто ниоткуда — не было ни дров, ни торфа, ни угля. Пламя извергалось из самой земли, едва слышно шипя.

Костёр не выглядел большим, однако тепла хватало. Такого же тепла, что некогда монах ощущал на поляне недалеко от Вадхейма, у камня, именуемого Зубом фафира.

Монах знал, что животные всегда чуют зло и стараются убежать, но все шесть лошадок мирно стояли рядом, изредка пофыркивая и протягивая морды к огню. На двух громадных и зубастых волков, возлежавших возле своего хозяина, они даже не смотрели. Да и сам Владыка Асгарда вовсе не казался страшным или опасным и, похоже, молнии метать и делать прочие приличествующие богу вещи пока не собирался.

— ...Вот тогда Тор как запустит в эту ведьму своим молотом! Она, правда, старуха была прыткая, но от Винг-Тора нашего еще никто не уходил. Великаны потом седмицу ее мозги со стен отмывали. — Один продолжал травить свои полные оптимизма байки, переворачивая поддумывавшихся рыбин то одним, то другим боком к огню. — Готово, похоже. Ну, попробуйте только сказать, что я плохо готовлю!

Лосось и на самом деле был великолепен. Впечатление портил только хлеб пополам с отрубями, Один всех оделил куском, а отказываться было неудобно — попробуй откажи богу! Потом еще раз выпили в круговую мёда, и Один, утерев усы, уставился на Торира, мигом став серьезным:

— Ты вот мне скажи, конунг, почто советам моим не внимашь? Ведь и Гладсхеймом тебе говорено было — в эти места не соваться, и я предупреждал. Вот теперь все дела пришлось бросить да следить за тобой, чтобы глупостей не наделал. Говори, отчего ослушался?

— Тебе, Отец Дружин, все ведомо. Хельги Старый говорил...

— Да знаю, что он говорил, — поморщился Один. — И про пророчество знаю. Знаком я и с

той вельвой, мудрая женщина. Только многоого ты не понял, Торир. Все, что в последнее время произошло, ой как неспроста. Мир снова меняется, и изменения эти окончательны. Навсегда. Мое время уходит. Мы, Асы, теряем свою мощь и должны либо уйти в мир соседний, оставив здесь лишь память о себе, либо остаться. Остаться и стать бессильными и бледными тенями прошлого. Ведь и те, кого вы называете «элдар», тоже когда-то были великими воителями и имели власть, а сейчас потеряли и облик телесный, да и силы, считай, не осталось... Вскорости ждёт это и меня, и всех тех, кого вы называете богами.

— Это как же так? — изумился Видга. — А как же Рагнарёк? Гибель богов?

Один тихо рассмеялся и приложился к фляге:

— Ты больше сказки слушай! Не все, что в сагах да песнях о богах говорится, — правда, а, говоря откровенно, по большому счёту, вранье непотребное. Те, кого называете вы Асами и Ванами, суть великие и могучие духи, имеющие власть над вещами, временем и пространством, но не более того. Вы и представить себе не можете, сколько таких вот, как я, духов существует в пределах этого мира, а сколько ушло из него! Вот ты, — Один ткнул пальцем в отца Целестина, — весь свет почитай объездил, язычников... гм... в Веру Истинную обращая. Ты что же думаешь, народы просто так себе богов, богинь да божков всяческих придумывали? И неужто мыслишь, что боги Рима или Египта на пустом месте появились и ни на чем вера в них не основана была? Так вот, все они так же реальны, как я, как ты, как валун вот этот! Все мы дети Единого, только мы, духи, обладаем тем, что вам, людям, недоступно, — вы это вол-

щебством называете, да живём мы э-э-э... не- сколько подольше. А что вы нас богами сделали, в том себя вините...

Тут Один прервался, озабоченно по- смотрел наверх, в хмурое небо, и вдруг оглуши- тельно свистнул, сунув два пальца в рот. Дале- ко-далеко появилась черная точка, скоро превратив- шаяся в птицу, раскинувшую широченные крылья. Приглядевшись, монах понял — ворон. И точно: чер- ный как ночь, с синевато-зеленым отливом на перьях, ворон с доброго гуся размером резко спланировал вниз и, шумно хлопая крыльями, устроился на плече Одина.

— Мунин вести принес, — пояснил тот, подстав- ляя птице ладонь с кусочками рыбы. Ворон склевал предложенное угощение, потёрся головой о щеку хо- зяина и едва не засунул ему в ухо клюв. Все различили только непонятное бормотание, а затем, величественно каркнув, птица снова взмыла вверх и направилась ку- да-то на восток.

— Вот, кстати, еще один пример к тому, о чем я только что толковал. — Один в упор смотрел на отца Целестина. — Думаешь, Мунин обычный ворон? Он, почтеннейший Целестин, тоже дух, только воплощён в тело, подобное вороньему. Так-то.

— А что он сказал? — поинтересовался Видга.

— Любопытен ты больно. Впрочем, доложил он, как дела на востоке идут. Там десяток дружин ваших, норвежских, Кельн пожечь хотят да пограбить сей град. Ну а я через Мунина волю мою валькириям передал: бу- рю в Северном море учинить да корабли раскидать. Глядишь, и обойдётся, ежели девочки все правильно сделают.

«Ну и дела... Сплю я, что ли? — мелькнуло в голове у монаха. — Нет, это подумать только — я, христианин до мозга костей, сижу тут рядом с живым воплощением норманнского язычества, которое повелевает бурю устроить в сотнях лиг отсюда! Одно из двух — либо это все на самом деле, либо надо бросать пить...»

Волк, который покрупнее, поднялся, зевнул, показав язык и розовую пасть, наполненную жуткими зубицами, и, отойдя в сторону, задрал ногу возле валуна. Сделав свои дела, зверь вернулся обратно и свернулся калачиком рядом с Гуннаром, положив голову на сапог германцу. Один, увидев это, хохотнул:

— Глянь-ка, понравился ты ему! Фреки, что же ты это к чужим ластиться начал?

Волк опять зевнул и вильнул хвостом.

— Так что же получается, и не бог ты вовсе? — неожиданно спросил Торир, которого раньше уж никак нельзя было заподозрить в атеистических настроениях. Похоже, рассказ Одина поколебал его веру.

— Да как тебе сказать... Для вас я бог. Но вот как я тебе это объясню? Ты ведь на востоке, в Гардарики, бывал?

— Бывал...

— Про тамошнего бога словинского, Перуна, слышал?

Торир кивнул. Вот чего-чего, а деревянных истуканов он в тех землях насмотрелся.

— Так вот, этот Перун — сильный и в принципе неплохой дух, покровительствующий словинам вместе со своей свитой. По природе своей он похож на меня.

Вот я вам, норманнам, помочь посильную ока-

зываю, раз уж вы на меня надеетесь да мне поклоняйтесь. А словини же те про Одина, Тора или Фрейра, к примеру, и слыхом не слыхивали, — так зачем же нам, Асам, в Перунову вотчину лезть? Он пусть за своими народами смотрит, а мы вам поспешествовать будем.

— Ты ж говорил, что Асы силу теряют! Как же нам без богов-то?

— Богодин, — строго сказал Один. — Называйте его как хотите: Единый, Отец или по-другому. Я тебе уже битый час доддоню, что окончательный замысел его исполняется: мы, духи стихий, долго жили в этом мире и вашему людскому житию как могли способствовали. А сейчас нам должно уйти за его пределы, уступив место Вере Истинной, либо остаться и потерять силу свою. Мы свое дело в Мидгарде сделали.

— Так что же ты от нас хочешь? — спросил отец Целестин. — Зачем помогаешь? Не верю я, чтобы ты в этом деле выгоды своей не имел!

— И правильно не веришь. Сейчас расскажу. Вы ведь, Хельги и Гладсхейма послушав, да цели ясной не представляя, рванули сами не зная куда, так?

— Ну-у, на запад поплыли... — протянул Торир, подозревая, что Один совершенно прав. Ведь истину он глаголет — вслепую, считай, шли.

— На запад! — передразнил Один. — А зачем?

— Ход в Скрывшиеся Земли, в Мидденгард ис-
кать...

— Зачем? — настойчиво повторил Один, свер-
кая единственным глазом.

— Алдаро отблагодарить за спасение чудесное
да то, что Элендила роду принадлежит, найти...

Один посмотрел на Торира с состраданием, с каким обыкновенно глядят на деревенских дурачков:

— Эх, конунг, конунг... Ты, похоже, и сам не понял, какую кашу заварил. Да я таких событий, что за последний год произошли, со времён последнего изменения мира не упомню! Чтоб Великий Дух из числа Создателей Мира в войны между людьми встревал? Да подобного не бывало никогда и, мню я, уже не будет. Хотя, как я полагаю, знал он, что делает. Ваш род — из древнейших в нашем мире, и даже мне от Сил Древнейших поручение было дано — хранить да оберегать людей крови древних королей. Помнишь, что Хельги тебе говорил об Аталагарде и разделении миров?

— Помню, Могучий...

— Так вот, слушай. Некогда единый мир разделился сейчас на три части: этот, в котором живут люди, — и они станут его единственными властителями; тот мир, что именуется Срединной землей, и еще один. Этот третий — своего рода промежуток между двумя первыми, и лежит он как раз за той Дверью, которую вы ищете. Да, Дверь сужается и через какое-то время закроется навеки. Таков замысел Единого. Вот тогда все три мира станут отдельными друг от друга, и уже никто не сможет прошмыгнуть за их стены — ни дух, ни человек. Цепь разорвётся и будет откована лишь только после Конца Миров и Великой Битвы. Ни я, ни другие духи не хотим терять возможности в нужное время возвращаться в миры соседние, где вновь сможем обрести силу, а затем прийти сюда, к людям, ежели нужда в нашей помощи возникнет.

Ваш путь как раз в Междумирье лежит, а

не в Мидденгард. Не допустят Силы вашего там появления, и делать вам там нечего. Междумирье же по землям огромно и чудесами, здесь не виданными, ой как богато. Бывал я там пару раз. Скажу, что в земли те многие духи из нашего Мидгарда ушли, и ты, Целестин, вполне можешь кого знакомого там встретить.

— Кого еще? — монах удивился несказанно. — Да ты первый дух, коего я в жизни увидел! Ну если Алдаро не считать...

— Да? Какая неприятность. А про римских да греческих богов, что, и не слыхивал никогда?

Отец Целестин почесал в затылке и ругнулся. Там, в Междумирье этом, что, свалка отживших свое божеств? Кошмар!

— Вещь, которая имеет власть проход в иные миры открывать, — существует, — промолвил Один. — Взять ее сможет только потомок того, кому она принадлежала изначально. Потомок Элендила. Таковы заветы Сил. А теперь смотрите!

Один встал, и ветер раздул его плащ. Вот теперь все увидели перед собой истинного Великого Духа, пребывавшего в Мире со дня творения. Князя Асов объял свет, в оке его затрепетало пламя. Стало казаться, будто он намного вырос и голова его упёрлась в облака, окутавшись мерцающим туманом. Телесный облик бога отошел куда-то на второй план, и теперь перед отцом Целестином и его сотоварищами предстало нечто, лишь отдаленно напоминающее человека, — огнистый силуэт без чётких очертаний; частица пламени, из коего родился этот мир, наделённая разумом и собственным бытием. В другое время отец Целестин умер бы

от ужаса, но сейчас страх почему-то не появлялся, ибо его превозмогло появившееся откуда-то знание, что здесь нет и не может быть никакого зла, никаких опасностей или угроз.

Откуда-то из глубины пламени пришли слова, совсем не похожие на речь старца, сидевшего только что у костра. Голос истинной ипостаси того, кто носил имя Одина, был ровный, глуховатый и, как ни странно, казался очень молодым:

— Те, кого вы зовёте Асами, презрев свою гордыню, взывают к вам, смертные. Сейчас лишь в руках короля Элендила из сгинувшей земли Аталарада наша судьба, ибо если не придёт в сей мир Чаша, именуемая Трудхейм, то никто и никогда не сможет пройти через пояс миров, бывших некогда единственным царством. Двери, закрывшись, не пропустят ни в Мидденгард, ни в Междумирье духа или смертного, мы же с потерей связи между мирами потеряем все, падём прахом бесследным. Мы, духи Мидгарда, просим: принесите Чашу сюда, и тогда возможность открывать ход в скрытые, ушедшие земли останется. Один, Тор, Фрейр, Ньёрд, Хёймдалль, Бальдр, Браги и Бейла, Фригг, Фрейя и Идун — те, кого народы Севера почитают богами, — готовы сейчас отдать многое за сокровище, дарованное Элендилу Создателями Мира, Силами, Которые Вовне Трёх Миров. Мы не хотим уходить из земель, сотнями лет пестованных нами, но потерять силу свою и быть запертыми в мире, принадлежащем смертным, — для нас подобно гибели...

«Так, так. Значит, и на ёлку хочешь влезть, и з... не ободрать? Почему же сам Чашу забрать не сумел, раз бывал в Междумирье? Отчего это только дети

Элендила получить ее могут?» — Отец Целестин позволил себе несколько усомниться в искренности бога. Да и говорил он, что разделение миров суть замысел Единого. Так что же, против Его воли идти? Раз повелел вам Господь из земель людских прочь уйти да язычеством души не смущать, так уходите и не восставайте против замыслов Его!

Неожиданно Один вновь вернулся в привычный человеческий облик. Или всем только почудилось, что он сбросил его? Блиставший величием дух исчез, уступив место как-то горестно сгорбившемуся высокому старику. Морщины на его лице стали резче и заметнее, а голос точно утратил силу:

— Я просто показал вам свою настоящую природу. То, кем Один из песен о богах является на деле. Я не хотел пугать вас или угрожать, просто вы должны понять, что мы хотим получить. У меня есть ответы на твои вопросы, служитель Единого. — Один подошел к отцу Целестину, положил руку ему на плечо, посмотрев прямо в глаза. — От тебя тоже зависит многое, а Асы не хотят никого обманывать. Я не знаю, зачем Эйра разделил единую землю, но знаю, что Он делал все во благо своих детей, не желая никому причинять несправедливостей. Создатели, первые слуги Эйра, несчетные столетия назад даровали Чашу Трудхейм — Вместилище Силы — роду королей людских, предвидя день, когда Ворота закроются, дабы сохранить нить, связующую земли уходящие и земли изначальные. Хранится она именно в Междумирье, родившемся в час разделения, и нужно, чтобы унаследовавший силу племени Элендила пришел и взял принадлежащее ему по праву. А

откуда он будет — из Мидденгарда, который за двумя стенами, или отсюда — ведают только Великие Духи, так что никто не идёт против воли Эйра... И мы, Асы и Ваны, не желаем отнять ее у вас, потому как ключом может пользоваться только истинный владелец Чаши Сил. Понял наконец?

— П-понял, — заикаясь, ответил монах, но тут встрял Торир:

— Ответь, Один, где искать Трудхейм? А если найдём, то как использовать, да и что это за Чаша?

Один снова сел на свой камень, огладил бороду и начал повествование, которое длилось довольно долго.

Когда западные земли оторвались от иных и ушли из пределов этого мира, — рек он, — меж ними образовалась граница, отрезанная и от Мидденгарда, и от Изначальных Миров. Чем дальше расходились миры, тем шире становилась граница, пока не выросла безмерно и между двумя мирами не появился третий. От первых он также отделён незримыми стенами и имеет двое Врат — в Мидденгард и в Мидгард. Эта пограничная земля и получила название Междумирье. Оно огромно и не изведано, ибо полно опасностей, так как там нашли себе пристанище многие духи и живые создания, ушедшие из двух миров или изгнанные из них. Из Асов редко кто туда заглядывал, да и далеко от Двери не отходил. Разве что Локи частенько там бывает...

История же Чаши Сил, Вместилища Силы, такова. Когда всемогущие Созидатели низвергли в пучины Мирового Моря остров Атальгард и мир изменился во второй раз, спасшийся Элендил, над родом которого было благословение Эйра и Сил, вернулся в тогда

еще не разделённый на две части Мидденгард, принеся с собой несколько величайших сокровищ, что принадлежали его предкам со времён молодости мира. Каждая из этих вещей несла в себе незримую мощь, использовать которую мог только человек — потомок высшихластителей людей, ведущих родословие свое от первого восхода солнца, в чьих жилах текла кровь и духов, и Народа Древнего, породившегося некогда с людьми. Среди сокровищ, спасённых Элендилом, была и Чаша Трудхейм, подаренная Силами его далёкому предку, бывшему вождём людей, которые вместе с ратями Созиателей повергли царство Черного Великаны, жившего как раз в землях, именуемых теперь Исландией.

Чаша сия суть одна из самых дивных и чудесных арагоценностей, когда-либо создававшихся Великими Духами и их помощниками из Древнего Народа, и ничто не может сравниться с ней... — мечтательно говорил Один, и на лице его блуждала мягкая улыбка, словно бог вспоминал что-то давным-давно потерянное, но очень прекрасное. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль, к горизонту, затянутому низкими грязно-серыми тучами.

— ...А когда Звезда Сил стоит в зените, достаточно налить в Чашу Трудхейм воды, взятой из моря, ибо волны его омывают все миры и земли, и когда лучи светила коснутся ее, следует окунуть в Чашу любой меч, и он, наполнившись скрытой в ней силой, что вложена Созиателями, разрубит проход в любой мир, какой пожелаешь, или в то место и время, какое захочешь...

— Так что же... — Отец Целестин был поражён до глубины души. — Получается, можно куда хо-

чешь уйти? Ты сказал — она откроет путь и в иной мир, и...

— Да, — подтвердил Один. — Если имеешь желание, сила Трудхейм позволит тебе уйти куда угодно. Владей мы ею сейчас, мы одним бы взмахом меча или кинжала открыли Врата Пространства и Времени, отсюда, из Исландии, смогли бы пройти в любое место нашего мира или любую дату его истории. Ход закрыт только в будущее.

— А почему? — У Видги горели глаза. Неужели где-то есть та вещь, что позволит ему своими глазами увидеть конунга Македонии Александра, узреть Рим и Грецию во всем их былом величии! Или... Или вернуться во времена, когда среди морей еще лежал остров его прадедов, Атлгард... Не верится даже...

— Потому что будущего еще нет, — пожал плечами Один. — И можно лишь предугадывать, но не знать о том, что будет происходить через многие годы. Все знает лишь Эйра.

— А про Звезду что ты говорил? — озадаченно спросил Торир. — Ведь Алдаро, виделось мне, явил себя из звезды, что на западе.

— Вот как раз она и называется Звездой Сил. Там, в царстве звезд, вне Трёх Миров, и лежат владения Созидателей, куда ход открыт лишь духам, но не смертным. Туда вас даже сила Чаши не пропустит. Впрочем, это тайна, которую даже я не вправе вам открыть. Насчет же того, как она оказалась в Междумирье, скажу, что когда-то, при разделении Мидденгарда на две части, один из потомков Элендила, коему тогда принадлежала Чаша, вняв зову Сил, решил уйти отсюда, из Мидгарда, и вернуться в страны, принадлежавшие его коле-

ну. Не желал он, чтобы дети рода его жили среди обычных смертных. Кстати, остался здесь только твой предок, Торир, со своими родичами, ушедший слишком далеко на восток и не мысливший жизни без тогда еще свободного и чистого мира, где он был сам себе хозяин.

Имя князю, покинувшему Мидгард, было Глердинг. Он достиг Врат Междумирья, и открыты они тогда были широко. Пройдя в них вместе с дружиной и семьями своими, Глердинг вошел в Мир Третий, стремясь к Скрывшимся Землям.

— А почему он не использовал Трудхейм? — удивился Видга. — Зачем было нужно столь длительное путешествие, когда проще было открыть проход между нашими мирами?

— Со времён падения Аталгарда его наследники потеряли многие знания, — объяснил Один, — и при воспоминании, каково было королевство ваших великих пращуров, мне становится больно, когда вижу я вас, утерявших секреты ремесла, забывших свой язык, искусство письма и многое другое. Не одна тысяча лет понадобилась, чтобы уничтожить об этом память, но увы, увы... Так и князь Глердинг считал Трудхейм просто семейной реликвией, не ведая о свойствах ее.

В Междумирье же, на долгом пути ко Второй Двери, случилось так, что князь Глердинг погиб вместе со всеми своими людьми. Я уже говорил, что там, за Дверью, можно встретить самых различных тварей, многие из которых обязаны бытием своим не Создателям, но либо злобе Черного Духа из рода Великих, либо же недостойным занятиям тех, кому доступна сила волшбы. И драконы там обитают, и зверьё вся-

кое, здесь не виданное, да и людей недобрых куда как хватает, потому что на землях Междумирья не лежит ни Благодать Созидателей, ни благословение Эйра. Можно сказать, что Междумирье бытие обрело само; рождённое от двух изначальных миров, оно неподвластно воле Сил и по первости было пустынно. А пока Двери отверсты были широко, хлынуло в те земли все, что ни в Мидденгарде, ни в Мидгарде жить не желало да власти Сил признавать не хотело по природе своей. Людей там много, а вот чего еще больше, так это духов всяких и чудищ непотребных. Раньше они, бывало, и в Мидгард шастали, мерзости и разорения чинили, да мы, боги, им спуску не давали и загоняли обратно, либо же... — Один выразительно провёл пальцем по шее. — Думаете, история с драконом Фафниром, про которую скальды ваши кучу глупостей напридумывали, только от фантазии их взялась?

— Ты лучше про Трудхейм расскажи, — напомнил отец Целестин. — Сдаётся мне, что, если до тех мест доберёмся, сами на тамошние прелести насмотримся!

Один осёкся, поднял свою бутыль и, обнаружив, что она пуста, сунул обратно в мешок, посмотрев с укоризной на Гуннара, который откровенно клевал носом, не выказывая никакого почтения к рассказам бога. Что ни говори, но, мёду безмерно испив, внимательности не обретёшь.

— А что рассказывать-то? Я вот ляпнул, что погиб Глердинг, да, однако, лучше сказать будет, что сгинул он со всем отрядом в Междумирье. В Мидденгард он не вернулся, да и здесь не появлялся более. Ни слуху ни духу о нём в тех землях, хоть специально Асы туда

Локи отряжали...

— И кто тут имя Мое всуе поминает? — раздался скрипучий тонкий голосок, и слева, из-за острой грани камня, появилась странная пара, заставив вскочить всех, кроме Одина.

Было вполне естественно, что перво-на-
перво все взоры обратились не к обладателю
противного голоса, а к его спутнице, которую он держал под ручку. У проснувшегося Гуннара так едва слю-
ни не потекли от восторга.

Да, это была великолепная женщина — великолепная всеми своими статями. Ростом едва не с Одина, на две головы возвышавшегося над довольно рослым монахом; розовощёкая, с льняными волосами, заплетёнными в толстую косу; с громадными, ну просто коровыми глазищами и пухлыми рубиновыми губка-
ми. Тот факт, что из всей одежды дама предпочла только золочёный рогатый шлем, ее явно не смущал. Колы-
хая роскошными телесами, коим позавидовал бы даже отец Целестин с его, мягко говоря, более чем солидны-
ми объёмами, красавица приветливо улыбалась и даже подмигнула потерявшему дар речи отцу Целестину.

«Хоть бы срам прикрыла, бесстыжая! И как ей не холодно?» — подумал монах, но из вежливости про-
молчал, переведя взгляд на кавалера. Он являлся полной противоположностью представшей перед изумлённы-
ми глазами отца Целестина деве. Низенький, тощий, бородёнка рыжая клинышком, глаза хитрющие, узкие, нос длинный и словно змея извивающийся.

— Гэндуль, валькирия. Локи, мой... мнэ-э-э... род-
ственник, — отрекомендовал Один вновь прибывших и сурохо глянул на Локи. — Зачем явился, убогий? — без обиняков начал было князь Асов, но его грозная

речь прервалась — Гёндуль, раскрыв объятия, пылко облобызала Одина, да так, что тот едва не задохся.

Локи же, шутовски отвесив всем поклоны, присел к огню и, протянув к нему руки, обратился к Гуннару, не сводившему взгляда с роскошной валькирии:

— Э, приятель, не разевай рот на чужое добро! Тебе этот кусочек не проглотить, подавившись!

— Батюшка! — меж тем рокотала густым басом дева, награждая Одина новыми и новыми поцелуями.

— Ну хоть одного нормального мужика встретила! А то этот задохлик кого хочешь до белого каления доведёт своим занудством да причудами! Нет, ты подумай, давеча меня в гости к Тору затащил, подлец, да, напиввшись, на ногу чан с кипятком опрокинул! — Валькирия показала правую ступню размером с лопасть весла. Возле пальцев все еще различалось красное пятно ожога. — Так потом начал орать, что я, мол, свои белы ноженъки где не надо расставляю да в смущение его привожу! Еще смеётся, гад!

Гёндуль, развернувшись, хотела было одарить Локи подзатыльником, но он ловко увернулся и визгливо наградил красотку такими эпитетами, что даже у видавшего виды Гуннара глаза на лоб полезли, а отец Целестин зажал уши и молитвы зашептал. Валькирия же, томно закатив глаза, уселась рядом с Локи и, положив ему на плечо свою ручищу, проворковала:

— Да ладно тебе, забыла. Не обижайся на старую Гёндуль, милый, она на самом деле добрая, хорошая и очень тебя любит...

«Глупа как пробка. Даром что вальки-

рия», — решил отец Целестин, но тут Гёндуль устремила взгляд на него, и монах, густо покраснев, забормотал что-то призывающее всех святых избавить его от созерцания беспутства сего и какого-то там искушения. Любвеобильная девица, обнажив весь набор жемчужных зубов, протянула к нему руки:

— А ну иди сюда, дядя! Познакомимся поближе, а?

Монах шарахнулся от неё, как от змеи, перемежая молитвы ругательствами. Тут вмешался Один:

— Гёндуль, остановись! У нас разговор серьезный, а ты моих гостей в соблазны вводишь!

Дева только поморщилась, но все же перенесла свое внимание с отца Целестина на Гуннара, ничуть не обращая внимания на выражение лица Локи, коему это превесыма не нравилось. Следуя страстному зову, потерявший всякий стыд германец бухнулся на колени Гендуль, потонув в ее медвежьих объятиях. По лицу ее расплылось невиданное довольство.

— Грех, конечно, со смертным связываться, — заметила валькирия, — но разве от Локи чего-нибудь путного дождёшься? Ну иди, иди сюда, красавчик...

Затем все потонуло в звуках громких лобзаний. Локи, и без того бледный, от злости приобрёл совершенно зеленый цвет. Деве, впрочем, было все равно, а Гуннару, надо полагать, и подавно.

— Эй, Лофт. — Один потянул его за плащ, отвлечая от мрачных мыслей. — Я тебя уже спросил, зачем припёрся, и до сих пор жду ответа.

— Как отправлять в даль какую-нибудь, так бедного Локи, а как у костра погреться, так и нельзя?

— сварливо заметил Локи, стараясь не смотреть в сторону своей пассии, переживавшей бурный, но, надо думать, кратковременный роман с Гуннаром. — Так что, Один, это и есть те самые самоубийцы, что за Чашей собрались? Слыхал я ваш разговорчик...

— А слыхал если, так почто вопросы лишние задаешь? — Один принял грозный вид, вперившись в Локи своим единственным глазом, но тот и ухом не повёл. Отец Целестин же решил больше ничему не удивляться, будь то даже пришествие целого сонмища богов, — монах потихоньку начал привыкать к чудесам. Торир, Видга и не проронивший ни слова с самой встречи с князем Асов Гудмунд старались сидеть потише — высокомерное презрение к смертным, так и брызгущее из Локи, немало смущило их. Рядом с величественным Одионом он казался невзрачным, но такой взгляд был обманчив: присмотревшись внимательнее, в облике Локи можно было различить и скрытую силу, и острый, изворотливый ум.

Оба волка Одина явно недолюбливали. Фреки тихо рычал при каждом его резком движении, а Гери даже отодвинулся подальше и посматривал, косясь недобро.

— Зачем, спрашиваешь, пришел? — начал Локи.
— Да затем, чтобы этих дурней предостеречь. — Он окинул вызывающие-брэзгливым взглядом людей. — Ходил в Междумирье, Харбард да вести принес. Но если неинтересно, то могу и не рассказывать...

— Не томи, мысли мои в те края проникнуть не могут. Что делается в пограничье? Зачем ты был там?

Локи демонстративно выдержал паузу,

делая вид, что роется за пазухой, но Один так угрожающе сжал кулаки, что хитрый бог, сделав постное лицо, продолжил:

— Вести недобрые. Дверь закрывается, стены между мирами скоро станут непроницаемыми. Я ухожу, Один. Локи не хочет терять изначальное и становиться бессильным призраком. Советую тебе — созывай Совет Асов и Ванов на тинг и уходи тоже. Этот мир заполнит другая сила, и мы должны уступить ей место. Мы, боги, выполнили свою миссию в Мидгарде, как когда-то ее завершили Созиатели и удалились за пределы миров. Гибель богов неотвратима, только сгинете вы не в славной битве, а будете медленно угасать, умирая в царстве, вам уже не принадлежащем.

Один помрачнел. Новость действительно была недобрая.

— Царство наше, нам уже не принадлежащее... — тихо, будто в раздумье, повторил он и как-то странно посмотрел на отца Целестина. Монах выдержал этот взгляд.

— Одна надежда, — Один указал на Торира, — на них. Если Трудхейм попадёт к наследникам Элендиила и они вернут Чашу Силы в Мидгард, нам не след покидать эти края. Вызнал ли ты хоть что-нибудь, Локи?

— Надежда? На кого? Поройся-ка в памяти, Один, и вспомни, каких трудов стоило у ётунов молот Винг-Тора отобрать! И это нам, богам, а не кому-нибудь! С Чашей же куда потруднее будет. Прознал я, где она и в чьих руках обретается ныне. Думаешь, через столько-то столетий легко было отыскать? То-то что головой крутишь! Нидхёгга, тварь эту беспутную, помнишь?

— Помню. И что же?

— Так он, негодный, как из Мидгарда дереву дал, Асов убоявшись, как раз в Междумирье и обосновался. Сюда и носа не сут, а паче того в Мидденгард, знает — и там и здесь делать ему нечего. Целое племя отпрысков своих гадостных наплодил и, почитай, почти пятую часть земель тамошних под собой держит. Он как раз Глердинга и сгубил...

Отец Целестин не выдержал такого потока загадок и, осторожно перебив Локи, спросил: кто же такой Нидхёгг. Имя было вроде знакомое, но где он его слышал — монах сказать не мог.

— Нидхёгг — сильный и грозный дух, что воплощён в образе Черного Дракона, — пояснил Один. — Его мощь и дарование к волшбе таковы, что он может принимать любое обличье. Чаще всего предстаёт он в виде человека или змея. Когда-то он жил здесь, но после последнего изменения мира мы, боги, все вместе изгнали его в Междумирье, ибо злоба Нидхёгга чернее его чешуи и людскому племени, от потрясений да бед не оправившемуся, он немало бы бед принес.

— Во-во, — подхватил Локи, — Трудхейм как раз у него сейчас. И если даже Асы едва с Нидхёгтом справились, то куда уж горстке смертных у него Чашу отобрать? Одно хорошо — пользоваться ею он не может, благо завет Сил на ней лежит, чтобы только рукам людей крови Элендиловой Чаша подчинялась. Но уж стережёт он ее будь здоров! И вам туда опять же соваться не надо. Нидхёгг только и ждёт, чтобы истинного владельца Чаши словить да себе подчинить...

— А зачем? — спросил Торир. Локи, видимо сектуя в душе на непроходимую тупость смертных,

тяжко вздохнул и, подперев рукой подбородок, издавательски ласковым тоном ответствовал:

— Да чтобы Чашу работать заставить! Что ж тут непонятного? Вот попадёшь ты к нему в лапы, засадит он тебя в тёмную на хлеб да на воду, а то и бороду смолой вымажет и факелом ткнёт, коль упираться долго будешь. Как миленький к нему в услужение пойдёшь и будешь Врата отпирать куда надо и не надо! То-то Нидхёгг во всех мирах широху наведёт! С него станется, если уж он Гарма-пса к себе сманил...

— Это твоего сыночка Фенрира, что ль? — вставила Гёндуль, отрывая от себя Гуннара, проявлявшего чрезмерное рвение и уже предложившего прогуляться по округе, явно надеясь на нечто большее, чем братские объятия.

— Дура! — огрызнулся Локи. — Фенрир мой — волк вполне приличный, только озлобился больно от жестокого обращения! Кто его на цепь посадил, спрашивается?

— Спрашивается, кто в греховной связи со Старухой из Железного Леса породил это убожество, всем богам на позор? — отпарировал Один. Локи вначале наился, обидевшись, но потом продолжил:

— Гарм — это вам вовсе не Фенрир! Гарм — чудище каких поискать! Он некогда в этих местах обитал, в услужении у Потерявшего Имя. Тварь наигнуснейшая. Правда, по старости в маразм впал, но злости в нём ко всему сущему не убавилось. Все вспоминает, как вход в Подземный мир охранял...

— В какой еще подземный мир?! — Отец Целестин вспомнил слова Гладсхайма о том, что в Ис-

ландии есть прямые ходы туда, а если еще сопоставить речи Локи и рассказы Хёгни про великанов огненных, да разбавить всю эту мешанину вдолбленной в монастыре христианской мифологией, то картина получалась откровенно устрашающая. Даже если плюнуть на всех богов, духов и великанов с драконами скопом, в любом случае доброму католику слова об огненных подземельях ничего хорошего не сultaт.

— Тот, кого кличут во всех мирах Потерявшим Имя или же богом-великаном, в этих землях крепость свою держал. — Один посуревел лицом, ему было явно неприятно про это говорить. — Еще во времена первого изменения мира Созидатели, видя гнусности и непотребства, им чинимые, вместе с ратями людей и иных народов изничтожили и крепость, и всех, кто, как думалось, был в ней, а Потерявший Имя сгинул навеки. Земли сии ушли под воду, но когда вновь были исторгнуты из глубин, оказалось, что часть духов и живых тварей из сонмища Потерявшего Имя все это время обитали в подземельях крепости и, вернувшись в верхний мир, принялись за старое. Хорошо, хоть земля эта теперь островом стала и с краями другими не соприкасается, а то такое бы началось! Мы — духи, Асы — как могли боролись с наследством Духа Тьмы и преуспели в том: ныне многие из его порождений либо изничтожены, либо же изгнаны из Мидгарда. Но есть в подземельях сего острова и такие монстры, против которых бессильны боги — вы называете этих существ ётунами, огненными великанами. Еще им имя было «сигелвар», что на одном из забытых ныне языков означает «сажа солнца». Спаслось их тогда немного, да и днём они не выбира-

ются на поверхность, а когда все же появляются — далеко от нор своих не отходят. Вот те подземелья Ётунхеймом и называют. Не пойму, конечно, зачем тебе понадобилось ломиться в обиталище ётунов — там смертным делать нечего... Ох, своенравны вы, люди!

— А отчего Асы против великанов ничего поделать не могут? — Торир старался обойти неприятную тему. Попрёки самого Одина кого хочешь приведут в смущение. Один же задумчиво пригладил правой рукой волосы, но все же дал ответ:

— Ётуны — они ведь тоже духи, да и не слабейшие отнюдь. Некогда они первыми среди слуг Потерявшего Имя числились, повелителю своему не за страх службу неся. Мы, Асы и Ваны, да родичи наши — вот Гёндуль возьми хотя б — тварям огненным в мир широкий выйти не даём, зло чинить не дозволяя. И то ладно.

— Ничего, — встярал Локи, — как миры разделятся навеки, так и ётунам крышка вместе с вами всеми. Они тоже силу с обликом телесным потеряют, как и ты, Один. Только у тебя-то путь назад есть. Хватит тут рассусоливать, решайся: остаешься или...

Речи его прервал звук сочной затрешины и немедленно последовавшие стоны Гуннара. Германец, похоже, слегка переборщил — Гёндуль, рассердившись, едва не снесла ему полчерепа ударом могучей руки. Гуннар на четвереньках отползл от поднявшейся на ноги валькирии, пронзавшей его свирепым взглядом.

— Мал еще, чтоб такие вещи мне говорить, щенок! — пророкотала своим гулким басом дева. — Ща как...

И она занесла ногу, чтобы дать Гуннару

пинка. Прочие начали было опасаться за его жизнь, но Гуннар каким-то лягушачьим прыжком отскочил за спину Одина, и намечавшийся удар пропал втуне. Гёндуль, потеряв равновесие, грузно плюхнулась на камень, ворча сквозь зубы что-то непозволительное представительнице прекрасного пола. Локи ехидно ухмыльнулся, косясь на выглядывавшего из-за плеча Одина Гуннара, на чём лице явно было написано удивление и обида. И что она взъелась, а?! Ведь ничего такого и не сказал... Сама же первая начала!

Гёндуль, поправив съехавший на ухо шлем, смачно харкнула в огонь, всем своим видом воплощая оскорблённую непорочность.

— Ладно, полечу я, что ли, и так засиделась, а дел невпроворот еще.

— Никуда ты не полетишь! — заявил Один. — Вот сейчас с конунгом договорю, и уйти мне надо будет. А ты ночь с ними проведёшь, от опасности охранишь, если что. Сама знаешь, места тут какие...

И действительно, отец Целестин только сейчас заметил, что прошел уже не один час и дело к вечеру близится. Похоже, в Ската-фьорд до темноты вернуться никак не выйдет.

— Как уйдёшь? — набросился на бога монах. — А мы? Сам же говорил, что ётуны эти вокруг ходят!

— Вот потому Гёндуль с вами оставляю. Ничего, она и за себя постоять сможет, и вас от опасности какой огородит. Только сами на рожон не лезьте. Ход в Ётун-хейм отсюда далеко, хорошо, хоть до тех мест вы не добрались. Великаны стараются на открытых местах

даже ночью не появляться.

Гёндуль попыталась что-то возразить, но Один, прикрикнув на неё, положил конец всем рассуждениям. Валькирия, смерив грозным взглядом притихшего Гуннара, уселась поудобнее, привалившись спиной к гигантскому валуну, и стала обозревать хищным взором оставшихся, очевидно выбирая новую жертву. Гудмунд шёпотом спросил германца, что же он такое сказал дивной воительнице. Услышав ответ, побледнел и зажмурился от ужаса. Гуннар только хихикнул.

— Вот что я вам еще сказать хочу, — продолжил Один, сердито глядя то на Гёндуль, то на Гуннара, — Трудхейм, как сами вы понять могли, раздобыть сложно, если не невозможно. Отправлю я кое-кого в Междумирье, чтоб дело прояснить, вы же пока на запад идите. Там еще раз встретимся, и тогда все, что узнаю, вам открою. Пока же лишних вопросов не задавайте.

— Куда плыть-то, может, знаешь? — осведомился Торир.

Один объяснил, что от Исландии путь держать надо к юго-западу. В двух седмицах плавания с попутным ветром (а это Князь Асов взялся обеспечить) появится земля, тянущаяся с юга на север. Дав несколько примет, Один посоветовал идти на юг вдоль берега, благо в краях тех можно наткнуться на одно из трёх поселений норманнов, что из рода Хейдрека Рыжебородого. Там, буде встреча окажется такой же теплой, как и в Исландии, и ждать его появления либо же того, кого Один пошлёт к Ториру от своего имени. Ну а если Хейдрек или люди колена его в приюте дружине Вадхейма откажут, то высадиться где-нибудь на берегу и опять же ждать.

— В леса тамошние ходить не советую, —

заметил бог — и люди там недобрые, да и встретить кое-кого похуже, чем ётуны, можно.

— Это точно. Вендиго спуску никому не даст, — кивнул Локи.

— А кто это? — робко спросил Видга.

— Вендиго-то? Местный божок. Своловь, между прочим, редкая. Подчинил себе несколько племён людей, и все бы ничего, если б не злоба его непомерная. К чужим относится с враждою, а своих на всяческие мерзости склоняет. — Локи поморщился от отвращения. — Кто он, откуда взялся — не знаю, только вот чары на вас напустить нехорошие может либо подвластные ему племена натравить.

— А как он выглядит?

Локи прыснул со смеху, недоброго надо сказать:

— Увидишь — уж не спутаешь. На человека Вендиго мало походит, и мнится мне, что он тоже из рода духов, пришедших в Мидденгард Неразделенный вместе с Потерявшим Имя. Если шкура вам дорога — слушайтесь Одина и от берега не удаляйтесь. Целее будете.

«М-да-а. Перспективка. Здесь ётуны, там Вендиго какой-то. А боги с валькириями чего стоят? — подумал отец Целестин. — И на кой я ввязался в эдакую заваруху? Вот ведь шило в заднице на старости лет заворочалось!»

— Так ты нам сейчас ничего про Трудхейм и не скажешь? — Торир выглядел разочарованно. Выходит, опять «пойди туда, не знаю куда»... Сколько ж можно вслепую-то плыть?

Один в ответ только руками развёл:

— Выходит, не скажу. И сам толком ничего не знаю. А с Нидхёгтом вы еще познакомитесь, если

желания Чашу добыть не потеряли. Вот разведают мне то, что Локи узнать не удосужился, тогда и говорить будем. И еще: не вздумайте сами Дверь Меж Мирами искать. Мало что на Вендиго или тварей из свиты его напоретесь в лесах, так еще попадёться на глаза кому не нужно.

Возле Двери всякого отребья из Междумирья шныряет предостаточно. Мигом Нидхёггу донести могут, что потомок Элендила за Чашей прийти собирается. Вот тогда-то черный дракон вам теплую встречу уготовит... Поняли?

— Поняли, — вздохнул Торир, — сидеть смирно либо у Хейдрека, либо на бережку и тебя, Могучий, или гонца твоего ждать.

— Ну вот и замечательно! — улыбнулся Один, поднимаясь и оправляя плащ. — Ну что, Локи, пойдём Асов на Тинг собирать. Вестями поделившись.

Один поднял свой мешок, забросил его за плечи и надел шляпу. Волки вскочили на ноги, встряхнулись и уставились преданными глазами на своего господина.

— Гёндуль! — позвал Князь Асов валькирию. Дева упорно делала вид, что дремлет, но из-под полуприкрытых век блестели синие глаза. — Гёндуль, дождись с ними утра, а потом можешь отправляться куда душе угодно. Если что, на помочь зови, а не геройствуй.

— Ладно тебе! — Валькирия потянулась и зевнула, показав во всей красе ротик, в котором свободно поместился бы кулак Торира и еще место бы осталось. — Чему тут случиться? Но уж если надо, то сделаю, что велишь.

— Я огонь вам оставляю, — Один повернулся к Ториру, — место тут хоть и открытое, но вот ка-

мень опять же от ветра прикроет. Не вздумайте отсюда уходить. В Поселок завтра к угру вернётесь.

Все встали проводить верховного бога Скандинавии. Отец Целестин даже попытался сделать неуклюжий книксен, но Один явно не одобрительно относился к чинопочитанию, в отличие от Локи, которому доставили большое удовольствие отвешенные ему поклоны. Отойдя на десяток шагов от камня, Один опять сунул два пальца в рот и свистнул. Долгий, оглушительный и переливчатый свист пронёсся над каменной пустыней, а чуть погодя раздался топот копыт, и перед изумлёнными взглядами людей появился конь, вынырнувший из серых сумерек.

— Слейпнир, хороший! — Один погладил своего скакуна по гриве, а тот, довольно фыркая, прямо пританцовывал, радуясь встрече. Все бы в Слейпнире было ничего — и статный, и красивый, хвост, как знамя, по ветру вьётся, только ног почему-то восемь. Две дополнительные передние ноги росли из груди в один ряд с теми, что положены, а две задние — также из живота, отчего лошадь слегка смахивала на паука-переростка. Лошади Торира и остальных косились на явленное диво с недоверием.

— Его папой Пегас был, — объяснил Один раскрывшему рот отцу Целестину, — думали, ребёнок тоже с крыльями родится, а вышло вот такое... Ох уж мне эти эксперименты над животными!

Бог вскочил на спину своего чудного скакуна. Тут же Локи занудно произнес:

— Мне что, опять своим ходом? Может, вдвоём поедем?

— Слейпнир не выдержит двоих. И, кроме того, что за привычка — ездить на спине собственного сына? — сделав каменное лицо, ответил Один и, ударив коня пятками, издал какой-то жуткий клич, напоминающий вопли терзаемых в аду грешников. Слейпнир с места взял в галоп, потом резко подпрыгнул и взмыл в воздух. Оба волка последовали за ним. Зрешице было потрясающее.

Локи выругался, сплюнул и вдруг встал на четвереньки, бормоча непонятные слова. Внезапно он начал расти, и облик его более не походил на человеческий. Лицо удлинилось, вместо ступней и кистей обозначились копыта, а через минуту перед отцом Целестином и его спутниками стоял небольшой конёк тёмно-бурой с рыжим масти. На спине просматривались малюсенькие крыльшки.

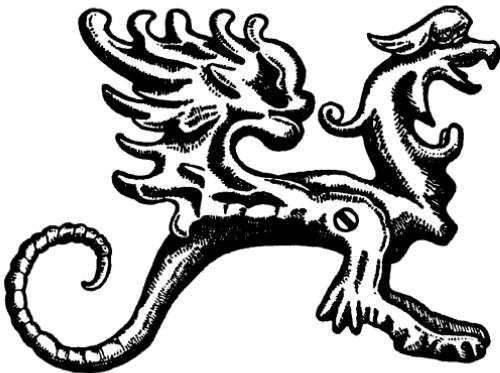
— Что, это и есть Пегас? — не выдержал Гуннар, хотя и не совсем представлял себе, о чём шла речь.

Конёк стукнул копытом, оскорбительно заржал и часто-часто захлопал крыльями, больше подходившими голубю, чем твари его размеров. Наконец он с трудом взлетел, присоединившись к кружашему над головами людей Слейпниру.

— Ждите меня в западных землях!! — сквозь свист ветра прорвался зычный голос Одина. — Мы еще не раз встретимся!

Все, задрав головы, наблюдали, как тёмные силуэты странных созданий уменьшались, исчезая в низких облаках. К реальности их вернулся сварливый бас Гёндуль:

— Мужики, пожрать чего есть?..

8. СТРАНА ОГНЯ

Один сдержал обещание: выбивавшиеся всю ночь из каменной плиты языки огня по-прежнему весело плясали среди кромешной ночной тьмы, что плотно окутывала Исландию. Ветер, шипя и свистя на разные лады среди натыканых по равнине валунов, поднимал мелкую ледяную пыль, изредка швыряя холодные пригоршни снега в маленький лагерь, образовавшийся вокруг волшебного огня. С этим неудобством, однако, можно было смириться. Громадный, в четыре человеческих роста, камень нависал над костерком подобно стене, укрывая людей и лошадей от самых яростных шквалов, то и дело налетавших со стороны недалёких холмов.

Хотя Торир и несколько робел поначалу в присутствии страстной валькирии, но довольно быстро взял обустройство ночлега в свои руки и постарался на славу. С лошадей сняли мешки с едой и запасной одеждой, расстелили несколько шкур между огнем и каменной глыбой так, что получилось довольно уютное

лежбище, пусть и несколько тесноватое. Пока Видга и Гудмунд стряпали ужин, прекрасная валькирия с томным вздохом опустилась на подстилку, заняв едва ли не половину свободного пространства. Развалась перед огнем, красавица, нисколько не задеваемая осуждающими взглядами отца Целестина, негодовавшего на ее костюм (а вернее, на отсутствие такового), распустила косы и, достав непонятно откуда костяной гребень, занялась приведением своей внешности в надлежащий вид. Когда волосы цвета соломы под солнцем были тщательно расчёсаны, Гёндуль оказалась закутанной в великолепный золотой плащ из собственных волос, доходивший до колен. Это зрелище даже отцу Целестину доставило удовольствие, ибо на некоторое время воительница стада выглядела несколько скромнее, чем обычно. Гуннар же, мгновенно позабыв обиду, взирал на предмет своего вожделения с нескрываемым обожанием.

Монах сидел на камешке и, глядя на оранжево-красные языки пламени, в который раз пребывал в состоянии меланхолии, граничащей с умственным расстройством. В сравнении с днём прошедшим все происходавшее ранее (если, конечно, не считать событий в дни датского нашествия на Вадхейм) казалось просто ерундой. Элдар, странности Видги, рассказ Хёльги меркли перед перспективой очутиться чёрт знает где — в Междумирье каком-то, кишащем богомерзкими созданиями, чудовищами и духами. Опять же очень тяжело было отцу Целестину согласиться с существованием тех, против кого он неустанно проповедовал последние годы, — с языческими богами. Ещё сложнее — уверовать в то, что они вовсе не кровожадные, разврат-

ные и злобные, а Один абсолютно не похож на того высокомерного и своенравного Князя Асов, коим его описывают саги. Просто уставший и спокойный старик. Ха! Старик стариком, а душа твоя, брат Целестин, ушла в пятки, когда Один показал, кем он является на самом деле. И посейчас без дрожи в коленях вспомнить нельзя сгусток пламени, возникший на месте благообразного старца! Ну а Локи? Судя по сказаниям — ублюдок совершенный, а сейчас вёл себя вполне пристойно, пусть и видно в нём самомнение непомерное. Интересно, как это он в лошадь превратился?

Отец Целестин, как мог, отгонял мысли о Междумирье, Чаше Трудхейм, Нидхёгге и прочих прелестях, ждавших за Дверью Между Мирами, но богатое воображение неутомимо рисовало ему картины того, как громадный черный дракон, с зубами в бычий рог величиной, перекусывает пополам Торира или Сигню, а злорадный пёс Гарм терзает тело Видги...

«А ну хватит! — прикрикнул на себя монах. — Еще толком ничего про те места не знаешь, а уже воображаешь себе невесть что! Спать давно пора, а не изводиться пустыми кошмарами! Может статься, и сказки все это!»

Однако неприятное ощущение, что сказками тут даже не пахнет, не проходило.

Ужин прошел в молчании, Торир с Видгой сидели мрачные, переваривая в себе рассказы Одина и не желая говорить ни с кем. Гудмунд, твёрдо уверовавший, что на конунге Вадхейма лежит особое благословение богов Асгарда, и впервые в жизни столкнувшись с настоящими чудесами наяву, а не в песнях скаль-

дов, помалкивал, изредка бросая почтительные взгляды на Гёндуль. Дева манерно кушала, отправляя двумя пальцами в рот куски рыбы, какие и волку с одного раза трудно заглотить. Гуннар по-прежнему играл роль пылкого влюблённого, хотя и побаивался теперь даже обратиться к валькирии, не то что позволить себе лишнее. Гёндуль напустила на себя ледяную холодность, не обращая внимания на вздохи германца; однако по всему видно было, что такое занятие тяготит восхитительную красавицу.

— Вы спите давайте, — приказала она, настытившись. — Устраивайтесь, и чтоб ни один не пикнул до рассвета!

— Э-э-э... — Гуннар, похоже, хотел возразить, но, получив испепеляющий взгляд Гёндуль, только скрипился, снял ножны с мечом и улёгся, положив оружие рядом. Валькирия, презрительно рыгнув, повернулась к нему спиной и, пока остальные, вполголоса препираясь, устраивались на ночлег, принялась заплетать косы.

— Может быть, вам дать мой плащ? — участливо предложил валькирии отец Целестин, но та отрицательно помотала головой, даже не оглянувшись на монаха.

«Ну и мёрзни, чёрт с тобой! — решил отец Целестин, укладываясь под бок Торира. — Холод такой, что плащ мне и самому не помешает...»

Он закутался поплотнее и закрыл глаза. Тело изрядно болело, — как-никак, полдня верхом монах не проводил уже лет пятнадцать, со времён давних путешествий в молодые годы. Только сейчас поняв, что устал за прошедший день ужасно, отец Целестин

мгновенно заснул, не обращая внимания на промозглый ледяной ветер и тонкую подстилку да искренне надеясь на бестревожную ночь.

Началось все с того, что монаха будто толкнуло. Он вынырнул из сна так же быстро, как и заснул. Подняв голову, отец Целестин осмотрелся, стараясь не позволить ветру выдуть из-под плаща последние остатки тепла.

Все вроде в порядке. Гэндуль по-прежнему сидит уставясь лазоревыми очами на огонь и обхватив колени руками. Торир и другие спят совершенно безмятежно, точно Вадхейм тут, а не Исландское плоскогорье. Вокруг тихо, лошади изредка переминаются с ноги на ногу, постукивая копытами о камень. И все же что-то не так.

Монах поднялся, стуча зубами от холода, и, осторожно присев рядом с ушедшей в свои думы валькирией, протянул руки к костру.

— Что? — Дева лениво подняла взгляд на монаха. — Не спится?

— Ты ничего не замечаешь? — шёпотом спросил отец Целестин, беспокойство которого все возрастило. В окружे явно происходило нечто странное, по его мнению. Даже казалось, что слух улавливает отдалённый хруст либо шорох.

Дева огляделась, сдвинув шлем на затылок. На его золочёных рожках поигрывали отблески огня.

— А ну-ка... — Схватив отца Целестина за руку, Гэндуль потянула его за собой в темноту. Отойдя по дальше от неровного круга света, она остановилась, прислушиваясь. Можно было разглядеть сдвинутые брови и встревоженное лицо — достаточно, по

мнению монаха, грозное, чтобы напутать любого великана.

— Гляди, — не повышая голоса, сказала Гёндуль и вытянула руку во тьму. — Там... видишь? Ведь прямо к нам прётся, сволочь!

— Кто прётся? — тоненько закричал охваченный цыплячей паникой отец Целестин, не видя ни зги. Только где-то очень далеко мелькали неверные сполохи, как от пожара. О Господи!..

Если бы святые услышали горячий призыв монаха, то ничего бы в нём не разобрали. От ужаса начал заплетьтаться язык и подломились колени, — если бы не сильная рука Гёндуль, обхватившая отца Целестина, он наверняка бы свалился. Лошади, жавшиеся вокруг костра, как с ума сошли. Естественно, что ноги им не спутывали: разумные северные животные ни за что не отойдут от человека. Но сейчас, с истерическим ржанием, все шесть коней, выбивая копытами отчаянную дробь, порскнули прочь, чувствуя надвигающееся Нечто.

Черно-багровый силуэт приближался, иногда исчезая за скалами. Чудовище, даже издали казавшееся до безобразия громадным, наверняка ориентировалось по свету костра, сиявшего одинокой звездочкой на плоской равнине, полого опускавшейся в сторону моря. Пока еще тень была далеко, и отец Целестин видел лишь бесформенное пятно тьмы со струящимся по краям огнем и мерцающими щелями глаз.

— Ётун, — странно спокойным голосом пояснила валькирия, хотя это было и так понятно. — Назад! Сейчас будет веселье!

Остальные уже повскакали на ноги, раз-

буженные бегством лошадей, а Торир едва не кинулся с мечом на внезапно вынырнувших из темноты Гёндуль и монаха.

— Попробуем сами с ним разобраться, — самонадеянно заявила Гёндуль. — Убить мы ётуна, конечно, не сможем, а вот отогнать...

Валькирия вытянула вверх руки, произнеся несколько слов на неизвестном отцу Целестину наречии. Поверх ее ладоней начал стущаться сине-серебристый туман, из его гущи возникли дивной работы меч и окованый золотом круглый щит. Закончив творить заклинание, дева нахлобучила поглубже шлем, взяла оружие и повернулась к людям:

— Не лезьте, сама справлюсь.

Торир ощерился и, выбросив перед собой меч, отступил назад, упервшись спиной в монолит. Перед разложенным Одином костерком выросла фигура огненного великаны из Ётунхейма.

Облако не облако, сгусток не сгусток, но плотная и явно живая (и в то же время неживая) масса, имеющая лишь отдаленное сходство с человеком, колыхалась всего лишь в десятке шагов от закрывшейся щитом воительницы. У ётуна чётко различались руки и некое подобие головы, остальное тонуло в бликах бездымно пылавшего, тёманого, как отгоревшие, но еще горячие угли, огня. Весь его силуэт был окружен пламенем, в котором не чувствовалось жизни и тепла — только пепелящий жар. Правая рука сжимала меч, точно созданный из багрового языка подземного огня, — широкая, мерцающая полоса превосходила длиной все мечи, виденные когда-либо Ториром и его спутниками. За спиной чудовища распахнулись крылья непрогляд-

ной тьмы. Люди сбились в кучку у валуна, выставив свое жалкое по сравнению с этим оружие. От чудища их отделяли лишь ставший солнечно-ярким костёр Одина да приготовившаяся к бою Гёндуль.

— А ну убирайся в свою берлогу, мразь! — рявкнула дева взиравшему на неё красными глазами ётуну, а затем, дабы произвести на противника более сильное впечатление, добавила несколько фраз, касавшихся его родословной до седьмого колена включительно.

«Теперь точно убьёт! — стукнуло в голове у отца Целестина, прятавшегося за спинами Видгу и Гудмунда.

— Я бы на его месте такого не потерпел!»

Краем глаза монах заметил, что Гуннар развязывает мешочек со своим снадобьем. Чего еще этот варвар удумал?

Ётун не отвечал. Только языки огня, в которые был облачен великан, взметнулись ввысь с шипением тысячи разъяренных змей. Он стоял словно раздумывая, и удар, расколовший надвое щит Гёндуль, пришелся неожиданно. Валькирия успела отскочить, сбросив обломки с руки, и тотчас воздух в том месте, где она только что стояла, прочертила огненная полоса — ётун мог запросто разрубить деву пополам. Новый удар Гёндуль отразила мечом, отведя клинок великана вниз, так что остриё его пробороздило каменистую почву, оставив там дымящийся след.

— Помоги нам Тор-Воитель и Хёймдалль-Страж! — выдохнула валькирия. Подняв левую руку, она выкрикнула короткое заклинание. Громыхнуло, с пальцев девы сорвалась толстая синяя

молния, ударив великана в грудь и заставив отступить на несколько шагов. Окрестности огласились жутким рёвом.

— Получил? — зло рассмеялась дева. — Еще хочешь?

Ётун перемещался быстро и плавно, подобно дыму. Внезапно он снова оказался перед валькирией, и из свободной его руки вырвалось грязно-дымное, как будто жидкое, пламя. На мгновение оно целиком окутало Гёндуль, и у отца Целестина упало сердце: «Без неё мы пропали!» Гуннар издал угрожающий рык.

Валькирия вырвалась из пламенного облака цели и невредимой. Правда, шлем потускнел и волосы утратили свой блеск. Отпрыгнув подальше, Гёндуль вторично запустила в колыхавшуюся перед ней тварь молнией — и ётун опять отступил. Следующее, очень напряжённое, мгновение стояла тишина. Никто не двигался, даже ётун. Потом великан заворочался, не решаясь подойти к разъяренной воительнице, и вдруг изверг низкий громкий звук. Можно было даже различить слова, слившиеся в единую связную фразу, но языка не понял никто, даже Гёндуль. Одно слышалось чётко — это был призыв. Ётун явно звал кого-то на подмогу.

Гуннар приобрёл устрашающий вид — сказывалось действие принятого им средства, однако соображал германец по-прежнему хорошо. Наклонившись к уху отца Целестина, он прохрипел срывающимся голосом:

— Его сущность — огонь. Огонь гасят водой. Где фляга с водой, посвящённой твоему богу? Ты брал ее, я знаю!

Отец Целестин, заворожённо глядя в бе-

зумные глаза Гуннара, отцепил от пояса бутыль со святой водой, не понимая, что тот собирается делать.

Германец сорвал пробку, плеснул водой на свой меч, сунул флягу обратно в руки монаха и выскочил вперед, как раз в момент, когда огненный великан решился на очередную атаку, обрушив на Гёндуль багровый клинок и новую струю жидкого пламени.

— Гуннар, назад! — отчаянно завопил Видга, и только железная хватка конунга удержала молодого норманна от попытки ринуться вслед за германцем, который с малоразборчивым, но явно донельзя непротивостоящим кличем легко перепрыгнул через костёр и разбросанные в беспорядке вещи, отпихнув опустившуюся на одно колено Гёндуль, упал, перекатился под мечом ётуна, оказавшись у самого основания черно-багрового облака, возле места, где у всех нормальных существ находятся ноги. Лежа, Гуннар поднял руку, вооружённую стареньkim, изрядно иззубренным мечом, что подарил Торир, и, размахнувшись как мог, пропорол плотную черноту, сделав широченный разрез, откуда вместо крови хлынул огонь. В то же мгновение Гёндуль еще раз метнула молнию, целясь туда, где у ётуна было подобие головы.

Полыхнуло жарким, слепящим-белым огнем. Там, где стоял великан, взметнулся купол белоснежного огня, быстро разраставшегося и рассыпающегося на драные бездымные лохмотья, поджигавшие все встречавшееся на пути. Вихрь, составлявший сердцевину купола, рванулся в небеса,красив облака багровым цветом, и исчез. Гуннар, вопя благим матом, сдирая с себя

горящую безрукавку, а пришедшая ему на помощь валькирия пыталась сбить пламя.

Все кончилось как-то неожиданно, и монах не сразу понял, что ётун сгинул. Совсем.

— Вы .. вы убили его? — облизывая пересохшие губы, робко спросил Видга у валькирии, сидевшей на корточках рядом с подававшим слабые признаки жизни Гуннаром.

— Как же, убьёшь его, поганца, — мрачно ответствовала дева. — Сбросил обличье да сбежал к себе, в Ётунхейм.

— Он не вернётся? — пискнул отец Целестин, глядя на Гёндуль вылезающими из орбит от пережитого ужаса глазами. Монах никогда не признавался себе в том, что он отъявленный трус, но все же данный факт оставался вопиющей реальностью.

— Не знаю, — буркнула валькирия. — А до рассвета, между прочим, ждать еще и ждать.

Гуннар очнулся на удивление скоро и вперился слезящимися глазами в Гёндуль:

— Ты как?

— Я-то ничего, — хмыкнула валькирия. — А ты, как погляжу, мужик крутой. Люблю таких. Вставай.

Она помогла германцу подняться на ноги. Его качало, но выглядел Гуннар неплохо, умудряясь даже не падать.

Но неприятности только начинались. Видга разглядел вдали еще несколько багровых теней, — похоже, призванная первым нападавшим помочь наконец прибыла. Отец Целестин, несмотря на истерический настрой, дрожь в руках и прочие неприятности, сопровождавшие чувство, именуемое смертным ужа-

сом, сумел-таки с пятого на десятое объяснить, отчего удар Гуннара стал решающим в минувшей схватке. Все, не исключая Гёндуль, окропили оружие святой водой еще до того, как на сцену перед костром Одина вышли враги.

— Нет, нам тут даже с волшебным составом не выстоять, — мрачно сообщила валькирия, глядя на воинственные приготовления несколько приободрившихся людей. — Этих гадов сюда, наверно, с десяток идёт. И на кой мы им сдались?

Дева опустилась на колени и, не слушая тревожных окликов, быстро-быстро зацептала слова, другим не слышные. Затем прочертilla мечом в воздухе несколько знаков — отец Целестин разобрал очертания рун: «тейваз» и «эйваз». Немного знакомый с основами суеверия, именуемого норманнами рунической магией, он начал понимать, что Гёндуль взывает к богу Тору с просьбой о защите. Ну что ж, пусть помогут нам все святые, Иисус, Дева Мария.. и Аса-Тор!

Когда восемь пылающих теней сгрудились возле валуна сплошной стеной огня, валькирия было уже не до геройства. Как и смертные, валькирия прижалась к холодному камню, надеясь только на крепость меча и милость богов. Тёмный огонь ревел вокруг, становилось все труднее дышать, и жар бил в лица. Отец Целестин мысленно прикидывал, куда его отправят — сразу в ад или все же в чистилище. Впрочем, о каком аде может идти речь, когда вот он, наяву! Именно такими и представлял святой отец демонов преисподней — большие, черные, с огнем и пылающими глазами.

Самый решительный ётун атаковал почти сразу, пустив в дело меч. К счастью, Гёндуль среагирова-

ла моментально — удар, направленный в Гудмунда, не достиг цели, парированный быстрым движением ее клинка. Сын Хёгни Ингвиссона не остался в долгу: воспользовавшись замешательством чудовища, он сделал выпад и ткнул в густо-чёрный ступсток, заставив ётуна взреветь от бешенства и отпрянуть. Менее настырные чудовища, заметив пусть небольшую, но болезненную рану своего сотоварища, остановились, словно ожидая чего-то.

Краткая передышка спасла жизнь и отцу Целестину, и конунгу, и всем, кто был с ними. Ётуны дождались, но явно не того, кого им хотелось.

Происшедшее в последующие минуты отцу Целестину хотелось бы забыть раз и навсегда.

Собственно, никто толком и не понял, что же случилось. Внезапно поплыла и затряслась земля, от валуна начали отваливаться небольшие осколки, а затем тряхнуло так, что никто не удержался на ногах, и у подножия скалы образовалась весьма неприглядная куча мала. Просто удивительно, что никто не напоролся и не порезался об оружие, вылетевшее из рук. Падая, монах увидел, как разлетаются в клочья тела ётунов, оставляя в горячем воздухе дымные следы и сполохи умирающего багрового огня. Грохот стоял немыслимый — в сравнение шло только явление Владыки Алдаро в Вадхейм; то справа, то слева вспыхивали и угасали сине-зеленые молнии, и монаху почудилось, что за спинами ревущих и отчаянно отбивающихся ётунов поднимаются очертания огромного молота и чьей-то исполинской фигуры.

«Это Тор, Тор пришел...» — эта мысль стала у отца Целестина последней. Отковавшийся от валу-

на обломок с роковой неумолимостью угодил ему точно в темя. Вокруг по-прежнему грохотало, вспыхивало пламя, взлетали и исчезали в небесах огненные вихри, ввинчиваясь в низкие тучи и растворяясь в них...

* * *

— Да ничего с ним не случится. Вот, пожалуйста, уже глаза открыл... — проговорил спокойный мужской голос, не знакомый отцу Целестину. Монах поднял голову, превозмогая жуткую боль в затылке и тошноту и пребывая в уверенности, что ночью ему привиделся на диво жуткий кошмар. Вспомнились Один, Гёндуль, как укладывались спать. Все само собой разумеющееся, привычное. Боги, валькирии всякие... А что потом?

Исландское плоскогорье заливала грязно-серый свет, какой бывает только в утренние часы ненастного и холодного осеннего дня. Над головами проносились к востоку лохмотья облаков, похожие на сожжённые обрывки отслуживших свое тряпок. По-прежнему подывал на разные лады ветер, а вокруг, куда ни взгляни, серел под тусклым, не желающим радовать человека солнцем снег. Исключение составляли только черно-коричневые холмы, поднимавшиеся на юге. И земля вокруг валуна, невесть кем брошенного посреди безжизненной равнины.

Все так же шипел, выпраштываясь из каменной плиты, огонь, швыряя вверх белые язычки, гаснувшие на пронизывающем ветру. Туша огромного камня возлежала на земле, так же как и сотни лет до этого дня и как будет лежать еще сотню лет после него. Только на

пятьдесят шагов вокруг места, где отца Целестина и его друзей встретил Один, все, включая тонкий слой торфа, базальт, карликовые деревца и небольшие камни, опалила неведомая сила, окрасив в черный цвет смерти и без того неживую землю Страны Льдов.

Сильные руки Торира усадили монаха, даже не пытавшегося протестовать из-за раздирающей головной боли, а Видга подсунул ему под спину свёрток полуобгоревшего меха. Медленно, с трудом отец Целестин начал вспоминать события прошедшей ночи.

— Все живы? — Он с трудом разлепил губы. Каждый звук отдавался в голове колокольным звоном.

— Живы, живы! — отозвался все тот же незнакомый голос. Монах сквозь полуоткрытые веки почувствовал, что свет загородила чья-то тень. Присмотревшись, отец Целестин разглядел-таки присевшего рядом с ним на корточки человека, с улыбкой рассматривавшего страдающего душевно и телесно монаха. Неизвестный — плечистый и рыжебородый молодой мужчина с весёлыми серо-зелеными глазами — протянул к монаху правую руку:

— Лежи смирно. Сейчас тебе станет получше.

При всем желании монах не смог бы лежать «не смирно». Каждое движение лишь усиливало боль и вызывало спазмы в желудке. Когда же сильные пальцы рыжебородого коснулись лба, отец Целестин ощутил, как от его руки разбегаются волны приятного, облегчающего холода, а затем боль стала уходить, оставляя только маленький очаг воспоминаний о себе где-то в глубине черепа. Словно из потухшего очага забыли вытащить последний тлеющий уголек.

— Ну как? — участливо спросил человек, заглядывая монаху в глаза.

— Спасибо, почтенный... не знаю твоего имени, вроде отлегло. — Отец Целестин осторожно потряс головой, боясь, что исцеление не настоящее и сейчас все начнется сначала.

— Мое имя не секрет, — сказал рыжебородый, поднимаясь и отряхивая тёмные полотняные штаны.
— Зовут меня Винг-Тор, или просто Тор. Сын Одина. Давай попробуй встать на ноги.

Тор нагнулся, поймал протянутую монахом руку и помог ему встать. Теперь отец Целестин во все глаза смотрел на еще одного — почитай, третьего — бога из тех, с кем довелось свести знакомство за последние сутки.

Память вернулась окончательно. Ётуны, швыряющие во врагов жидкий огонь, Гёндуль и Гуннар, сумевшие отпугнуть первого великана, потом еще десяток чудовищ, и наконец... Да нет же, ну как может быть этот вполне обычный человек тем гигантом с испускающим молнии всесокрушающим молотом? Хотя постойте, Один ведь рассказал (да и показал!), что дух может принимать любую форму, даже самую невероятную. Но все равно не верится...

Отец Целестин опустил глаза на пояс Тора и увидел висящий на левом боку тяжеленный боевой молот. Самый обычный — железная рукоять украшена золотыми бляхами, ремешок, чтобы на руку надевать, и все. Отец Целестин заворожённо, забыв о возможных последствиях, протянул руку к оружию бога. Тонкая, как игла, синяя искра вонзилась ему в палец прежде, чем он успел коснуться отполированной стали.

На указательном пальце тут же появилось красное пятно ожога.

— Опять руки зачесались? — съехидничал наблюдавший за монахом Гуннар.

— Нельзя смертному касаться Мье́ллынира, — строго сказал Тор. — Скажи спасибо, что этим все обошлось. А ведь и убить могло... Ну, я свое дело сделал, пора и отправляться. Да и вы домой возвращайтесь.

— Постой! — Торир тронул бога за плечо. — Как нам отблагодарить тебя, Винг-Тор?

Тор промолчал, оглядев собравшихся кружком людей. Затем вытащил из-за пояса латные рукавицы, надел их и легонько ткнул Торира в грудь:

— Ничего не нужно, кроме вашей доблести. Мы, Асы, любим героев. Один, отец мой, и Локи рассказали все, и теперь я знаю, что судьба богов зависит только от вас. Что может значить небольшая драка с великантами перед тем, что собирается сделать конунг Вадхейма, идя против Нидхёгга Чёрного? Верни Трудхейм в этот мир, Торир, Асы и Ваны всегда помогут тебе на избранном пути.

Тор развернулся и, не прощаясь, пошел в сторону. Только сейчас отец Целестин заметил, что слева от камня стоит громадная двухосная повозка, запряжённая двумя быками. Тьфу, да какие же это быки? В колесницу была впряженна пара козлов, да каких! Ни одна из зверюг не уступила бы размером громадным буйволам, виденным отцом Целестином в Индии. Изогнутые, в две человеческие руки длиной, рога, длиннющие жёлтые зубы и глумливые выкаченные глазища...

Козел справа вдобавок задумчиво жевал клок

шерсти, выданный из загривка своего соседа по упряжке.

Тор как ни в чем не бывало вскочил в повозку, помахал людям рукой и, взяв вожжи, стегнул ими козлов, моментально забывших свою меланхолию. Цельные деревянные колеса загрохотали по скрытым под тонким снегом камням, и вскоре повозка грозного бога-воителя скрылась в туче ледяной пыли, а затем и исчезла вовсе.

«Хорошо бы сейчас медовухи», — подумал отец Целестин.

— Мальчики, долго стоять будете? — рявкнула у него над ухом Гёндуль, заставив монаха вздрогнуть. — Домой что, и не собираетесь? Опять с ётунами повоевать хотите?

«Позвольте, позвольте, — подумал святой отец, прищурив глаза и озирая округу, — как же нам возвращаться? Лошади где? И еще на голодный желудок...»

Гёндуль словно подслушала его мысли:

— Без коней идти далековато и неудобно. Ну, я сейчас что-нибудь придумаю. Видга, иди-ка сюда. Тебе такие знания могут пригодиться. Мало ли что.

Она отвела Видгу в сторону и стала что-то объяснять, иногда вычерчивая пальцем на обгоревшей земле рунические знаки. Затем они оба опустились на колени, и валькирия запела. Видга вторил, стараясь в точности следовать музыке и ритму:

Клену тинга кольчуг
Даю я напиток,
Исполненный силы
И славы великой,

В нём песни волшбы
И руны целящие,
Заклятья благие
И радости руны...¹⁰

Отец Целестин, в котором вновь проснулось неуёмное любопытство исследователя, прислушивался, стараясь точно запомнить текст. Сейчас явно должно было произойти очередное чудо, и монах понял, что именно делает Гёндуль, только после следующих слов ее песни:

Статью Слейпнира,
Поклажею Грани,
Руною «науд»,
Памятью валлов,
Арваком и Альсвинном
Тебя заклинаю,
Мать лошадей,
Благая Эпона,
Верни своих чад
Славному конунгу.¹¹

Гёндуль, а за ней Видга прочертили перед собой в воздухе знак «науд» и еще один, отцу Целестину не знакомый. Все насторожились, чувствуя, как в воздухе вновь завибрировала Сила. На краткое мгновение взглядам людей предстало видение — очень красивая, благожелательно улыбающаяся девушка в белом платье, стоящая между двух белых же лошадей, а затем раздалось задорное ржание беглых коньков. Все шестеро вернулись словно ниоткуда. Вот только что их не было, а теперь стоят рядом, постукивая копытами, и трясут косматыми, нечёсаными гривами.

— Спасибо тебе, Эпона! — Гэндуль низко поклонилась в ту сторону, где мелькнула на миг богиня.

— Спасибо тебе, Эпона, — все как зачарованные повторили эту фразу и положили поклон. Даже отец Целестин.

Он припомнил все, что когда-либо слышал о таинственной древней богине. Самое потрясающее, на взгляд монаха, было то, что Эпона показалась им сама, — обычно она крайне редко представляла перед людьми. Ну а кроме того, отец Целестин считал, что ее время давно ушло: Эпона входила еще в римский пантеон богов, а сами древние римляне переняли манеру ей поклоняться у сгинувших ныне кельтов, почти сразу же после Рождества Христова. Монах видел в Италии остатки ее культа — почему-то на редкость стойкого: несмотря на то что богов Олимпа римляне прочно забыли, изображения Эпоны присутствовали почти во всех конюшнях, и даже в обители святого Элеутерия, на балке, поддерживающей потолок, какой-то нехристь нарисовал кельтскую богиню именно в том виде, в котором она предстала сейчас перед отцом Целестином, — стоящей меж двух лошадей. Неужели боги кельтов еще не ушли за границы этого мира? Видать, не ушли. Да и викинги тоже помнили Мать Лошадей, пускай ее имя почти не встречалось в сагах и эпосах.

Эпона просто была. Независимо от богов норманнов, римлян или других народов. Просто была. И может быть, Матери Лошадей люди поклонялись еще до того, как появились боги самых-самых древних египтян или ашурцев. И сейчас она ответила на призыв дальних потомков тех людей, которые пасли свои

табуны на заре мира, в неразделенном царстве Мидденгард, зная, что и судьба Эпоны зависит от удачи нескольких человек, решившихся на доселе небывалое дело. Все-таки она добрая богиня этого мира и, наверно, как и Один, не хочет покидать его.

Оставшуюся поклажу собрали быстро. Огонь ётунов мало что пощадил, а испорченные дурным пламенем вещи брать с собой нельзя, как и все, к чему прикасалось злое. Наскоро подкрепились сущёной рыбой и хлебом — отец Целестин заявил, что пускай сюда набежит вся нечисть из Трёх Миров во главе со своим прародителем, но он с места не сдвинется, пока не поест. Ехать с урчащим желудком он не собирается. Гёндуль, кстати, монаха поддержала.

Пару раз проглянуло сквозь тучи холодное солнце, и, по счёту монаха, светило едва перевалило зенит. Ветер, безостановочно дувший с запада, слегка утих, и теперь можно было не ежиться от холода, как только холодный ветер раздувал полы плаща. Конунг Торир, окончив трапезу, неожиданно преклонил колени у костерка и, коротко отблагодарив Одина за убежище и защиту, бросил в огонь кусок мяса и хлеба. Пусть жертва и была бескровной, отец Целестин по привычке ругнулся (правда, едва слышно), но, услышав после этой выходки укоризненные слова Видги: «Один же тебе и нам жизни спас», устыдился.

«Вот, еще немного, и я стану закоснелым язычником. Ну отчего проклятущих великанов боги да валькирии распугали? Отчего Господь не внял мольбам недостойного раба своего и не послал в заступничество сонм ангелов своих?» — думал монах, пока его с

натугой и хриплой руганью Гуннар, Торир и Гёндуль взгромождали на лошадку и сам святой отец судорожно цеплялся одной рукой за попону, а другой за гриву несчастного животного.

— Вот что, мальчики! — заявила валькирия. — Я вас провожу, пожалуй, паче что у вас один конь считай что без поклажи. — Она ткнула большим пальцем на груду обгоревшего тряпья и меха, лежавшую рядом с костром.

Действительно, теперь на лошадь были увязаны только сумы с оставшейся едой, которой и так много не сохранилось.

Гёндуль прищепила к одной суме обломки своего красивого щита, меч сунула эфесом вверх в правый мешок и удивительно легко вскочила на спину коньку. Монах, тяжело вздохнув, подумал о том, что теперь не только его лошадке придётся потаскать на спине тяжестей.

— Ну, теперь можно отправляться, и да помогут нам в пути боги! — Видга взял поводья, но всплеск пламени заставил его оглянуться. Костёр Одина, выбросив вверх облако белых искр, словно попрощался с людьми и начал угасать. Последний язычок огня полыхнул в воздухе, когда замыкавший маленький отряд конь Торира уже выступил за пределы черного пятна гари, окружавшего исполинский валун.

Первое время ехали молча, и только Гуннар, по своему обыкновению, насвистывал что-то очень грозное и воинственное. Если все происшествия последних суток и подействовали как-то на него, то германец не желал подавать виду, оставаясь по-прежнему вызывающее невозмутимым. Даже Гёндуль, чье жизнелю-

бие вчера вечером хлестало через край, сейчас походила на грозовую тучу в золочёном шлеме. Гудмунд смотрел на спутников с невыразимым почтением и боязью. «Да, досталось нынче парню, — понимающе кивал головой отец Целестин, стараясь покрепче держаться за поводья. — Удивительно, как этот провинциал исландский не рехнулся умом от всего увиденного. Даром что старший сын конунга...»

Лошадки трусили по снегу своим излюбленным аллюром — не то шагом, не то рысью, и скоро далеко слева, на севере, появились черные линии скал на краю Скага-фьорда. Некоторое время Гудмунд искал подходящий брод через вчерашнюю речку — тот, через который переходили поток раньше, успели проехать, а возвращаться не хотелось. Только когда лошади осторожно прошли через неглубокую, но очень быструю и холодную воду, Гёндуль решилась заговорить с Ториром:

— Вот что я хочу тебе сказать, конунг... Ой! — Конёк резво перескочил через довольно глубокую яму, и валькирия едва удержалась в седле. — Тыфу, если на четырёх ногах такая тряска, то как же на Слейпнире-то ездить? А, так вот, слушай сюда, Торир. Слух о вашем походе уже по всему Мидгарду прошел и, похоже, коснулся не только ущей Асов и добрых богов. Иначе что ётунам от вас бы понадобилось? Я с Тором потом парой слов перемолвилась, и решили мы, что не хотели они вашей смерти.

— Как так? — не понял Торир. — А тогда чего же? Зачем великаны на нас накинулись?

— Вот и я про то же! — кивнула валькирия. — Сам посуди, какой смысл нападать на пяток

смертных такими силами? Отчего их столько пришло? И заметь, вход в Ётунхейм далеко от места, где мы стоянкой встали. Да захоти они нашей смерти, ни от кого бы и косточек с угольками не осталось еще в самом начале. Опять же — жидким огнем ётуны только меня пронять хотели и никого больше. И вот еще что...

Гёндуль запнулась, будто раздумывая, говорить дальше или нет, но тут вмешался Видга:

— Говори, воительница. Нам надо все знать. Догадываюсь, ётуны нас, верно, схватить хотели?

— Похоже на то. Тор сказал, у некоторых бичи с собой были. Такими плетями, если умеешь, кого хочешь связать можно, а ётуны — великие искусники в том деле. В древности огненных великанов «Пламенными Кнутами» еще именовали. Это когда они еще Потерявшему Имя служили. Ну а еще скажу, что, когда мы с Локи над морем сюда, в Исландию, к Одину летели, привиделась нам Ночная Всадница на крылатом волке.

— Ночная Всадница? — прищурился отец Целестин. — Это еще кто?

— Этим именем боги называют ведьм, которые ездят на волках, — нетерпеливо пояснил Видга. — Что, уж и в сагах никогда такого названия не встречал? А еще письменник!

— Извини, вспомнил. Ты продолжай, Гёндуль. — Монах с обидой глянул на Видгу: молод, мол, еще, чтобы замечания такие делать. Вот кто-кто, а монах-бенедиктинец разбирается в сагах и легендах получше твоего. Недаром девятый год среди норманнов живёт.

— Дело в том, что у богов и валькирий на ведьм чутьё, — рассказывала Гёндуль. — И Локи и я

приняли обличье лебедей, когда он, из Междумира возвращаясь, меня случайно встретил. Ну по старой дружбе вдвоём к Одинау и отправились, прежде у Тора в Бильскирнире передохнув. А, считай, когда до берегов Исландии и десятка лиг не осталось, Локи тень приметил в облаках и сразу понял, что ведьма это. На запад летела. Мы за ней. Потом как на безоблачное место вышли, оказалось, что старуха на таком чудище восседает, что душа в пятки уйдёт, если увидишь. Волчище черный, и с крыльями, как у летучей мыши. Я таких в жизни не видывала. Попробовали мы догнать — не вышло, ведьма снова в облака скрылась, там мы ее и потеряли. Вот теперь думаю, что ей на западе надо было? Да еще и Локи заметил, что такие черные крылатые волки — Гармова семени твари — только в Междумирье встречаются. Видел он там таких. Тебя, конунг, это ни на какие мысли не наводит?

Торир промолчал. И вот тогда Гуннар вставил свое слово. Германец, как обычно, слушал внимательно, но до времени в разговор не встревал.

— На какие мысли? Тут ясно, что охота за нами началась. Ведьма та небось великанов упредить послана была.

Гуннар снова что-то засвистел через выбитый зуб. Он выразил четко и ясно возникшее у всех подозрение. Да, так и получается. Етуны, ведьма, рассказ Одина о том, что Черному Дракону наследник Элендила живым нужен... Все сходится.

— Что ж ты раньше про ведьму-то молчала? — пробурчал Торир. — Отчего Одину не сообщила? Он же должен знать.

— Да знай я, что ночью будет.. — хмыкну-

ла Гёндуль. — Вроде чем-то и польза. Беду от Скага-фьорда отвели. Ты подумай, что великаны в поселке бы устроили, по ваши души заявившись?

Гудмунд побледнел:

— А они... Они теперь ведь опять придут?

— Может, и придут, — сказала Гёндуль. — Только им не вы нужны, а конунг Торир или Видга.

Торир сжал кулаки и разразился отчаянной бранью, выложив в самых цветистых выражениях все свои мысли об огненных великанах, ведьмах, Нидхёгге и прочем, с ними связанным. Отведя душу, он сердито уставилсь на Видгу:

— Сегодня же в море выйдем. Пусть вечером, ночью, только побыстрее. Хёгни и его род не виноваты в том, что на нас такое проклятие лежит. А ну ходу!

Он ударил пятками в бока лошади и быстро поскакал вперед. Гудмунд и остальные тоже пустили коней в галоп, понимая, что «Звезде Запада» необходимо уйти в море еще до темноты. Только когда отряд спустился на берег фьорда и от поселка его отделяла лишь одна скала, Гёндуль остановила скакуна:

— Мальчики, постойте-ка!

Торир развернул коня, а следом за ним и остальные тоже натянули поводья. Валькирия спрыгнула на прибрежную гальку.

— Вот что. Я вас тут покину... Ненадолго. Не нужно, чтоб меня еще кто-нибудь видел. К Одину сейчас отправлюсь, расскажу все, что знаю.

Она подошла к лошади Гуннара и протянула германцу руку:

— А ну нагнись, паршивец! — Обняв его за шею и пылко облобызав, Гёндуль церемонно попрощалась с Ториром, чмокнула в щёку Видгу и слегка оторопевшего Гудмунда, раскланялась с монахом, вознёсшим всем святым благодарственную молитву за то, что восхитительная валькирия не полезла и к нему со своими поцелуями.

— Ну, теперь скачите! До встречи! — Гёндуль подняла руку, и только мелкие камешки полетели из-под конских копыт. Вскоре фигура красавицы скрылась за скалой, а когда Торир подвел отряд уже к крайнему дому поселка, над головами людей пронёсся громадный белый лебедь. Птица сделала круг и, тяжело взмахивая снежно-белыми крыльями, унеслась на воссток. Гуннар же поймал выпавшее из крыла длинное лебединое перо — прощальный дар Гёндуль.

— Какая женщина, а?! — Гуннар глубоко вздохнул, глядя, как белое пятнышко исчезает вдали над фьордом. — И чем Локи лучше меня?

Торир уже спрыгивал с коня возле дома конунга Хеши.

* * *

Хёгни Ингвиссон сохранил и свое достоинство, и свой дом. Еще ночью, когда небо на юге горело и переливалось то багровым, то синим огнем, а в скалы вокруг залива Скага ударяли копья грома, накатывавшие оттуда, где виднелись зарницы, люди его рода выссыпали из домов, глядя в ту сторону, куда ушел конунг Вадхейма и с ним несколько человек. Сначала подумали, что пронеснулась огненная гора Аскья, но потом эту мысль

оставили. Видно было, что буря возле каменных пустошей разыгралась невиданная, а когда к облакам стали взлетать огнистые стрелы, люди Хёгни поняли, что огненная гора здесь ни при чем. Это конунг Торир разбудил в холмах силы, доселе спавшие, и пал первой их жертвой. Затем настанет очередь поселка рода Хёгни.

А кто виноват?

Ясно кто! Не будь пришлых, и беды бы не было! Часть дружины схватилась за мечи. Вадхеймцы тоже схватились. Спасибо Хёгни и Олафу — не допустили резни, встав между перепуганными, а потому особенно злыми исландцами и теми, кто пришел из Норвегии. Решили ждать утра.

Едва небо на восходе посерело, в Поселок прискакали кони. Шестеро. Все, каких взял с собой Торир. В мыле, с пеной у губ и выкаченными глазами, налитыми кровью. Без поклажи и всадников.

Все молчали. Единственными звуками были только шум прибоя, тяжелое дыхание лошадей и отчаянные рыдания Сигню. Олаф только по голове ее гладил, не пытаясь успокоить словами. А когда рассвело, случилось и вовсе невероятное...

Лошадок отвели в конюшню и там привязали, забыв почему-то снять попоны. И тогда же все люди повернули головы к берегу: по воде, по волнам шла ослепительно красивая девушка, ведя в поводу двух прекрасных белых лошадей, коня и кобылицу. Народ, расступившись, молча пропустил ее в Поселок, когда красавица вместе с животными вышла на берег. Неизвестная богиня не вызывала страха и шла через Поселок под изумленными взглядами жителей Скага-фьорда

и гостей из Вадхейма. Затем она вошла в конюшню. Конунг заглянул внутрь первым и увидел, что исчезли и его кони, и неизвестная гостья вместе со своими двумя красавцами.

Никто не знал, что и думать. Хёгни уже хотел просить Олафа убираться назавтра подобру-поздорову. После того, что рассказал ему Торир в первую же ночь, Хёгни понял: эта история может нарушить мирный уклад Скага-фьорда, а желание конунга Вадхейма обследовать земли ётунов, странные и страшноватые события ночи и утра едва не вызвали недопустимую на Севере вещь — указать гостям на дверь. Сохрани Один, а вдруг какую нечисть приведут?

Увидев пятерых всадников, вихрем влетевших в Поселок, люди кинулись к дому Хёгни, надеясь узнать, что случилось. В толпе зашумели, когда разглядели Гудмунда. Если старший сын конунга вернулся жив-здоров — уже хорошо.

Первой к вернувшимся подбежала Сигню, бросившись на шею сперва отцу Целестину, а затем и остальному, не исключая Гуннара, который, засунув за обод шлема белое лебединое перо, на этот раз не проявил особого восхищения женским вниманием. Торир быстро подозрал Олафа, приказал собирать немедленно всех дружинников и готовить корабль к отплытию. Затем взял под руку седобородого Хёгни и вместе с монахом, Сигнью и Гудмундом увел в дом. Видга и Гуннар отправились помогать Олафу.

Тучи к вечеру разогнало совсем, и солнцу оставалось лишь совсем немного опуститься, чтобы уйти за край мира, уступив место луне и звездам. Жители Скага-фьорда столпились на берегу. Часть дружины

Хёгни, забыв, как ночью готовы были покидать в море незваных гостей, помогала вадхеймцам столкнуть тяжелый кнорр с отмели, тем более что наступало время отлива. Верёвки, державшие ладью у берега, отвязаны и свернуты в бухты, две длинноющие штанги-распорки, к которым привязывались нижние углы паруса, поставлены, но само полотнище паруса с синей звездой пока не поднято.

— А ну взяли!! — рычал Олаф, подгоняя толкавших корабль людей и орудия веслом, пока кнорр не застыг по волнам и по уши мокрые вадхеймцы не начали забираться на борт по священным вниз верёвкам. Хозяева фьорда возвращались на берег, хмуро глядя то на ладью Торира, то на находящее за скалы на противоположном берегу солнце. Что-то грядущая ночь принесёт?

— Ну прощай, Торир... — Хёгни был с виду спокоен, но волнение нет-нет да проявлялось — то скатыми в кулак ладонями, то горькими вздохами. Когда Торир и другие рассказали ему почти про все события минувшей ночи, Хёгни уже не сожалел о желании изгнать вадхеймцев, хоть и не подал виду. Что уж теперь делать... Он только спросил у Торира, не следует ли всем погрузиться на корабли и покинуть Скага-фьорд как можно быстрее. Великаны же и отомстить могут. Торир покачал головой, вспомнив слова Гёндуль: ётунам нужен был либо он, либо его племянник. В Поселок эти чудовища вряд ли полезут. Здесь им делать нечего. Ну а если что — просите Винг-Тора о заступничестве.

Сейчас Хёгни оставался почтителен и вежлив, как и положено хозяину, но и не скрывал, что от-

бытие опасных гостей принесёт ему и людям его немногочисленного рода лишь спокойствие. Торир знал это и не обижался, понимая, каково это, когда все, за кого ты в ответе перед богами, в опасности, — датское нашествие на Вадхейм из памяти не изгладилось.

— Прошай, Хёгни, — поклонился Торир. — Готов поклясться на белом священном камне, что не хотел зла ни тебе, ни твоему дому, ни людям, да пребудет на них благословение Асов. Думаю, мы еще встретимся в более хорошие времена. В Вадхейме ты и твои корабли всегда желанные гости.

Он поклонился еще раз, резко повернулся и вошел в ледяную воду. Отталкивая плавающие льдинки, Торир поймал брошенный ему Видгой канат и, взобравшись на кормовую палубу, встал справа, у руля.

— Надо выйти в море, пока не станет совсем темно! — провозгласил он. — Весла на воду, дружина Вадхейма!

Отец Целестин сидел на низенькой скамеечке, тоскливо глядя на удаляющийся берег. Вот опять под ногами не земля, а палубные доски, снова спать не на постели и кушать с утра холодное.. И неизвестно, что дальше..

Ну через седмицу должна повстречаться южная оконечность громадного острова, а если не будет остановки, дней через двенадцать — четырнадцать — та самая западная земля.

Еще как-то найти деревни рода Хейдрека и как встретят там? Сколько Одина либо посланца его ждать? Кто ответит? Хорошо, хоть воды и припасов вдоволь, да и Хешги не поскучился — дал рыбы и битой

птииы, пусть и напуган был тем, что ему Торир про ётунов да богов с валькириями поведал.

Уже почти совсем смерклось. Небо на западе еще оставалось зелено-синим, восток же покернел и выплеснул первые капли-звезды, когда показался выход из фьорда и берег Исландии резко свернул на запад. Торир велел поднять парус, и Видга радостно улыбнулся, увидев наполнившееся ветром бело-синее полотнище. Один держкал слово. Конунг решил вначале идти вдоль исландского берега, не заходя, однако, в глубокие заливы и держка Полярную звезду точно по левую руку. Олаф согласился и, когда стемнело совсем, распорядился только зажечь на носу корабля несколько факелов и поставить наблюдателя — мало ли что... Воды все-таки незнакомые.

Первая половина ночи прошла спокойно и бестревожно. Отцу Целестину не спалось, и он, полуляжа на корме и закутавшись в свою накидку, лениво наблюдал за черной землей. Вначале кнорр миновал широченный залив и, подгоняемый сильным, но ровным, без шквалов, ветром, в самый глухой час приблизился к его дальнему, западному берегу, тянувшемуся поперёк пути на северо-запад. В этих местах не бывал ни Торир, ни Олаф, и случилось бы, возможно, непоправимое, не заметь отец Целестин за сполохами корабельных факелов знакомую до странности тень.

В этот час на носу был Снорри. Парень, похоже притомившись, присел прислонившись спиной к обшивке борта, поднимавшейся над палубой на полтора локтя, и под качку задремал, не заметив впереди ни абсолютно черную по сравнению со звездным небом береговую полосу, ни проблесков тёмно-багрового

огня у самой кромки воды. Еще немного — и кнорр ударился бы о прибрежные валуны, но мигом вскочивший на ноги монах, а вместе с ним и тоже почувавший что-то недоброе Видга завопили в два голоса:

— Олаф, сворачивай!

— Ну же, давай, во имя Девы Марии! Бери вправо!

Как ни хотелось спать старому Олафу, как ни подводило его портившееся с годами зрение, истинно норманнское чутьё на опасность не подвело его и на сей раз. Он легко рванул рулевое весло на себя, почти положив ладью на правый борт, и тогда намертво вцепившийся в едва не полетевшего в воду из-за резкого крена Видгу отец Целестин только-только не заплакал от ужаса.

Берег был недалек — всего-то локтей сто, не больше. И там уже ждали мгновения, когда форштевень «Звезды Запада» наконец врежется в камни. Ждали ётуны. Шестеро. До какого-то времени огненные великаны, похоже, скрывали свой огонь или же прятались за скалами, но сейчас, издавая при виде внезапно ускользнувшей добычи яростное рычание, они представили во всей красе. Бешеный, рвущийся к небу багровый огонь, узкие красные глаза и тёмные полосы пламенных клинков, в бессильной угрозе воздетые над неясными контурами голов.

«Не надо бояться, — вдруг прошелестел где-то над ухом монаха знакомый голос. Вроде бы Один... — Их стихия — огонь. В воду они не пойдут. И, кроме того, я пока не очень далеко...»

Утром выяснилось, что эти же слова при-

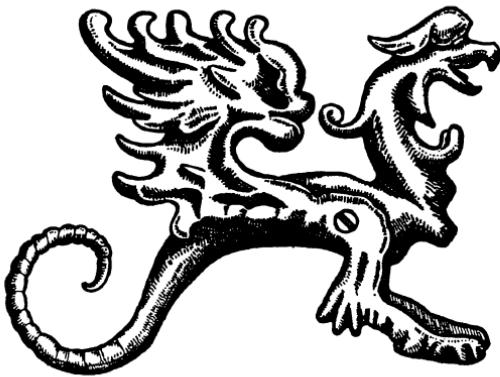

слышались и Ториру с Видгой. Ну а сейчас кнорр уходил на север, подальше от опасных земель, с тем чтобы с первыми лучами солнца свернуть к западу. Еще достаточно долго и отец Целестин, и вся дружина вместе с дрожащим с перепугу Снорри (который вдобавок получил добрую затрешицу от конунга за небрежение) наблюдали слева от корабля шесть черно-багровых трепещущих теней, пока к утру они не скрылись из виду далеко, далеко на юге.

Солнце показало свой краешек, и все страхи исчезли. Мир снова стал добрым и радостным: голубое небо, золотой круг светила, отправляющегося в новый дневной путь, плеск волн и парус с синей восьмилучевой звездой. Полосочка берега исчезла слева и сзади.

Корабль прорывался на запад сквозь Великое Море.

9. ЗА ОКЕАНОМ

ень — ночь, день — ночь... Однообразие, одинаковость прошедшей недели позволили отдохнуть отцу Целестину и его друзьям. Кошмарная ночевка в Исландии теперь вспоминалась как дурной сон; события на холодной равнине Страны Льда если и не ушли из памяти насовсем, то ныне не будоражили воображение. Никто не просыпался с криками ужаса, поднимая на ноги дружины и заставляя всех хвататься за оружие. Такая неприятность пару раз привлекла с монахом через день после ухода из Исландии — в темноте послышался его хрюп, словно святого отца пытались удавить, а чуть погодя отчаянный крик «Ётуны!! Спасайся!» привел к небольшой панике на борту «Звезды Запада». Гуннар, к примеру, спросонья не разобрав, что к чему, да в придачу приняв на ночь крупицу своего зелья («чтоб спалось лучше», как он объяснил), снес попавшимся под руку топором Эйрика все факелы на носу ладьи, приняв их за великанов. Утихомиривать дружины, будить монаха и зажигать

огонь снова Ториру пришлось в кромешной мгле — месяц только-только нарождался. Долго удивлялись наутро, как это Гуннару обычные факелы великанами пригрезились. Германец хмуро отмалчивался, сказав только, что порошок свой теперь припрячет подальше.

Отец Целестин виновато отводил взгляд и извиваялся. Когда улеглись заново и видели уж десятый сон, монах повторно возвестил о появлении ётунов, но на сей раз общего переполоха не поднял, тем более что Гуннар, которому отчего-то теперь не уснуть никак было, едва заслышиав первые стоны святого отца, запустил в него сапогом. Отец Целестин поднял голову, оглядел осоловелым взглядом палубу, перевернулся на другой бок и захрапел до самого утра. Потом он все объяснял расшатанными нервами.

Простые хирдманны, понятно, так и не узнали обо всем произошедшем в Исландии. Торир много не рассказывал — пояснил только, что ночью с огненными великанами из Ётунхейма повстречались да едва ноги унесли. Людей конунг до поры пугать не хотел и другим запретил. Все до последней детали узнала одна Сигню. Отец Целестин от неё ничего не скрыл и к тому же хотел поплакаться родной душе в том, что все устои его веры начали опрокидываться после явления языческих божеств и прочих созданий, которым в христианском мире места не было. Сигню оказалась в чем-то мудрее монаха, ответив на его хватающую за душу исповедь искутешениями, а железной логикой:

— Знаешь, если Один есть, то ты ничего с этим не поделаешь, и ничего тут плохого нет. И Иисус есть. Просто его бытие в доказательствах не нуждается-

ся. Вот и верь и в того и в другого. Чем плохо? Если Один не поможет, проси христианского Бога, ну и наоборот...

Отец Целестин после подобного заявления рассвирепел и заставил Сигню-Марию сорок раз читать *Pater*. Нет, вы только вообразите, до столь вопиющей ереси додуматься! Остыл, монах еще раз привёл воспитаннице все доказательства бытия Божия и прочёл очередную проповедь против язычества. Шёпотом. Чтобы не слышал никто больше.

И что самое гнусное, долго себе не признавался, что вся произнесённая речь была ложью от первого до последнего слова. Эх, трудно отказаться от старых убеждений...

А жизнь на корабле шла спокойно и размеренно. Можно сказать, даже тоскливо. Первые дни плавания несколько отличались большим количеством плавающего льда, и не раз небольшие льдины приходилось отталкивать баграми, а иногда браться за весла, — обходя уж очень громадные ледяные горы, парус обычно сворачивали. Только когда на четвёртый день конунг взял значительно южнее, оставив Полярную звезду за кормой и справа, постепенно количество льдов уменьшилось и ночью не надо было вскакивать при любом подозрительном скрежете или плеске, опасаясь, что ледяная гора ударит в корабль. Тем более что помохи в неизвестных морях можно ждать только от богов.

Земля, которую позже назовут Гренландией, показалась вечером седьмого дня, почти перед закатом. Вначале отец Целестин и Видга решили, что впереди огромный плавучий ледник. В лучах низкого солнца лед мерцал всеми оттенками белого золота, но затем

Видга углядел-таки тоненькую черную полоску земли у самого края ледника. Земля, изрезанная бухточками и шхерами, по внимательному рассмотрению казалась совершенно мёртвой. Торир, не решившись высадиться на ночь глядя на берег, приказал сбросить в воду якоря — почти неподъёмные кованые двузубцы, обвязанные верёвками, и заночевать вблизи неизвестного побережья. Он не забыл выставить и стражу, запретив снимать кольчуги, — еще, чего доброго, ночью с лодок нападут! На следующий день разглядели — кнорр стоял недалеко от входа в глубокий скалистый фьорд, подобный тем, какие встречаются в Северной Норвегии. Но на берегу не видно было ничего, кроме камня, льда и снега. Люди, деревья здесь словно и существовать не могли. Зато тучи птиц, вивших гнезда на скалистых уступах, проносились над ладьёй, как густые облака. Интересовавшийся животными, отец Целестин увидел сразу шесть невиданных в Европе птиц. Одни смахивали на гусей с ярким красноватым оперением, другие поражали длиннющим клювом и густо-черной окраской, третья же походили более на уток, но только походили — эти птички отличались изуродованным, похожим на топор клювом и очень необычной яркой раскраской. Монах, щуря от солнца глаза, сразу же вцепился в путевой дневник, катастрофически запущенный за последние дни, и немедленно начал зарисовывать увиденное, а когда затренькали тетивы луков — дружинникам, подошедшим к проблемам естествознания с практической точки зрения, захотелось свежего на обед, — отец Целестин получил и образцы перьев, бережно затем завернутые в тряпочку и засунутые в дорожный мешок.

Кнорр снялся с якоря и пошел на юг вдоль неизвестной земли, пристав к берегу только через день. Надо было наполнить бочки пресной водой, а кто-то рассмотрел впадавшую в море речушку. Берег в том месте, по счастью, оказался низкий, но все равно высадка заняла цепких полдня. Отец Целестин на землю сойти на решился. Пришлось бы сначала прыгать в воду, а она тут была холоднее льда. Отправленные за водой хирдманны в любом случае утверждали, что отморозили себе все, что можно... Еще спустя два дня, минуя череду небольших островков, «Звезда Запада» снова вышла на простор океана, а берег гигантского острова сперва свернула на запад, а затем и на север, оставшись позади корабля.

Перед Ториром встал вопрос: «А дальше куда?» Созвав небольшой совет, куда вошли все участвовавшие в исландском приключении, не исключая Гуннара, а также мрачный Олаф, конунг предложил вести корабль точно на запад, пока не покажется земля.

— Я тут по звездам кое-что посчитал... — проговорил отец Целестин, обводя взглядом Юлия Цезаря, узревшего войско Версингиторикса, океанскую гладь на юге и западе. — Точно не скажу, но, по-моему, мы сейчас должны быть лишь чуть к северу от места, где в Норвегии располагается Вадхейм-фьорд. Лиг на десять, самое большое.

— Ну и что? — спросил Видга. — Один... гм... — Он мельком взглянул на Олафа, но старый викинг промолчал. Кое-какие обрывки разговоров конунга дали ему понять, что Торир встречался с богами. И нечего удивляться тогда. Видга продолжил:

— Один говорил, что надо идти на закат, а

потом опять на юг вдоль берега. Хёгни сказал, что дотуда всего дня четыре...

— Один, значит? — негромко произнес Гуннар. В его глазах появился странный блеск.

— Слушайте, а если... Если у Одина и спросить?

— Чего? — удивился монах. — Как?

Гуннар улыбнулся, быстро спрыгнул вниз, покрылся под кормовой палубой, затем рванул к мачте — туда, где топтались, пережевывая сено, лошади и были привязаны с десяток живых куриц. Никто и глазом моргнуть не успел, как германец опять стоял перед конунгом, держа в одной руке жертвенный нож, а другой скимая лапы трепыхавшемуся пестрому петуху.

— Вот. Теперь понятно? — Поросшая рыжей щетиной рожа Гуннара светилась довольством от сознания собственной значимости. — Раньше я приносил жертвы Вотану и гадал на жертвенной крови. Попробовать? Тогда все получалось!

— Ну давай... — пожал плечами Торир. — Только ты, того... Беды не накличь.

Отец Целестин, даже не пытаясь протестовать, со стоном убежал на нос корабля, не желая присутствовать при языческом обряде. Господи, ну почему им по просту не повернуть кнорр на запад? Ну зачем кровь проливать, пусть даже и не человеческую? Птичку опять же жалко...

Монах бормотал молитвы, но любопытство было сильнее, и краешком глаза он все-таки посматривал на корму, где Гуннар уже раскидывал гадальные прутики, гнусаво напевая мольбы к Вотану. Отцу Целестину приходилось читать, что гадание на жеребьёвых палочках или дощечках с вырезанными рунами свиде-

тельствовали еще древние римляне у германских племён, живших в пограничных с Империей областях. Да и предсказания на жертвенной крови у племен варваров впервые зафиксированы в римских хрониках еще в первом веке по Рождеству Христову. Считай, восемьсот лет прошло, а мерзкие обычаи так и не изжились. И куда, черт бы их побрал, христианские короли и епископат смотрят? Почему язычество каленым железом не выжигают? «Ну ничего, — со злорадством и в то же время с неясной грустью думал монах. — Еще сто, ну двести лет, и святой Крест утвердится во всех землях. И в Гардарики, и в Норвегии... Может быть, и там, куда мы плывем. Там же тоже люди живут. Только бы Крест принесли туда добрые христиане, а не такие, как эта воинская Гонорий, к примеру. А глядишь, если Чашу Трудхейм достанем, то Истинный Свет во все миры принести можно будет. Такой подарок святому нашему Папе к стопам положить?»

Отец Целестин совсем замечтался и не заметил, как истошно кудахчущий петух вдруг примолк, а Гуннар, держа обезглавленную птицу на вытянутой руке, быстро обернулся вокруг своей оси, разбрызгивая кровь по палубе. Тотчас же удариł неожиданный порыв ветра, и германец выронил птицу. Воля богов свершилась.

Дружинники, внимательно и тихо наблюдавшие за действиями Гуннара, изумленно загудели, а отец Целестин, встрепенувшись, бросился к корме кнорра посмотреть, что же произошло.

На море стоял полный штиль, парус корабля был свернут, и «Звезда Запада» практически

стояла на месте, повернувшись кормой к едва видневшимся вдали клочкам суши у южной оконечности острова-гиганта. Взявшийся ниоткуда очень короткий порыв ветра размазал упавшие на выбеленные доски капли крови подобно узким алым стрелам. Все они указывали в одну сторону — почти точно на юг, лишь с небольшим уклонением к закату. Жертвенный, украшенный рунами нож, брошенный Гуннаром, лег острием точно в том же направлении.

— В любом случае попадем просто южнее, чем нужно, — разводя руками, пробормотал отец Целестин, понимая, что сейчас спорить с конунгом бесполезно. Ну обстоятельства так сложились, а он, конечно, уверовал в волю Асов...

— Парус ставь быстро! — Торир принял решение мгновенно, не обращая внимания на совершенное безветрие и удивительно спокойное море.

Полотнище поползло вниз, едва колыхаясь. Проворная молодёжь во главе с Видгой увязала нижние концы паруса к краям отходивших от бортов штанг. Как ни скептически был настроен отец Целестин, демонстративно слюнявивший палец и выставлявший его перед собой, дабы уловить хоть слабое дуновение, случилось то, что ожидали Торир и его дружина. Плотное белёное полотно выгнулось лебединой грудью, и ладья, чуть качнувшись, разрезала килем зелено-голубую воду, по которой пробежала легкая рябь. Отцу Целестину послышался чей-то ехидный смешок. Чей?

«Вы по своей надменности тщеславитесь: всякое такое тщеславие есть зло»¹², — ни к селу ни к городу припомнил отец Целестин и, смутившись, сел на

свою скамейку, старясь не смотреть на Гуннара, которого распирало от гордости. Сам конунг послушал его, не кто-нибудь!

И снова день — ночь, день — ночь... Погода испортилась за прошедшие десять суток всего пару раз. Нагнало туч, полил дождь, сверкнули единожды ночью и молнии, но отчего-то гроза прошла стороной. Торир и Олаф на внезапную непогоду и внимания не обратили. Подумаешь, да разве в настоящем штурме не бывали? А сейчас и не штурм вовсе, а так... Вот то ли дело в Северном море!

Днями скучающий отец Целестин либо записывал в свой дневник впечатления от похода, которых пока, к счастью, было не так много, либо же читая вслух архивные Евангелие и отвечал на нескончаемые вопросы несколько заинтересовавшихся (опять же со скуки) вояк. Не все они касались событий в древней Иудее — норманны больше хотели узнать о богатых странах Аравии и Индии. Монах выкладывал все, что знал, и его лекции нравились вадхеймцам не меньше, чем когда-то Ториру, Видге и Сигню. К вечеру он, бывало окрипнув окончательно, пытался пойти спать, но его не отпускали и продолжали высматривать:

— Неужто Иисус ни разу врага не убил?

— А почему тинг не выбрал нового конунга вместо Ирода, который приказал истребить детей?

— Отчего же ты не лечишь так, как Иисус, а травами больного и раненого пользуешь?

Ну и так далее в том же духе. Монах, вздыхая, пускался в объяснения, почему Иисус никого не мог убить, что царь Ирод вовсе не собирал тинг для того, чтобы узнать, где родится Мессия, и что для исце-

ления Святым Духом надо быть ну если не святым, то хотя бы претендовать на такое звание чистотой веры и добрыми поступками. Чего он, отец Целестин, еще не достиг и вряд ли достигнет в обозримом будущем.

Иногда поблизости от ладьи пускали в воздух искрящиеся фонтаны киты, — в этих водах гигантских морских чудищ водилось несметное множество, и монах при помощи Видги, Сигню и подававшего большие способности в изобразительном ремесле Гуннара зарисовывал в свою тетрадку морских исполинов, разнящихся размерами и формой. А однажды, рано-рано утром, всему экипажу «Звезды Запада» довелось быть свидетелями восхитительного спектакля.

Отец Целестин спал так крепко, как можно спать только в предутренние часы, на самом восходе солнца. Разместился он, как обычно, под кормовой палубой, на груде запасной одежды. Здесь и не холодно, и, если что, с конунгом рядом.

— Вставай скорее!

— Иди смотреть!

Гуннар и Видга, крепко сдружившиеся за время плавания, стянули с монаха служившую одеялом на кидку, и святой отец, еще окончательно не проснувшись, решил, что случилась очередная беда. На четвереньках он выполз из закутка и, выпрямившись, заглянул за борт, куда, разинув от восторга рты, уже смотрели все люди, находившиеся на корабле. Торир и тот, отдав свое ненаглядное рулевое весло поднятому ото сна Олафу, улыбаясь, смотрел в воду.

Совсем рядом с обшивкой корабля, точно следя рядом, плыли невероятно красивые киты.

Два по левому борту и три — по правому. Черные, с белыми боками и брюхом, украшенные длинными изогнутыми плавниками, красавцы киты сопровождали кнорр, изредка касаясь поверхности океана гладкими спинами. Тогда их плавники вспенивали воду, оставляя позади волнистые следы, соединяющиеся с кильватерным следом ладьи.

— Это Убийцы! — сказал Видга оказавшемуся рядом монаху. — Дружина морского бога Ньёрда.

— Да, — подтвердил обернувшийся конунг. — В море эти киты такие же воители, как мы на земле и поверхности вод. Благой Ньёрд счёл нужным послать нам свою свиту.

«Ну почему они появление каких-то рыбин истолковывают как очередной знак божественного внимания? — огорчённо подумал монах. — И с каких это пор Ньёрд стал морским богом? Вроде бы он отвечает только за мореплавание, охоту и рыболовство... А шут их разберет, божеств этих...»

— Смотри, смотри! — Гуннар схватил отца Целестина за плечо. — Вон еще!

И точно, справа и слева от ладьи появлялись и снова исчезали все новые черные плавники. Монах пытался считать, но сбился на четвёртом десятке. Огромная стая китов, как и вадхеймский корабль, шла на юго-запад, не отставая и не обгоняя его. А затем киты стали прыгать в воздух.

Огромные черно-белые туши вылетали из моря и с грохотом обрушивались обратно, успевая за краткий миг полёта совершить бесподобный пируэт. Они заворачивались на бок, на спину, открывая огром-

ные розовые зубастые пасти и издавая несообразный с их размерами тоненький писк. Некоторые возвращались в свою стихию, обдавая потоками воды восхищённых норманнов и заливая палубу. Грохот, переливающиеся в лучах восходящего светила фонтаны брызг, элегантные силуэты китов, на несколько мгновений зависающие над водой, с тем чтобы затем удариться об неё всей тяжестью быстрого, мощного тела... Зрешище незабываемое.

Отец Целестин насчитывал сразу по два десятка воинов бога Ньёрда, одновременно находившихся между морем и небом, а затем их сменяли новые и новые гиганты, почтившие конунга Вадхейма и его людей необычайным приветствием.

Стая сопровождала «Звезду Запада» почти до полудня, а потом вдруг свернула на восток, в океан, растворяясь в синем сумраке глубин. Случилось это на двенадцатый день после Гуннарова гадания на крови, а всего же от выхода из Вадхейма минул месяц и еще шесть дней.

Киты Ньёрда явились добрым предзнаменованием. Утро после их ухода было ничем не примечательно, а вот после полудня Видга рассмотрел на горизонте белую дымку, похожую на улётшееся на воду облако, да только не облако это было.

— Земля! Земля впереди нас! Славьте Одина! — Его крик ударил в уши дружинников, мигом повскакивавших со скамей. У монаха упало сердце. Ну, похоже, добрались.

Да, добрались. Атлантический океан, Гесперийское море древних греков и римлян — бескрай-

нее и бесконечное, — ныне позади. Сколько же моряков Финикии, Египта, Греции и Империи Цезарей с тоской смотрели на запад, туда, где за Геракловыми Столпами — вратами мира — открывалась серо-синяя холодная гладь Великого Моря? Сколько их кораблей оставляли за коромой теплое Средиземное море, чтобы уйти в края, где заходит солнце? А кто добирался до земли, к берегу которой сейчас летел скандинавский кнорр? Никто не знает и не узнает. И тем более неизвестной останется скрытая в водах тайна острова Атагард, чьи ладьи в немимоверно далёкие годы вспахивали синие морские поля. Бывали ли они здесь? Или тогда на западе лежали иные земли, теперь тоже ушедшие из пределов Мидгарда? Кто скажет?

Видга, обняв левой рукой носовое оконечье корабля, украшенное резной головой медведя, стоял на кромке фальшборта, глядя вперед. Корабль подскакивал на волнах, солёные капли от разбиваемых форштевнем волн ложились на белые волосы молодого норманна и смешивались со слезами на его лице. Сейчас Видга как никогда остро чувствовал голос текущей в его жилах крови древних королей, звавший его сюда, на Запад. Впрочем, нет, не сюда. Впереди такие же земли, как и везде, с людьми, наверняка похожими на сородичей в Норвегии и других краях обжитого мира. Земли смертных. Людей.

«Так чего ж ты хотел увидеть? Что манило тебя сюда?» — Видга сам себе задавал эти вопросы и неожиданно получил ответ:

Море. Синее ослепительно. Только в сказках такое. Драккар, белый отчего-то, гладким снежным

лебедем рвёт грудью последние комки тумана. Чисто впереди. Прозрачен воздух, и в нём белые, нежукие полосы лучей очень близкого солнца и сладкий аромат. Запах весенних лесов после первой грозы, мёда свежего и еще цветущего виноградника, пожалуй. Ищут глаза твои что-то, горизонтом скрытое, а сам ты стоишь просто и ждёшь. Драккар-лебедь сам тебя принесёт, и не забочься парусами и рулем. Ты знаешь, все будет хорошо. Жди.

И такого не бывает. Только миг тому минул, как одна дымка голубая с искрящимся серебром перед тобой висела, а вот сейчас уже и землю видать. Земля, тоже вдали, черной полоской гор прибрежных от края до края протянулась. Рядом остров, — кажется, руку перед собой выбрось, и коснёшься изумруда его деревьев, разрушишь грубыми пальцами хрустальные драгоценности зданий, и зашуршит под ладонью белый камень маяка-шипиля. Но нет, не здесь. Оставь остров и иди к черным горам, матовой крепостью поднявшимся. Синева моря и чернота камня, как цвет знамени — лазоревая полоса по низу и угольная выше, под зеленым небом. Вперед, драккар...

Где ты? В каких морях?

Исчез льдистый остров, обвалилась в пену гряда мрачных гор, и сапфировые воды обесцветились. Сейчас Видга видел далёкую пока кромку земли, зелено-серой линией выплывавшую с юго-запада. Но ответь, Один, что ты показал мне? И зачем? Что там, за черными горами?

К вечеру кнорр был рядом с берегом. Отец Целестин жадно осматривал землю, надеясь сразу

найти в ней что-то необычное, но опыт минувших путешествий подсказывал, что Индия, что Африка или Персия меж собою схожи и отличий соберешь не так уж много. А бредовые рассказы о чудесах дальних стран можно в расчет не принимать. Всяко людей с пёсьими головами и одним глазом среди лба не бывает. И здесь тоже особых премудростей от природы ждать не следует. Сосны, валуны... А вон там, если зрение не изменяет, веерск цветет.

— Ну, отец Целестин, высаживаться будем? — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Торир. — А завтра на юг двинемся?

— Ты конунг, тебе решать! — проворчал монах, не понимая, зачем спрашивают совета у него.

— Я знака жду, — вдруг очень серьезно ответил Торир. — Нужную землю мы нашли, теперь надо наших искать. Помнишь разговоры про Хейдрека Рыжебородого?

— Какого такого «знака»? Ты на богов-то надеялся, а сам не плошай! — справедливо заметил отец Целестин. — Если хочешь ночевать тут — ночуй. Только я на берег ни ногой. Один нас зря о Вендиго каком-то предупредил или тебе, дорогой мой конунг, ётуны исландские совсем позабылись? Опять повоевать с нечистой силой хочешь?

Торир задумался. На радостях он начал было забывать об осторожности. И ведь верно монах сказал — земля тут неизвестная, кто знает, чем высадка на незнакомый берег грозить будет. Лучше уж на якорь стать и стражу до утра выставить, а там вдоль берега пуститься.

Ладья подошла к земле близко, локтей на

пятьсот, но глубина под килем пока была велика — багры дна не доставали, конунг уже хотел приказать снять парус и подойти к побережью на веслах, но...

Боги послали знак, которого ожидал Торир.

Нежданно-негаданно прямо перед носом корабля в воздух поднялся стремительный силуэт в ореоле из брызг. У отца Целестина душа ушла в пятки и моментально на лбу выступил холодный пот — ему, оказывается, дракон привиделся. Но то был вовсе не дракон, а кит-убийца совершенно титанических размеров. Наверно, вожак стаи. Изогнувшись всем телом, морской воитель прочертил в воздухе короткую дугу и, ударившись о воду, исчез под днищем кнорра. А затем рядом с рулевым веслом показалась морда кита.

— Ги-и-и-рп, ги-и-и-р-р...

Маленькие глазки уставились на ошеломлённого конунга, мягкая розовая пасть, украшенная острыми, длинной с ладонь, зубами, распахнулась как дверь, и из глотки донёсся тоненький-тоненький писк и пощёлкивание. Сигню спряталась за спину отца Целестина.

— Что ты хочешь сказать нам, конунг морей? — прокричал Торир. Белобровая голова исчезла, а чуть погодя черный плавник поднялся у правого борта и резко свернулся влево.

— Он зовёт нас за собой, — тихо сказал Видга. — Руль налево, Торир. Боги указали путь.

Заходящее солнце уже коснулось густых хвойных лесов, превратив верхушки сосен в зелено-золотые лохматые облака, а потом пришла ясная звездная

ночь. На корабле никто не сомкнул глаз, благо вся дружина теперь видела, что высшие силы вмешались напрямую в поход конунга Вадхейма. Плавник кита виднелся рядом с правым бортом, между кнорром и черным берегом. Воитель Ньёрда плыл вровень, лишь изредка уходя чуть вперед. Лоснящаяся черная шкура поблескивала в факельном свете, когда кит изредка показывал из воды гладкую спину. Так всю ночь. А утром земля осталась за кормой, и «Звезда Запада» вновь вышла в открытое море.

— Ну, это уже слишком! — бушевал отец Целестин, глядя на спутников красными, слезящимися с недосыпу глазами. — Ну если бы там кому-нибудь сон был или боги явились и сказали что и как — это я еще потерпел бы! Но идти в полную неизвестность за бестолковой рыбой, будь она хоть из дружины самого Одина! Тебе спать надо, конунг...

Торир морщился, слушая возмущённые вопли святого отца, какой для пущей убедительности ударял кулаками в грудь и по привычке воздевал два перста, решение конунг так и не изменил.

Шесть дней и ночей! Шесть! Отец Целестин мес-та себе от бессильной злобы и бешенства не находил, как ни успокаивала его Сигню-Мария. Причем бесился он даже не оттого, что треугольный плавник кита-убийцы постоянно маячил по правому борту (кстати, странного проводника иногда сменял другой морской воитель, поменьше). Монаха приводил в исступление не неизвестный и, похоже, нескончаемый морской про-стор перед кораблем и не то, что уже подходили к кон-цу запасы пресной воды (которые, кстати, вполне

можно было пополнить в том месте, где появилось это гнусное животное, ведущее всех на гибель!). Отец Целестин в который уже раз проклинал непроходимую тупость викингов, что готовы следовать хоть к чёрту на рога, если этот путь, по их мнению, указан богами. Все, все до единого, начиная от конунга и заканчивая молодыми сыновьями Халльварда и Гуннаром, прочно уверовали в божественную десницу, которая, направляя их путь, удачно замаскировалась под чёртову рыбину, место которой, самое большое, на сковороде! И Видга, между прочим, туда же — хорош гусь. У-у-у, безголовые!!!

Все это время отец Целестин угрюмо сидел на корме, не желая общаться ни с кем, кроме Сигню, но и та начинала надоедать своими утешениями, обильно пересыпанными библейскими цитатами. Мол, «блаженны кроткие» да «блаженны милостивые». Будешь милостив с идиотами-норманнами, как же!

Сам Торир, наблюдая за недовольным монахом, пытался привести его в обычное благодушное настроение, с серьезным видом объясняя, что «Звезда Запада» скорее всего наткнулась на небольшой остров или очень вытянутый на восток полуостров. Более того, сейчас курс остаётся почти неизменным: когда вечером появляется низко стоящая над горизонтом Звезда Сил, находящаяся почти точно на западе, то по отношению к кораблю она стоит впереди и справа, — следовательно, кнорр идет на юго-запад и вскоре должна будет показаться земля. А что воды пресной по полторы кружки в день на человека и по полведра на лошадь — так не беда, боги дружину Вадхейма от жажды подыхать не оставят.

Отец Целестин хмуро поглядывал исподлобья.

Ночь шестая. Монах, которого от сущей рыбы уже тошило, едва уснул в своей норке. Полвечера он мечтал о кружке пива и вареной оленине, но, поняв, что желудок от подобных воспоминаний будет только сильнее урчать, помолился, исповедовал Сигню-Марию, сознавшуюся в жутком грехе (она допила воду, оставшуюся в кружке Гуннара, когда тот задремал), затем почитал уже вызубренные наизусть старые дневниковые записи и лёг спать. Завтрашний день будет точно таким же.

— Поздорову тебе, Служитель Единого.

Рядом сидел рыжебородый мужик с боевым молотом у пояса и весело смотрел на монаха. Почему у него всегда смех во взгляде, позвольте узнать?

— Здравствуй. Ты Тор?

— Что, уж и запамятовал? Как голова, не болит?

— Спасибо. Зачем пришел, Винг-Тор?

Рыжебородый усмехнулся, показав здоровые, белые зубы. Внизу, кстати, не хватало левого клыка, но улыбку это не портило, а даже придавало Тору лишиную привлекательность.

— Твоя вера учит, что уныние суть грех. Я тоже так считаю. Завтра вы будете там, где есть и вода, и сколько угодно земли. Ньёрд приведёт вас к одному из поселений рода Хейдрека.

— Чего- чего? Кто?

Тор прыснул со смеху:

— Что, так и не распознали ? Проводник-то ваши, мой родич, между прочим, из Ванов. Отец

Фрейра и Фрейи. Ну удобнее ему китом обернуться было, чтоб лишний раз вас не смущать. Ты только не говори про это никому, а то еще в воду кого бросят в жертву. Может, даже тебя, как самого толстого. Только Ньёрду ты так, на один зубок...

Тор аж на спину повалился, задыхаясь от смеха. Но вдруг перестал смеяться и принял суровый вид.

— Слушай же. Возле Врат Миров творится что-то непонятное. Асы слабеют, и дальше берега наши взгляд проникнуть не может. Что в глубине земли — мы не знаем, не знаем и того, что происходит у Хейдрека. Один говорит, что Вендиго напустил колдовской туман до самого океана и даже Князь Асов не сумел проникнуть мыслью за его завесу.

— Почему Один сам не пришел?

— Не может. Он сейчас на севере Норвегии, а корабль ваши подгонять валькириям препоручил. Мы вскоре после вашего отплытия из Исландии предупредили Хейдрека, он должен вас встретить и защитить. В том поселке у него не меньше сотни мечей, да ваших почти сорок. Потом туман Вендиго закрыл земли запада, и теперь Асы не могут разговаривать с Хейдреком. Надеюсь, у него все в порядке. Сидите в его поселке и носу наружу не высовывайте. В Междумирье снова пошел Локи. Ждите его. Пока Лофт не появится — ничего не предпринимайте. Гёндуль права была: о вашем походе уже знают те, кто знать не должен. И еще... Будет совсем трудно — зови меня. Возьми.

Тор протянул монаху вытащенный из-за пазух лист бересты, исчерченный рунами. Руны

выведены были кровью, ставшей со временем черно-коричневой.

— Просто подожги это, и я приду на огонь, который различим в любой тьме и в любом тумане... Ну, прощай. — Аса-Тор встал и ушел куда-то в темноту.

— Я проснулся, а береста в руке! — хриплым шепотом говорил отец Целестин Ториру рано утром. Конунг держал в руках кусок бересты, внимательно рассматривая рунический рисунок, над которым гла-венствовал знак «тейваз».

— И ко мне он приходил, — сознался Торир. — И к Видге. Считай, все то же самое сказал, но вот почему только тебе подарок сделал? Да, похоже, очень многое от нас зависит, если один из богов путь нам указывает да, наверно, от чудищ морских сохраняет, а другой по-мощь сулит в трудный час...

Землю в тот день высматривали с двойным вниманием. Около полудня на севере и вправду показалась узкая тёмная чёрточка, но черный плавник не останавливался, следя теперь точно на запад. Понятно, что поворачивать к земле не стали.

Ветер вдруг усилился, и кнорр, взлетая и падая меж волн, стремительно пробирался через разыгравшееся море. Волнение утихло, только когда солнце успело пробежать значительную часть дневного круга, и тогда же...

— Вижу берег! — заорал с носовой палубы Гуннар. — Прямо впереди!

Дружина ответила торжествующим ревом. Все! Полтора месяца трудов закончены. Рядом земля, где, возможно, живут родичи-викинги, где можно

охотиться, есть вода и дрова для костров! Ура!
Слава конунгу!

Монах не был настроен так оптимистично. Очень его насторожили предупреждения Тора минувшей ночью. Опять этот таинственный и, похоже, очень нехороший Вендиго, нагнанный волшбой туман... Племена дикарей, которые он себе подчинил. Ох, не к добру это. Сейчас, впрочем, задача одна — найти селение Хейдрека Рыжебородого и скорее оказаться за его оградой. Нет, молодцы Асгардские боги, что предупредили Хейдрека. Не в лесу хоть ночевать.

Точно, не в лесу. Еще одну ночь предстояло провести на «Звезде Запада», потому что вблизи неизвестного побережья оказались только к вечеру. На деле это был еще не материк, а большая группа разбросанных на расстоянии одной-двух лиг друг от друга островов, поросших густым лесом. Черно-белый проводник уверенно вёл за собой корабль, лавируя между большими и малыми клочками суши до темноты, а затем на носу кнорра пришлось снова зажечь факелы — Ньёрд не желал останавливаться. Отец Целестин охал, предсказывая, что свет привлечёт недругов, но Торир отмахнулся от него, как от назойливой мухи:

— Отобьемся. И Хейдрек должен быть уже недалеко.

Хлопал наверху парус, булькала под рулевым веслом вода — она здесь была очень спокойная и уже на такая чистая, как в океане. Круг факельного света то и дело выхватывал плавающие брёвна, ветки, иногда встречались травяные лохмотья, — отец Целестин решил, что где-то должно быть устье крупной реки.

Хирд на случай непредвиденный вооружился, по бортам Торир расставил наблюдателей — вдруг где огонёк мелькнёт.

Острова минули, когда зашла Звезда Сил, в честь которой нарекли имя ладье конунга Вадхайма. В лунном свете все увидели, что глубоко на север вдается широкий залив, и тогда кит-убийца, высунув голову из воды, пискнул, нырнул и двинулся к западному берегу залива. Торир потянул руль на себя, тоже взяв правее. Через некоторое время мимо проплыл длинный и узкий остров, тянувшийся с севера на юг около лиги. Обойдя его с северного края, «Звезда Запада» и ее провожатый к первому рассветному зареву уперлись в низкий берег, усеянный валунами. Не доходя до него трёхсот локтей, Ньёрд развернулся, выныгрнул у кормы корабля, еще раз чирикнул коротко и утвердительно, а затем исчез.

— Спасибо! — крикнул было Торир, но только круги расходились на месте, где только что темнел в прозрачной воде силуэт покровителя мореплавателей. Ньёрд, выполнив приказ Князя Асов, ушел, оставив вадхаймцев один на один с таинственной землей.

Видга стоял рядом с дядей, смотря на темневшую полосу деревьев, сплошь покрывавших берег, и монах, случайно обративший взгляд на своего воспитанника, похолодел: «Опять!» На сей раз золотистый свет лишь ненадолго окутал волосы Видгу, что в предрассветной полутиме казалось серыми, и стинул. Только в глубине глаз остались теплые искры.

— Я чувствую тут Силу, — прошептал Видга. — Она недалеко, там, в лесах. Очень страшная и злая сила.

А за ней еще одна. Какая — не пойму. Точнее, не

выразить. Скорее всего она безразлична ко всему сущему. И она угасает...

У монаха мурашки по спине пробежали. Сейчас, в это очень странное время суток, когда уже и не ночь, но еще и не утро — кажется, древние называли это Часом Быка, — такие пророчества звучали очень и очень жутко.

— Свернуть парус, якоря в воду! — Торир озабоченно посмотрел на Видгу, который стоял как в параличе, и решил сначала дать людям поспать, а уже потом...

Промерив багром глубину, Олаф, багровея от натуги, спихнул за борт тяжеленный якорь-валун, ушедший в воду странно беззвучно. Снорри, Гуннар и Эйрик сделали то же самое на носу, а остальные поднимали к верхней перекладине мачты бело-синий парус. Когда все было сделано, Торир поставил четверых дружинных сторожить и, сказав всем отдохнуть, улегся сам.

Утро вечера мудренее. Впрочем, вот оно, утром-то...

Небеса над Атлантикой стали из черных фиолетовыми, а у самой кромки вод золотистыми, в мутно-серых разводах. Отец Целестин бросил последний перед сном взгляд на восток, к океану, обомлев и едва не полетел с палубы от удивления и восхищения.

Там, на восходе, лежали страны его юности, мир древних цивилизаций и новых королевств, колыбель и могила многих мировых религий, очаг, в котором выплавилось человечество. Там была Европа, Италия, Рим, Вадхейм. И оттуда запуганному донельзя всем случившемся в последнее время добром толстяку-бенедиктинцу пришло странное знамение. Яркий зеленый луч, подобный сверканию изумрудов чистейшей во-

ды, пронзил рассветное небо, рассеявшись только в черноте его западного края. Чувство было такое, словно из радуги вырвали самую насыщенную цветом ее часть, добавили туда зелени луговой травы после дождя, цвет молодого вина и буйную радость тропических лесов. Цвет надежды рассек надвое быстро наливающееся розовым небо на восходе.

— Зеленый луч, — раздался сзади голос Видги. — Добрый знак нам послан. Помнишь, ты когда-то рассказывал мне, что сие происходит оттого, что лучи солнца проходят сквозь воды моря и оно отдаёт им свои краски?

— Помню, — зачарованно ответил монах, не отрываясь глядя в небо над океаном. И в самом деле, что-то такое было.

— Этот знак послали нам те, кто нас ждет и надеется на нас. В зеленом луче сплелась не только наша, но и их надежда...

Видга развернулся и спрыгнул на нижнюю палубу, а отец Целестин стоял еще долго, наблюдая, как изумрудная стрела медленно исчезает, уступая место тревожному багровому оку вновь нарождающегося светила. Кто кого пересилит в грядущем противостоянии? Кто победит? Жалкая кучка смертных или грозные и неизвестные силы, обитающие в землях по одну и другую стороны Двери? Надежда или Багровый огонь? Вопрос, на который пока нет ответа...

Разбудила монаха Сигнию, причем очень скоро. Теперь отец Целестин уже не реагировал на того, кто вырывал его из сна, так бурно, как раньше. Вот и сейчас он моментом открыл глаза и поднял голову:

— Что?

— На вот, поешь. — Сигнию сунула ему в руки кусок лепёшки, изрядно засохший, и постылую рыбу.

— Все хорошо?

— Да, не бойся. Только тревожно что-то.

— И упорхнула наверх, так толком и не объяснив, в чем дело.

Отец Целестин хотел было еще чуть поваляться и спокойно съесть свою порцию, но доля беспокойства Сигнию передалась и ему. Нашупав верёвку, валявшуюся подле, он перевязал рясу и выбрался наружу, сразу же направившись на корму. Все еще сжимая в руке хлеб и рыбу, монах взобрался на палубу, где столпилось изрядно народа. Растолкав молодежь, окружившую конунга, святой отец первым делом накинулся на Торира:

— Что такое? Где беда?

Мрачный как туча Торир указал на берег, справа от корабля:

— Во-он. Видишь?

Отец Целестин поднёс ко лбу руку, загораживая глаза от солнца, и действительно разглядел то, что раньше скрывалось в темноте. Он опасался увидеть самый настоящий туман — про который говорил Тор, — полностью застилающий берег, но даже намёка на туманную пелену не было. Зато другое было — ничуть не лучше.

В четверти мили правее явно различались два спущенных на воду драккара и еще один, на берегу, у самой воды. Этот третий, видимо, еще строился: на корме обшивки не было и мачту пока не установили. Зато два других выглядели вполне normally. На пер-

вый взгляд. Только.. О, чёрт! Один из кораблей полуобгорел и был явно подтоплен — очень уж заметный крен на правый борт. Еще очень странно висели паруса. Точнее, их обрывки. Часть вёсел свешивалась с бортов, но тоже как-то неправильно... Щиты по бортам не висели. И ни одного человека рядом, ни костра или дыма. Пусто и тихо.

— Что ты об этом думаешь? — Торир судорож но слготнул слюну.

«Что убираться отсюда надо подобру-поздорову!» — едва не ляпнул монах, поняв одно: дело плохо. Но сдержался.

— Не знаю, не знаю...

— Вот и я не знаю! — хрюпал сказал Торир, настороженно осматривая близлежащий берег. — Все одно вызнать надо, в чем дело.

— И что теперь? — спросил Гуннар.

— Теперь?.. — Конунг на секунду задумался. — А ну на весла!

Там, где стояли драккары, были построены мостки. Добротно, из хороших брёвен. Видно, тут устраивались надолго, с расчётом на много лет. Торир, послав Олафа замерять глубину впереди корабля, осторожно подвёл кнорр к мосткам, и вскоре дерево ударилось о дерево. «Звезда Запада» пришла в гавань, к которой стремилась.

Дальнейшая тактика действий была за сотни лет отработана до мелочей. Двадцать дружинников в полном вооружении, прикрываясь круглыми щитами, один за другим спрыгнули на мостки, моментально выстроив хирд, и медленно двинулись вперед, зная, что с корабля их стерегут лучники. Чуть спустя они

ступили не берег, поросший низкой травой, и выстроились в две линии — одна за другой, — плотно сомкнув щиты и склонив головы так, что зазор для зрения между шлемом и щитом остался минимальный.

Тихо. Никого. Только птицы в лесу поют, как и пели все утро. Птицы?!

Эйрик первый опустил щит.

— Никого нет. Совсем. Я так понимаю, дичь тут пуганая, так стали бы птахи эдак по веткам скакать, если бы прятался кто?

Здесь действительно устроилась небольшая гавань. Широкая, ровная поляна, с трёх сторон окружённая сосняком, а дальше берег поднимался образуя крутой уступ. В ту сторону вела ясно различимая, утоптанная тропа, сворачивавшая куда-то направо. Корабельная стоянка отвечала всем требованиям викингов: тут тебе и поваленный и обтёсанный лес, аккуратно сложенный сбоку, котлы для варки смолы, сараи, куда на зиму затаскивают ладьи и даже маленькая открытая кузня. Хозяева словно ушли на минуту и скоро вернутся, чтобы приняться за работу.

Эйрик рассудил верно: как только пятеро друзейников, отосланных к краю леса в дозор, вошли под сень толстых золотых сосен, птицы мигом снялись и упорхнули дальше к чаще. Пока опасность не грозила. Да и следует ли страшиться нечисти сейчас, при свете солнца?

Торир оставил на корабле семерых, распорядился остальным высадиться и сам сошел на берег. Точнее, не на берег, а на соседний полузатопленный драккар. Осмотреть. Отец Целестин, демонстративно вы-

весив на грудь свой кинжал, теперь красовавшийся рядом с крестом, а также Сигню и Видга с Гуннаром отправились вместе с конунгом.

— Не пойму, забери меня Сурт! — сердился Торир. — Похоже, была битва — стрелы вон торчат, а ни трупов, ни крови. И отчего корабль так опалило, а сгорела одна обшивка на корме?

И точно. Вся кормовая часть драккара была изъедена огнем, — оттого-то он и затонул, осев в воду почти наполовину. Кое-где торчали стрелы — странные, не норманнские. Длинное, выкрашенное красным древко, оперение, некогда красовавшееся в хвосте или крыльях какой-то пёстрой птицы. Монах, поднатужившись, выдернул одну такую стрелу и, взглянув на наконечник, ахнул:

— Торир, Видга, вы только взгляните!

Наконечник оказался костяным. Гладкая, отточенная, видимо, о камни кость не затупилась, даже войдя глубоко в дерево.

— Дикари... — пролепетал отец Целестин. — Господи Иисусе, они железа не знают! Вот дьявольщина!

От волнения он не заметил, что нарушил сразу две заповеди: не употреблять всуе имена как доброй, так и злой силы. Да до того ли сейчас? Тем более что конунг оказался не прав, когда говорил, что крови нет. А это не кровь разве?

Одна из скамей потемнела от подозрительного коричневого пятна. А рядом валялась сломанная стрела и копье. Торир поднял его, задумчиво осмотрел и сунул в руки монаху. Недлинное, всего с две руки, древко украшал непонятный, раньше невиданный орна-

мент. Синие, красные, жёлтые треугольники, квадратики, зигзаги. И наконечник, окрашенный засохшей кровью. Из кости.

Монах выронил оружие из рук и побледнел. Он слишком хорошо разбирался в строении людского тела, чтобы не понять, какая то была кость. Обломок нижней челюсти человека. Та часть, что идёт от подбородка до коренных зубов. Правда, тщательно отполированная, заострённая на конце и по краям, но очень легко отличимая из-за малюсенькой дырочки, из которой выходила чувствительная жила.

Теперь отец Целестин слегка пожалел, что почти год обучался хирургическому ремеслу у знаменитого арабского врачаевателя и хрониста Аль-Масуди, коего повстречал, возвращаясь из Индии. Не всегда наука приносит радость и пользу.

— Т-Торир, ты знаешь, что это? — Он взглядел указал на упавшее перед ним копьё.

— Ну?

Объяснение не добавило хорошего настроения. Западные земли, где вадхеймцы рассчитывали хотя бы на минимум гостеприимства, становились в их глазах все более и более недобрьими. Отец Целестин начинал понимать, отчего нигде нет трупов, но догадка показалась настолько чудовищной, что он скорее бы язык проглотил, нежели бы высказал ее.

— Ладно, пошли на берег, — поиграв желваками, произнес Торир. — Может, они в поселке все прятались?

«Не думаю», — пронеслась мысль у святого отца.

— Видга, а ты ничего такого... ну как но-

чью, не чувствуешь? — Отец Целестин теперь всецело доверял чутью парня и надеялся, что с его помощью можно будет избежать опасности.

Видга задумался.

— Там есть Сила, — указал он на северо-запад. — Но сейчас день, и она спит. Она просыпается по ночам и бродит в этих лесах в поисках чего-то...

— Что она ищет? — вытаращился молчавший до поры Гуннар.

— Не знаю. — Видга нерешительно пожал плечами. — Может быть, нас.

— Ётуны уже доискались, — сказал Гуннар и добавил пару сложных оборотов речи такой биологической изысканности, что никто и не понял, что же именно германец имел в виду.

Перебравшись через свой корабль на мостки, отец Целестин и остальные спустились на берег. Земля. Твёрдая. Не качается и не подпрыгивает под тобой, как корабельная палуба. Отчего же так хочется вернуться на изрядно надоевшую за долгие недели ладью, а не идти по тропе, ведущей, как видно, к поселению Хейдрека. Что мы там увидим? Пожарище? Груду тел?

— Сигню, девочка, может, ты пока на корабле посидишь? — робко обратился монах к подопечной, но Сигню, похоже, твёрдо уверовала в непобедимость конунга, особенно после красочных описаний битвы с огненными великанами. Да и сама она не из робких!

— Нет уж, теперь я от вас никуда! Что, зря меня Видга да Снорри с Торгейром мечом владеть учили?

Да, верно. Молодая троица, все плавание петухами ходившая перед Сигню, постаралась. В остав-

шуюся у девушки между приготовлением еды и уходом за святым отцом свободное время все трое наперебой преподавали ей ратное искусство. Когда отец Целестин воспротивился, Сигнию заявила, что и обычные девы-воительницы могут стать валькириями. Вот Брюнхильд из саги о Сигурде, например. Монах вспомнил Гёндуль, и ему стало дурно при одной мысли, что Сигнию (то есть Мария!) когда-нибудь будет такой же, однако переспорить неожиданно заупрямившуюся девчонку не сумел. Да и чему можно выучиться за месяц с небольшим, когда даже многоопытный Торир, четверть века не выпускающий из руки меч, иногда сознаётся, что есть воины поискуснее его?

— Ну хорошо. — Монах понял, что теперь Сигнию и верёвками не удержишь. — Только будь всегда рядом, ладно?

Сигнию поморщилась. Ну что с ней может случиться?

Торир вначале хотел приказать оставшимся на корабле дружинникам во главе с Олафом отогнать «Звезду Запада» подальше от берега и там встать на якорь. Раздумал. По крайней мере при отступлении не придётся кидаться в воду и плыть к ладье под стрелами напавших дикарей. Олафу было сказано только: немедленно трубить в рог, если возле корабельной стоянки появится кто чужой, и отбиваться, пока не подоспеет Торир с остальной ратью.

Торир и с ним еще три десятка, соблюдая предельное внимание и осторожность, двинулись наверх по устланной старой, пожелтевшей хвойей дорожке. Собственно, не по дорожке, а по просеке — дере-

вья тут были вырублены, пни выкорчеваны, о чём монах догадался по осевшему песку, которым когда-то засыпали ямы. Просека оказалась неширокой — хорошо, если одна телега проедет. Отец Целестин подметил, что телеги тут ходили, ибо на тропе чётко прослеживались две колеи, а промежуток между ними зарос низкой травкой.

Солнечные лучи проходили через пушистые ветви столетних елей и сосен, в воздухе приятно пахло смолой и нагретой хвойей. В траве жужкали похожие на полосатых медведей-малюток шмели. Где-то стрекотали кузнечики, на все лады восхвалявшие жаркий июньский день. Отец Целестин углядел даже несколько белых берёзовых стволов, мелькнувших в удивительно приветливом и спокойном лесу. Ни дать ни взять — зеркальное отражение Норвегии. Западная земля оказалась очень похожа на старую добрую южную Скандинавию. Монах не верил, что в столь чудесном месте может обитать некое тайное зло, бродить страшные дики, использующие кости людей для наконечников своего примитивного оружия, однако старался идти след в след за конунгом. С боков отца Целестина закрывали собой и своими щитами Эйрик и Видга, а позади сопел Гуннар, опять что-то напевавший на своем варварском наречии.

Плотно сбившаяся цепочка людей двигалась медленно, у части дружинников наготове были луки, а сам конунг держал руку на гарде меча. Торир отоспал вперед две пары дозорных, пробиравшихся через лес справа и слева от тропы, шагов на пятьдесят опережая основной отряд.

Просека свернула направо, а затем дорога

начала подниматься наверх, взбираясь на крутой глинистый уступ. Видимо, для удобства продвижения телег часть склона была срыта, валуны убраны на края дороги, которая теперь проходила в искусственной ложбинке, плавно поднимавшейся наверх. Монах нескованно удивился, увидев даже специально высаженные молодые сосенки — их корни укрепляли края тропы, не давая песку осыпаться. Да, труда вложено много. Люди, надо полагать, рассчитывали жить здесь всегда.

Меж деревьев мелькнуло шустрое черно-белое животное размером с некрупного зайца. Зверь выскочил на дорогу прямо перед отрядом, на мгновение остановился, понюхал воздух и побежал дальше, не обращая внимания на удивлённо загудевших людей. Отец Целестин проводил взглядом черного, со странным пушистым хвостом, окрашенным белыми кольцами, лесного жителя, отметив про себя, что сия тварь, наверное, родственник барсуку, только хвост громадный да бегает куда как быстрее. Вот вам первая необычность — таких зверей в Европе еще не видывали. Шагов через двести лес поредел, появились следы недавней вырубки, и наконец взгляду вадхеймцев открылась широкая луговина и бревенчатый высокий частокол. Пришли.

Поселок мёртв. Это стало ясно сразу, еще до того, как Торир и его хирд приблизились к воротам. Не поднимался дым очагов, не слышно было речи людей или голосов домашней скотины. Никто остерегающим окриком со стен не остановил незваных пришельцев. Молчание и запустение. Все строения целы.

Монаху пришла было в голову несуразная мысль, что крепость, быть может, построили не

викинги, а местные племена. Но, рассмотрев все попристальнее, он понял, что постройки типично скандинавские и самодеятельностью дикарей здесь даже не пахнет.

— Вперед, — глухо рыкнул Торир, поправив шлем. Глаза его сердито сверкали из-за прорезей наличника. — Лучников назад, за строй!

До крепости идти пришлось по открытому месту. Разведчики, обшарив лес, вернулись, сообщив, что никого не приметили, а если кто прячется, то уж очень искусно. Осторожно двинулись к воротам.

Ворот, собственно, и не было. Там, где должны находиться их створки, в частоколе зияла неровная дыра — как тараном били. Очень большим. У отца Целестина внезапно задрожали колени, когда он понял вдруг, что это был за таран. Нет, нет, быть не может! Абсурд! Тебе просто показалось. Не дури!

А показалось, что ворота вышибли ногой. Огромной ногой, удар которой пришелся как раз посередине, в шов между двумя крыльями створок на высоте четырёх-пяти локтей. Отец Целестин одной рукой схватился за крест, а другой за кинжал, пытаясь придать себе немножко уверенности. Помогло.

В Поселок вошли перебираясь через множество обломков дерева и брошенное кем-то оружие. Копья, короткие стрелы. Норманнские, тонкие с закруглённым оконечьем, клинки, такие же, как в Вадхайме ковал Сигурд. Тоже бой был? Где тела?

Скрипели на сквозняке неприкрытые двери в пустых домах, черными язвами смотрели узкие окна-бойницы, и ветерок гонял сухой мусор. Из отворенных ворот хлевов не смотрели умными гла-

зами лошади, не блеяли козы, и петух не расхаживал гордо возле бревенчатой стены опустевшего мужского дома. Только сотни серых голубей на крышах.

Отец Целестин не раз бывал в брошенных или вымерших городах и поселках, для него зрелище это не стало новым, но никогда сердце монаха так не сжималось в предчувствии некой чудовищной беды. Нет, не опасности. Именно беды, которая, возможно, случилась уже или еще случится. Продвинувшись к самому центру поселка. Вот еще дом и... Огромное, занимающее пятидесятишаговую площадку кострище не дымилось. Гора серого пепла. Недогоревшие дрова. И десятки обугленных человеческих оставов.

Это не погребальный костёр.

А над остатками кровавой тризны возвышался вбитый в землю толстый столб с вырезанным на нём клыкастым и узкоглазым лицом неведомого божества.

Вендиго...

10. ДУХ ЛЕСА

ало-помалу картина трагедии, постигшей род Рыжебородого Хейдрека, стала проясняться. Правда, не до конца. Непонятно, как противник смог захватить весь Поселок, только лишь разбив ворота, где их защитники могли довольно успешно сдерживать достаточно крупные силы нападавших, — пролом-то не такой и огромный. На стенах нигде не нашлось следов штурма, не обнаружились и подкопы. Во круг частокола хирдманны подобрали множество норманнских стрел, а вот стрел с костяным наконечником было всего-то с десяток. За прошедшее с момента разгрома время, видимо, прошли дожди, и следов на земле не осталось, да и разобрать по ним, что к чему, было бы наверняка невозможно.

Еще более странно выглядело кострище. Конечно, ни у кого не осталось сомнений, что тут состоялось людоедское пиршество. Отец Целестин с содроганием вынул одну из костей и показал на ее краю следы

зубов. Тоже человеческих. Но отчего кости лежат не единой грудой, а десятью аккуратными кучками и только по краям того места, где бушевало пламя? Самым впечатляющим и жутким был громадный деревянный идол, вырезанный из цельного соснового бревна. Перво-наперво показалось, что от нижнего края личины истукана до земли столб общит кусками меха — встречались лоскуты и светлые, и потемнее, но монах, подойдя поближе, едва не завыл от ужаса. Ствол покрывали волосы людей, содранные вместе с кожей. Кое-где даже сохранились заплетённые косицы — как мужские, так и женские, — сейчас сбившиеся в колтуны.

— Господи, что же здесь произошло? — Монах схватился за руку Торира. — Конунг, пойдем отсюда! Назад, на корабль! Вернемся домой!

— Да, он дело толкует. — Даже у вечно безразличного Гуннара голос дрожал. — Надо уносить ноги, Торир. Я согласен закончить жизнь в бою, но не в желудке дикаря или кого похуже. Ты посмотри — их как на убой сгоняли!..

Конунг скрипнул зубами, не зная, что и делать. Естественно, что отступать перед опасностью он не приучен, но опасность надо если не видеть, то хотя бы знать, что она собой представляет. А кроме того, без колдовства здесь не обошлось, это точно. Следующие слова Торир выдавил из себя с трудом, прекрасно понимая, чем рискует:

— Пока все не осмотрим, не уйдём. Ночевать будем на корабле, подальше от берега. А сейчас.. Эйрик, Гуннар и Хедин — к воротам, Видга, бери еще четырех и полезайте на стены. Бить из луков любого, кого

увидите. Остальным — искать! Переверните тут все, но найдите хоть что-нибудь, что укажет на убийц! Мы должны отомстить! — Торир с ничего не выражавшим, каменным лицом повернулся к деревянному идолу.

— Не верю! — прорычал конунг, глядя в незрячие глаза чудовища. — Не верю, чтобы ты был сильнее моих богов! И я, и Асы еще сочтёмся с тобою, тварь!

У конунга непроизвольно дернулась щека, и он вытащил меч:

— Хёдброда, Винги, помогите мне убрать это отсюда! — И клинок глубоко вошел в основание истукана. Двое дружинников — мужики уже в годах и много повидавшие — вслед за конунгом с остервенением вогнали лезвия боевых топоров в толстый ствол.

Остальные разбрелись по поселку, заглядывая в каждый дом, в каждую пристройку. Сигню уже не показывала отчаянную смелость и держалась поближе к отцу Целестину, которому самому впору было от страха в петлю лезть. Пересилив себя, монах все же решился войти в самый ближний дом. Дверь, естественно, не заперта. Самый обычный общий зал за сенями. Скамьи, очаг, котлы... Батюшки, да они же еще с едой! Только вот варево заплесневело, подгнило. Запах неприятный, мертвый. А так кажется, что люди, жившие в этом добродотно построенным, крепком и просторном доме, покинули его совсем недавно. Только оружие, обычно висевшее на стенах и столбах, исчезло.

Сердце дернулось в груди, пропустило два удара и забилось в два раза быстрее, когда мгновенная светлая тень метнулась от ближнего угла под одну из ла-

вок. Монах судорожно утёр рукавом пот, выступивший над верхней губой, и широко раскрытыми глазами посмотрел на вставшую у скамьи на колени Сигнию. Все-таки нервы у девчонки покрепче.

— Ну, иди сюда, хороший, иди... — Отец Целестин понял, с кем Сигнию ворковала, только когда она вытащила на свет поджарого белого кота. Котище не отбивался и только едва заурчал, когда Сигнию подхватила его, подняв на руки.

— Это наш кот, — сказала она, осмотрев зверя, безвольной тряпкой повисшего на руке.

Отец Целестин понял, что Сигнию имела в виду по словом «наш». Кошки такой раскраски встречались по всей Норвегии, Швеции и Дании. Белых домашних хищников можно было найти везде, где хоть ненадолго селились викинги. Отличительная особенность породы «норманнских» котов состояла в рыжем пятне возле хвоста и исключительно густой гладкой шерсти. В первые годы жития в Вадхейме монах бывал вместе с Горирем в самых разных поселениях на побережье Норвегии и Швеции, и везде бродили эти вот белые с рыжим пятном звери, — окраска сохранялась стойко даже при браке с «посторонними» котами. В таких пометах хоть часть котят имела рыжий знак рода. Значит, и Хейдрек вывез на запад своих любимцев.

— Его нельзя тут бросать. — Сигнию прижала кота к груди, словно боясь, что отец Целестин сейчас потребует выбросить ненужную тварь, но у монаха и мыслей похожих не возникло.

— Конечно, конечно, — закивал он. — Его надо отнести на корабль, пусть живёт с нами.

Осмотр остальных помещений тоже не принес ничего хорошего. Режущее глаз отсутствие людей нагоняло на и без того пребывавшего в черной меланхолии монаха еще большую тоску. В последнем покое, где наверняка жила большая семья, отец Целестин сделал леденящее кровь открытие. Превозмогая страшную вонь, он обследовал весь покой в поисках ее источника и наткнулся на мертвого, полуразложившегося младенца в деревянной люльке. Подавляя подкативший к горлу скользкий рвотный комок, святой отец зажмурил глаза и, стащив со стоящей рядом лавки черно-бурую, видно медвежью, шкуру, накрыл ею маленькую могилу и ее обителя вместе с шевелившимися белыми червями.

Сквозь зубы пробормотав молитву за упокоение пусты и некрещеной, но безвинной души, отец Целестин быстрым шагом пошел прочь из мертвого жилища.

Торир и его помощники уже рубили на куски низверженного идола. На конунга было жутко смотреть — в такой ярости монах не видел его даже в ночь штурма Вадхейма данами.

И вдруг со стены раздался крик Снорри, и тотчас щёлкнула тетива самострела.

— Скорее сюда! — мгновение спустя надсадно закричал Снорри. — Я подстрелил его! Скорее!

Все опрометью бросились к воротам, вынимая на бегу оружие. Сигню перебросила кота в левую руку, а правой вытащила короткий, почти игрушечный меч, то ли в шутку, то ли всерьез подаренный когда-то Видгой.

— Кого высмотрел? — Тяжело дышащий конунг поднял голову, закрываясь рукой от бьюще-

го в глаза солнца. Снорри, стоящий на верхних мостках, идущих вдоль всего частокола, ткнул рукой куда-то за ограду:

— Там был человек! Подползал в траве сюда! Кажется, я в него попал!

«Господи, а вдруг это кто свой был?» — испугался отец Целестин, но немедля отверг нелепое предположение. Все свои лежали в костре...

Торир и поддесятка дружинников, закрывшись щитами, выбрались через пролом наружу и, следуя указаниям Снорри, отыскали тело. Схватив незнакомца за ноги, они подтащили его к воротам и занесли внутрь ограды.

— Насмерть, конечно... — разочарованно протянул конунг, оглядывая труп дикаря с торчащей из черепа стрелой.

— Жаль... Была бы жертва Одину! — послышался озлобленный голос Эйрика. Остальные промолчали, глядя на простёртое на земле тело, но, похоже, с Эйриком соглашались.

— Никогда таких не видел. — Торир присел рядом, поманив отца Целестина. — Кто это? Из каких племен будет?

Монах пожевал губами. Да, вот еще загадка. Человек не подходил по виду ни к одной известной ему расе. Похожих людей он видел в Индии, но только похожих. У этого кожа бронзовая, с красноватым оттенком, глаза по-восточному узкие, нос с горбинкой. По лицу ни на негра, ни на европейца, ни на араба не тянет. Волосы цвета воронова крыла с просинью, в косицу позади увязаны. Монах нагнулся и, одолевая отвращение, повертел в руках мертвейскую голову.

«Форма черепа похожа на азиатскую, — заключил он. — Но отчего столь странный цвет кожи? Не пойму. Или это новый народ, какого на Востоке еще не видели, или я съем свою рясу!»

— Не знаю, — сознался отец Целестин. — Я тоже первый раз такого вижу.

Торир понимающе кивнул и обшарил одежду мертвеца, состоявшую только из штанов да широкой рубахи. Сдёрнув что-то с его шеи, конунг продемонстрировал костяной кинжал и ожерелье из клыков крупного зверя. Ладно, хоть не человеческих...

— Ну вот, теперь мы знаем, как выглядят враги, — тихо проговорил он. — Все осмотрели? Нашли чего?

Аружинники замотали головами. Нигде никаких следов. Сигню показала кота, и впервые за весь день на лице Торира появилась улыбка.

— Хоть кто-то уцелел. Неси его к нам. — И, повысив голос, он приказал: — Всем обратно на корабль! Если был один соглядатай, значит, и другие неподалёку.

— Что будем делать дальше, конунг? — смотря в землю, спросил Эйрик. — Я не трус, но если эти... — он указал на тело дикаря, — укрепленный поселок с двумя сотнями людей взяли, то нашим четырем десяткам мечей...

Эйрик замолчал, не закончив.

— На корабль! — скав кулаки, жёстко ответил Торир. — Двинулись!

Обратно шли быстро, почти бежали, не высыпая вперед даже дозора. Конунг решил, что если Олаф не подал рогом сигнал, значит, в лесу чисто. Да и чутьё на опасность никогда не подводило Торира из Вад-

хейма. По его мнению, неприятных сюрпризов следовало ждать к ночи.

— Нет, ну ответьте мне, как их взять смогли? — размышлял на ходу Гуннар, у которого от волнения акцент стал непереносимым для непривычного слуха. — Почему скотину угнали, а в домах ничего не тронули? Оружие железное почему не взяли, если у дикарей оно только из кости? Да и скелетов на кострище явно не две сотни и не три. Куда других людей дели?

— Увели, наверно, — глухо отозвался Видга. — Теперь я знаю, отчего Вендиго туманом землю задешнюю закрыл...

— Да, — грустно ответил монах. — Боги Асгарда ничего не могут рассмотреть и узнать. А будь люди Хейдрека христианами, Господь не допустил бы...

— А нехристиане что, не люди? — зло огрызнулся Торир. — Или им защита Единого не нужна? Да ну тебя!..

Отец Целестин обиженно замолчал, в глубине души, однако, признавая правоту Торира. Но ведь сказано в Святом Писании: «...всякая душа, которая не послушает Пророка того, да истребится из народа¹³». Так кто прав? Конунг викингов или Моисей?

Чего уж теперь спорить... Мёртвых не воскресить.

Лес миновали без происшествий, не встретив ни одной живой души. Только птицы перекликались в ветвях сосен, громко обсуждая свои птичьи дела, да шныряли в подлеске мелкие зверьки, старавшиеся не показываться на глаза человеку. На корабельной стоянке ничего не изменилось, а Олаф, спрыгнувший с ладьи

на берег при виде вернувшегося ни с чем отряда, сразу подошел к Ториру:

— Где Хейдрек? Вы никого не нашли?

— Нашли. — Конунг в двух словах рассказал о виденном в поселке и затем еще раз оглядел окрестность. — Олаф, во-он видишь справа ручей? Бери десяток людей, выставь дозор, а остальные пускай воды натаскают. Ночевать будем в море.

— Сделаю, — нагнулся голову Олаф и тут же взялся за дело, отдавая команды хриплым голосом.

Наполнить бочки на корабле было необходимо — одна показала дно еще седмицу назад, а в другой пресной воды было едва ли на один день. Пятеро дружинников с бадьями направились к ручью под охраной рассыпавшихся по лесу лучников, а еще несколько человек принялись скашивать выросшую у краев корабельной поляны траву — сено для лошадей тоже подходило к концу. Работа нашлась всем — даже отец Целестин таскал на «Звезду Запада» охапки свежей травы, на которую лошади набросились так, будто их год не кормили. Вечером, когда наконец все, что нужно, было сделано, Торир велел браться за весла.

Кнорр тихо отошел от деревянной пристани и заскользил по гладкой воде прочь от недоброго берега. В полугора-двух лигах к юго-востоку виднелся тот самый длинный остров, мимо которого проплывали ночью, и Торир решил было высадиться и заночевать на нём. Потом раздумал — на корабле все-таки безопаснее. Дальше четверти лиги от берега начинались большие глубины, и якоря не могли достать дна, а посему, отойдя в море, самое большее, на триста саженей, конунг велел сушить весла и встать на стоянку. Берег отсюда

просматривался прекрасно: если что случится, всяко можно будет разглядеть, а вот стрелой из лука достать ладью уже невозможно. Только если...

— Как ты думаешь, лодки у дикарей есть? — Вопрос конунга относился к все еще дувшемуся на него монаху. Отец Целестин поднял брови:

— Почем мне знать? Может, и есть. А может, и нет.

Торир почесал в затылке, но все же распорядился никому на ночь брони не снимать. И четверых на стражу выставил, едва солнце ушло за побережные леса.

Темнело быстро, а поднявшийся северный ветер нагнал облака, грязно-серой пеленой заслонившие только появившиеся звезды. Сигню, не расстававшаяся с кошкой, которая была накормлена и напоена до отвала, заглянула в закуток монаха:

— Пора спать, отец Целестин.

Монах при последних лучах света заносил в хронику события прошедшего дня. Подняв голову, он посмотрел воспалёнными глазами на Сигнию и чуть улыбнулся:

— Конечно, ложись. Мне совсем немного осталось. — Он раздражённо потряс бутылочку с черной краской, служившей ему чернилами. — Вот, кончаются. Я-то думал — надолго хватит...

Сигнию давно уснула, когда отец Целестин отложил кипу листочеков, спрятал писало в берестяной футляр и, задув лучину, выбрался наружу — подышать свежим воздухом на ночь.

Было совсем темно, так как Торир запре-

тил жечь факелы, и недалёкая земля казалась лишь немного темнее затянутого облаками неба.

На носу и корме негромко переговаривались дозорные. Монах рассыпал гнусавый голос Гуннара, травившего сотоварищу по ночной службе байки про свои прошлые приключения.

Что-то мягкое и теплое коснулось ноги — кот тоже вылез на палубу, потёрся шеей о сапог отца Целестина, зевнул, потянулся и уселся рядом, уставившись зелеными глазами в воду. Всхрапнула одна из лошадей, стукнув по палубным доскам копытом, и опять затихла. Дружина спала на воздухе, некоторые ворочались от неудобства — попробуй-ка полежи на ветру в кольчуге. Горир богатырски хрюпал, широко раскинувшись возле наполненной водой бочки. Видно было, что левая рука конунга сжимает рукоять ножа у пояса.

— Ты чего бродишь? — Резкий шёпот незаметно подошедшего сзади Гуннара заставил святого отца вздрогнуть. — Или до ветру вышел? Тогда давай за борт...

Отец Целестин издал едва слышный стон. Полное отсутствие у германца какой-либо щепетильности в подобных вопросах его просто бесило. Монах сразу сменил тему разговора:

— Тихо пока?

— Да. Нигде и никого, — почему-то с сожалением в голосе ответил Гуннар и, постояв рядом еще немного, отправился обратно. Отец Целестин не был настроен на беседу.

— Доброй ночи! — вполголоса сказал Гуннар с кормы. Монах ответил аналогичным пожеланием, пусть и терзало его острое предчувствие, что на-

ступившая ночь будет какой угодно, но только не доброй или спокойной.

Он долго молился, вознося к престолу Всевышнего просьбы о спасении своей души, ибо, как считал отец Целестин, сейчас это самое «спасение» находилось под большим сомнением из-за возникшего перед ним неразрешимого философского вопроса: «Как я могу не верить в языческих богов, если я знаю, что они есть?» Ну действительно, как? Ведь после Исландии, плавания на «Звезде Запада», ведомой богом из Асгарда, явлений Одина и Тора нельзя утверждать, что они — «суеверие». А говорить так — значит говорить неправду, что тоже есть грех. И в то же время Вера Истинная непреложно утверждает: языческих богов нет и никогда не было. Это все выдумки варварских народов, достойные лишь порицания и, чаше, наказания. Тупик, однако...

Излив небесам душу, отец Целестин троекратно осенил себя крестом и осторожно стал пробираться к своей норке. И тут...

И тут белый котище, доселе мирно сидевший рядом, выгнулся спину и отчаянно зашипел, да так, что у монаха мороз по коже пошел. Отец Целестин повернулся к берегу, всмотрелся во тьму и сразу же уловил несколько мелькнувших в лесу огоньков. Тотчас же истощные крики Гуннара и сторожей на носу кнорра подняли всю дружину на ноги.

— Люди... — Моментально проснувшийся Торир оценивающе смотрел на берег, где кружились не меньше десятка красноватых пятен факелов.

— Очень много, — сказал Видга. — Как ты думаешь, что они станут делать?

— Подождем. Да, сегодня поспать не придётся. Но и показывать себя мы им не будем.

— Конунг повернулся к остальным: — Пока не шуметь. Здесь они нас вряд ли достанут. Но смотреть в оба!

Прошел час, другой. Положение не менялось. Неизвестные люди запалили несколько больших костров у самого берега. Стали видны тёмные силуэты араккаров, на которых когда-то плавали викинги из рода Хейдрека, вокруг огня мелькали неясные тени, долетали приглушенные горланные возгласы... И все.

К отцу Целестину неожиданно подошел Видга, чем-то очень обеспокоенный. Даже в темноте монах видел, что парень бледен, глаза расширены. Да и сам Видга не скрывал своего страха.

— Слушай, береста Тора у тебя? Монах схватился за грудь, ощупывая рясу, и наконец нашел за пазухой свернутый в трубку подарок.

— А что?

— Я боюсь, — просто ответил Видга. — Боюсь того, что приближается из лесов.

У отца Целестина отвисла челюсть. Чтобы нормани признался в том, что он боится? Да, дело становится серьезным. Вдобавок монах углядел едва заметные бело-жёлтые искры, пробегавшие по волосам Видгу.

— Что ты увидел? — Отец Целестин безуспешно попытался скрыть дрожь в голосе.

— Помнишь, я говорил о Силе, живущей в этих землях? Так вот, она ожила и идет сюда. Ётунов я боялся меньше...

— Может, следует сказать Ториру? Под-

нимать парус и уходить в океан? — Святой отец тихо запаниковал, но Видга остановил его:

— Торир не повернёт назад. Если совсем худо придётся, поджигай бересту...

«Святые угодники, спасите и защитите!»

— Монах взгляделся в свет не столь далеких костей, но пока не нашел там ничего подозрительного. Только что за холм появился, четкой, высокой тенью поднимающейся над лесом?

Ледяной ветер ударил в лицо. Никогда не подумашь, что ветер может быть настолько холодным, пробирающим до костей. Не спасет никакая одежда — для него она не существует. Костры возле драккаров внезапно погасли — все до единого и одновременно. Голоса дикарей затихли. Они, наверно, сами испугались того, что пришло из самых черных и непроходимых чащ.

Глубоко внутри зашевелился, расползаясь по всем членам, холод смертельного ужаса, такого, какой испытываешь только при встрече с самим дьяволом, пришедшим забрать тебя в свое царство. Появившееся на берегу создание не походило ни на что ранее виденное монахом. Эта Сила не любила и отрицала свет, жизнь, огонь. Она жила, точнее, существовала только для себя, используя живых исключительно как слуг или рабов...

Неровный, подобный лунному, зелено-синий свет вдруг залил берег, бросив свои мертвенные лучи на океанские волны.

Очень странное зрелище: нигде не видно источника света, он является ниоткуда и в то же время отовсюду; кажется, что земля, деревья, море сами из-

ливают не создающее тени мерцание. Мерцание болотной гнили.

Время не остановилось, не повернуло вспять. Оно просто перестало существовать. От реального мира ничего не осталось — ушли запахи, ощущения света, даже воздух словно сгустился, и теперь, чтобы сделать простой вдох, требовались немалые усилия. Сейчас монах понял, как должен выглядеть Нагльфар — корабль мертвецов из скандинавских легенд о конце света. Точь-в-точь так, как сейчас «Звезда Запада»: светящееся гнилое дерево, люди-призраки, сжимающие в руках бледные мечи, на лезвиях которых трепещет неживое пламя...

Преодолевая возникшую вдруг солнную тяжесть, забивающую сознание волну черной мутни, отец Целестин перевёл взгляд туда, где у самой кромки воды поднималась черным пятном Сила. Да можно ли назвать столь гордым словом то, что само мертвое и несёт только смерть и холод? А монах был уверен в своих чувствах — оно не живое.

Пламенные ётуны в сравнении с Духом Лесов показались бы карликами, не достойными никакого внимания. Ступни громадного существа утопали в невесть откуда взявшемся тумане, что мутными клубами скатывался с берега, а вот выше... Локи был прав, когда говорил, что Вендиго мало похож на человека. Издали создавалось впечатление, что его тело покрыто густой черной шерстью, кое-где свалявшейся в комки. Лица не было видно, только лишь вспыхивали ледяные зеленые искры близко посаженных друг к другу точек-глаз. Три сотни саженей — расстояние достаточно большое, но даже с палубы кнорра ощущалась немыслимая

мошь Вендиго. Рост Духа Лесов превышал все мыслимые размеры, голова чудовища поднималась над верхушками самых старых сосен, которые ему, наверно, виделись так же, как человеку — высокая трава. Стволы рук могли сокрушить без усилий любое укрепление, любой корабль.

И вот Вендиго медленно поднял вверх левую руку и развернулся ладонь к кораблю из Вадхейма. Явственно сверкнули длинные лилово-черные когти.

Дальнейшее можно бы было назвать одним единственным подходящим словом: дуновение. Отец Целестин зачарованно наблюдал за разошедшейся от ладони Вендиго волной то ли воздуха, то ли невесомого подсвеченного бледного тумана. Волна расходилась от Духа Лесов подобно одинокому кругу на воде, медленно, но неотвратимо накатываясь на замерший в ожидании беды корабль. Отец Целестин очень-очень медленно поднес руку к вороту рясы, но времени, чтобы достать подарок Тора и позвать на помощь бога-громовержца, уже не оставалось. Да и где взять сейчас огонь? У кого кремень?..

Волосы Видги запылали золотом среди призрачной полутимы, он попытался закрыться щитом, но в этот момент дуновение достигло «Звезды Запада»; туманная волна ударила в борт, перевалила через него, залив палубу и поглотив замерших людей. Распространился тонкий, почти неощущимый запах разложения, слизко-тошнотворная зыбь захватила все вокруг. Оружие стало валиться из рук, люди будто остолбенели, замерев в тех положениях, в которых стояли, а затем начали, точно в полусне, опускаться на доски палубы.

«Теперь ясно, как они захватили Хейдре-

ка и его поселок... Вот и конец твоим странствиям, отец Целестин...» Монах чувствовал, что задыхается, слабость в ногах усилилась до дрожи, а сознание начало покидать тело. Последним, инстинктивным, движением отец Целестин ухватился правой рукой за висящий на груди старый серебряный крест-распятие.

Ладонь обожгло. Обожгло сильно, до слез. Резкая боль и еще что-то неуловимое, непостижимое угасающему разуму вначале встряхнуло его, а затем монах ощутил теплые толчки, равно как под правой рукой был не кусок серебра, а живое человеческое сердце. В голове прояснилось, насланная Лесным Духом истома изгонялась бесследно ровными, мощными ударами. Тело вновь обрело силу, мысли стали чёткими, дурнота ушла прочь, не оставив о себе воспоминаний. Отец Целестин выпрямился, все еще скимая крест.

— Что, съел? — Монах, твёрдо стоя на ногах, погрозил кулаком возвышавшемуся на берегу черному силузту и быстро осмотрелся.

Такое можно увидеть только в дурном сне. Дружина Торира лежала вповалку на палубе. У многих из неприкрытых ртов текла слюна. Сам конунг, видимо в последнем усилии пытавшийся поднять меч для защиты от неведомого, упал грудью на фальшборт, и теперь его руки бессильно свешивались вниз, к воде. Мёртвый корабль, освещенный зеленоватыми лучами колдовского огня, теперь можно взять голыми руками. Не этого ли Вендиго добивался?

— Помоги... помоги встать. — Придушенный хрип пришел от самой мачты, где повалившиеся на бок лошади выглядели бесформенными грудами ис-

порченного мяса. Монах кинулся туда, выискивая того, кто еще мог говорить.

— Ну давай же! — Хрип перешел в стон, когда отец Целестин споткнулся о скатившийся с чьей-то головы шлем и тяжело повалился на круп лежащего подогнув ноги коня. А рядом кто? Все святые, Видга?

— Ты... ты как? — Монах подполз к тяжелу дышащему парню, пару раз ударил по щекам, надеясь привести в сознание. Видга открыл совершенно безумные глаза, собрав последние силы, приподнял голову и снова уронил ее.

«Ну, другого выхода нет! — Отец Целестин снял с шеи старинное распятие и вложил его в руку Видгу. — Я уже покил, а вот он, глядишь, и сможет спастись».

Дурнота появилась снова, но теперь волшба Лесного Духа не действовала так сильно. Разум оставался ясным. Видга же зашевелился почти сразу, сел, потряс головой и недоумевающе разжал ладонь:

— Что это? Зачем ты его дал мне?

— Потом объясню! — торопливо сказал отец Целестин. — Ты только крест пока не выпустай, ладно?

Видга встал, помог монаху подняться с четверенек и вдруг схватился за голову:

— Во имя Одина, ты только взгляни, что они делают!

У берега маленькие серые тени (люди?) быстро сталкивали на воду узкие длинные лодочки-челноки. Два, шесть, десять... Монах закусил губу. Теперь точно конец — дикиари, подчинённые волей Вендиго, захватят корабль без усилий. Вместе со всем экипажем, пребывающим в колдовском сне. Дальнейшая судьба

представилась монаху очень чётко: в лучшем случае — рабство, в худшем же... Нет, об этом думать не нужно. Остается только уповать на милость Господа или богов Асгарда. Без них двое людей остановить не один десяток людоедов не смогут, будь они хоть эйнхериями.

Видга переложил крест монаха в левую руку, правой поднял валявшиеся под ногами два меча, один из коих вручил отцу Целестину.

— Ну вот, сейчас ты пойдёшь к своему Богу, а я в Вальхаллу, — спокойно сказал он. — Один примет меня. Живым я им не дамся...

Монах от страха икнул, но меч взял. Когда-то он неплохо им владел.

Лодки приближались быстро и бесшумно. Вода моря, казавшаяся густым студнем, пропускала их беспрепятственно, и вскоре уже стали видны скуластые лица дикарей. Их кожа утратила бронзово-красную окраску, сейчас они выглядели бледно-серыми выходцами из могилы. Ожившие мертвецы...

— Что, уже и в штаны наложили? — плетью хлестнул из-за спин скрипучий голос, странно знакомый и отцу Целестину, и Видге. Видга мгновенно развернулся, выставив перед собой меч. Закругленное остриё почти уперлось в грудь невысокого человека, неведомо как оказавшегося на борту ладьи. Хитрые прищуренные глазки, рыжая бородка клочьями... Локи!!!

— Фу, фу, очень боюсь! — Локи пальцем отвёл от себя лезвие меча. — Ты бы Вендиго лучше так пугал, а не старого доброго Лофта.

Локи кинул взгляд через плечо Видгу на воду и издевательски ухмыльнулся:

— Как делишки, смертный? А Вендиго и на деле очень хороши! Ты только посмотри, какой герой! Грудь колесом, нога — что твоя мачта! Удивительная тварь, правда?

— Ты бы вместо трепотни лучше сделал что-нибудь! — истерично выкрикнул монах. Лодки дикарей приблизились на расстояние пятнадцати локтей. Еще немного, и...

— Еще чего! Какой смысл мне — мне! — ради вас надрываться. — Локи сделал паузу, с удовольствием наблюдая за звереющим святым отцом, и закончил: — Все ваш любимый Ньёрд сделает, а мы посмотрим, как это у него получится.

Локи со скучающим видом уселся на скамью возле весельной уключины и, подперев ладонью щеку, невозмутимо стал наблюдать за подходящими к бортам кноррьями членами.

Первый плавник, второй, третий, пятнадцатый... Вода вскипела вокруг вадхеймской ладьи, ударили в воздух облака пара, выброшенные внезапно появившиеся китами-убийцами. Сейчас двуцветные красавцы оправдывали данное им имя. Многоголосый вопль предсмертного ужаса разнёсся над океаном: морские гиганты переворачивали лодки, разрывая страшными зубами хрупкие человеческие тела. Дикари летели в воду, чтобы прожить еще лишь несколько мгновений. Отец Целестин закрыл глаза и едва не потерял сознание, когда совсем рядом с кнорром перевернулся чёлн и один из дикарей вывалился точнёхонько во внезапно появившуюся из глубины бездонную пасть кита-убийцы. Челюсть закрылась, хруст ломаемых безжалостно костей стегнул, как кнутом по коже, ударил тугой

фонтан крови, и ставшая красно-черной морда морского воителя исчезла, уйдя под воду.

Призрачный свет начал гаснуть. Вендиго, поняв, что первый бой проигран, оставил свое воинство на растерзание дружине Ньёрда и покинул берег, уходя в непролазные лесные крепи. С ним начало исчезать и колдовство.

Битва, а вернее, расправа с дикарями длилась недолго. Какое-то время в почерневшей от крови воде еще мелькали светлые пятна — киты переворачивались на спины, чтобы подобрать оставшиеся куски людской плоти, и затем все стихло. Ньёрд и его грозная дружина отомстили за гибель рода Хейдрека.

— Есть дикари — есть проблема, нет дикарей — нет проблемы, — пропел Локи. — Символично, не правда ли? Людоеды сами попали на обед в качестве блюда. Надо будет как-нибудь спросить у Ньёрда о качестве мяса. — И Локи безудержно расхохотался.

— А что с ними? — Видга покосился на все еще спящих дружинников. Правда, теперь они уже больше не выглядели мёртвыми. Просто спят.

— Скоро поднимутся. — Локи махнул рукой. — А пока у нас, дорогие мои, есть время поговорить о делах. Кстати...

Маленький бог подошел к телу конунга, не без усилия перевернул его на спину и дунул в лицо.

— Встань! — коротко приказал Локи.

Торир некоторое время лежал неподвижно, затем заморгал глазами и, потянувшись, сел прислонившись спиной к весельной скамье.

— Лофт? — Конунг мигом вскочил на ноги. — А что тут было?

— Так, ерунда. Пока ты, приятель, отсыпался, бедный Локи делал все возможное для того, чтобы Торир из Вадхейма и его дружина не попались на зубок Вендиго, а потом и Нидхёггу. Ах, какая была битва! — Локи мечтательно закатил глаза, но его остановил отец Целестин, не испытывавший к наглецу ни малейшего уважения. Да будь ты хоть десять раз богом, но присваивать чужие заслуги я тебе не дам!

Без церемоний оттолкнув недоуменно посмотревшего на него Локи, монах усадил Торира обратно на скамью и быстро рассказал о произошедшем. Видга подтвердил.

— Ну и ну... — Торир потёр рукой шею. — Как же вышло, что мы все... — Он с выражением неподдельного изумления оглядел развалившихся на палубе кнорра дружинников. Локи хихикнул из темноты:

— Да уж, так вышло. Только почтенный служитель Единого в своей красочной повести не осветил один моментик. Интересно, кто, по-вашему, к Ньёрду успел слетать, пока вы тут дурью маялись? Кто его дружину сюда привёл? Не знаете?

— Ну и кто же? — развязно спросил монах, забывший былые страхи. После эдакой ночки ему море было по колено.

— То был злобный Локи! — проскрипел бог. — Я с вами вчера целый день, кстати, провёл, обличье сбросив. Все час выбирал, когда поболтать спокойно сможем. А вы... — В его голосе зазвучала обида. — Между прочим, Локи на этом проклятом берегу уже полную седмицу сидит, вас поджиная. Хамы невоспитанные!

— Извини, — сухо бросил монах. Что бы

Локи там ни говорил, отцу Целестину он все равно не нравился.

— Семь дней? — изумился Торир. — Так крепость Хейдрека при тебе брали? Что, не помочь им было?

— Я опоздал всего на день, — вздохнул Лофт. — Пришел, когда все было кончено. Теперь уж ничего не поделаешь...

Локи прогулялся до кормовой палубы, отпихивая носком сапога руки и ноги пребывающих в забытии аружинников, раскопал связку нарубленных вчера в лесу толстых сосновых веток для факелов и вернулся к конунгу.

— Зачем в темноте сидеть? — Красивые, тонкие пальцы ловко обмотали конец палки обрывками тряпок. Откуда-то взялась смола, и наконец факел зачадил, вставленный в отверстие уключины.

— А не заметят? — Монах настороженно кивнул в сторону берега.

— Кто?! — Локи едва не сплюнул. — Те, кто мог заметить, давно в желудках Ньёрдовых молодцов, а других Вендиго сегодня вряд ли приведёт. Ты мне лучше скажи, отчего не заснул вместе с другими? Ну, племянник конунгов парень крепкий, да наследие в нём древнее живо. А ты-то как волшбе не поддался, ума не приложу!

— Чудо Господне! — Монах с удовольствием и во всех подробностях поведал о чудесном кресте и даже продемонстрировал ожог на ладони. У Видгу, кстати, был такой же. Торир сидел вытаращив глаза.

— Да, чем мне христианский Бог нравится, так это тем, что помогает редко, но всегда очень во-

время, — после некоторого молчания заявил Локи. — Учу на будущее. А теперь слушайте сюда. Пока вы по морям селёдку гоняли, Лофт в Междумирье ходил. Чашу Сил я нашел. Точнее, знаю, где она. Нидхёгг держит Трудхейм у себя, в Небесных Горах, есть там такие. Крепость у него не ахти — просто пещеры, брошенные карликами, но он никого и ничего не боится. Во-первых, идти До Небесных Гор придётся через земли, ему подвластные, а во-вторых, в пещерах тех целое поселение драконов. Не сунешься.

— Эти драконы тоже воплощённые духи, как и сам Нидхёгг? — спросил Видга. Локи мотнул головой:

— Нет. Драконы как драконы. Простые крылатые ящерицы. Некоторые, между прочим, вполне приличные и вовсе не злые. Только Нидхёгта боятся как огня. Он такой...

— Так с Трудхеймом-то что? — перебил его Торир.

— Так вот, Небесные Горы — Химинбьёрг, — огромный хребет, рассекающий Междумирье на две части. От Ледяного океана с севера до Мёртвого Моря на юге. В центральной части хребта и лежит Город Драконов, и там же главный пик Небесных Гор — Имирбьёрг, начисто изнутри двергами выдолбленный. Вот как раз у самой вершины Имирбьёрга Нидхёгг себе гнездо и свил. Нижние ярусы подгорных лабиринтов пустуют, и Нидхёгг их отдал псу Гарму — там у старого маразматика свое игрушечное царство. Только все поданные — летучие мыши да крысы. А вот сверху, там, где окончание пика, дверги когда-то вырубили прямо в теле горы очень красивый замок красного камня.

Не жить, а так, для красоты. Нидхёгт двергов оттуда вышвырнул и сам поселился. Чаша Трудхейм находится в самой верхней части замка, в Красной Башне. О, там много сокровищ, ушедших когда-то из Мидгарда. Корабль Скидбладнир, к примеру. Но вся беда в том, что вам не только что в Красную Башню не пролезть, а даже подойти к подножию Имирбьёрга не удастся.

— Это почему? — удивился отец Целестин. Локи кашлянул и вытянул нижнюю губу:

— Ну войдёте вы во Врата Миров, двинетесь от них точно на запад. Через семь дней, если все будет в порядке, наткнётесь на Огненные Болота. Даже если вам удастся через них перебраться, то очутитесь в самом неприятном месте всех Трёх Миров — в Железном Лесу. В него даже я нос не сую, кстати. Ведьмочки тамошние на расправу скоры. А если представить, что вы и через Железный Лес прошли — что абсолютно невозможно, — то упрёtesесь в предгорья Имирбьёрга и в Город Драконов, что от главного пика Небесных Гор слева и справа находится. Предположим, и через него прошли — надо через подземелья Гарма наверх, к вершине, двигаться. А по пути покой Нидаётта миновать, что тоже исключено. Слуги у Черного Дракона глазастые. Вот только тогда к Красной Башне и выйдете... Так что, ребята, бросайте вы эту дурацкую затею и мотайте домой.

— Что, другого пути и нет разве? — Торир, и слышать об отступлении не желая, пропустил последние слова Локи мимо ушей. — Ты-то как там прошел?

— Есть другой путь, — согласился Локи. — Только очень дальний и трудный. Когда войдёте во Врата, как я уже говорил, прямо на западе будет горная

цепь Химинбьёрг. К югу от Врат поднимаются Сокрытые Горы, которые...

— Почему «Сокрытые»? — опять влез монах.

— Потом объясню. Так вот, северный кряж Сокрытых Гор идёт точно до Огненных Болот. По его краю болота можно миновать и выйти на равнину Болотной реки, текущей в Мёртвые Моря на юге. Перейдя реку ниже того места, где она выходит из Болот, идите точно на запад и затем вдоль отрога Химинбьёрга на север. Там будет единственный перевал, по которому можно перебраться в земли к западу от Небесных Гор. Потом точно на север. — Локи вытащил нож и выцарапал некое подобие карты на палубных досках. — Далеко слева от вас останется лес Альвхейм. Пройдёте через предгорья Красного Кряжа — там одни холмы — и двигайтесь дальше. Имирбьёрг увидите сразу. Его ни с чем спутать нельзя, настолько он велик. К западу от горы будет длинная зеленая тень. Это ясень Игдрасиль. Да-да, тот самый. — Локи заметил изумлённые взгляды слушателей. — Сами увидите. Замечательное зрелище. В общем, где-то полтора или два месяца пути. И то если все будет нормально и вы не вlipните в историю по дороге. Нидхёгт-то потомка Элендила ждёт-пождёт.

«Два туда, еще два месяца обратно, ну еще где-то месяц на всякие передряги — мало ли заблудимся, — итого почти полгода. Сейчас июнь, следовательно, можем вернуться сюда только к началу декабря. Переждём зиму и дальше?» — Отец Целестин прикидывал длительность похода и приходил к неутешительному выводу: возвращение в Вадхейм откладывалось счи-тай что на год. Ну и ну!

— А дальше что? Ну подошли мы к Имирбьёргу с запада, а затем? — Торир хотел знать все подробности.

— Понятия не имею! — Локи вскочил и начал ходить взад-вперед. — Дверги оставляли несколько выходов из Имирбьёрга, выводящих на западный склон, но их опять же нужно найти!

Маленький бог остановился и потрепал рукой бородку, словно что-то решая. Потом снова уселся перед Ториром на противоположную скамью.

— Вот что. Пусть Тор твердит, что я эгоист, но судьба Асов мне не безразлична. И в то же время желания остаться в Мидгарде в день, когда Брата Миров закроются навсегда, у меня нет никакого. Поэтому я привожу вас до... скажем, до Огненных Болот, а там видно будет. И учти, я делаю это вовсе не ради тебя, конунг. Нужны вы мне больно!

— Спасибо тебе, Лофт... — начал было Торир, но Локи только губы поджал и спросил, перебивая:

— Кого с собой брать будете? Ты учти, что всем в Междумирье идти никак нельзя. Там не числом, а умением брать надо. К тому же большой отряд заметят скорее.

Торир задумался:

— Ну я с Видгой, отец Целестин, конечно...

— Думаю, что Гуннар нам бы пригодился, — неожиданно для самого себя брякнул монах и тут же увидел, как Локи передернуло. Однако бог промолчал, не сказав ни слова против.

— Сигню надо взять, — напомнил Видга. — Чего ее тут бросать?

Торир, поразмыслив, кивнул. И верно, ос-

тавлять девчонку одну в чисто мужской компании не следует. А так хоть под присмотром будет.

— Может быть, Снорри или Олафа взять? — предложил отец Целестин, но Торир хлопнул себя по лбу, сказав:

— Э, нет. Лошадей-то у нас всего шесть. Как раз и получается: мы втроём, Сигню, Гуннар и почтенный Локи.

— Хвала Асгарду, хоть не на своих ногах опять топать, — скривив рот в подобии улыбки, заметил Локи. — Тогда вот что: сейчас уже светает, я ваших красавцев разбужу, а сам уйду. Все прочие подробности по дороге, время сейчас дорого. За утро собирайтесь, берите лошадей и в полдень ждите меня у ворот поселения.

— А дикари?! — воскликнул отец Целестин. — А Вендиго?

— О, они днём вас не потревожат. Вендиго по крайней мере. Его время — ночь. Хуже то, что к Бретам через него, можно сказать, вотчину придётся идти. Ну да ладно. Разберёмся, если что...

— А нашим что делать? — спросил Видга. — Как с кораблём и дружиной быть?

Настал черёд Локи погрузиться в размышления. Наконец он просиял:

— Так ведь у Хейдрека не один Поселок был, а три! Тот, где его младший сын Атл правит, — цел и невредим. Наведывался я к нему за время, пока вас поджидал. Я уж постараюсь сделать так, чтобы их приняли, это совсем не трудно. К тому же в те края Вендиго, считай, не заходит.

Решение было принято. Локи кратенько

поколдовал, поднявшись на носовую палубу кнорра, и когда дружинники зашевелились, помахал Ториру и остальным рукой.

— В подень! — напомнил он, развернулся и, сложив руки над головой, сиганул с корабля в воду. Отец Целестин успел заметить, что в момент, когда бог прикоснулся к волнам, его тело мгновенно сменило облик и теперь вместо человека Локи стал лососем впечатляющих размеров. Рыбина вильнула хвостом и скрылась из глаз.

«Вот это да! Незаменимый проводник. Кажется, наши дела пошли лучше. Глядишь, и выйдет у нас Трудхейм добыть!» — У монаха настроение резко поднялось. Оточных переживаний не осталось и следа.

Пробудившиеся люди окружили конунга. Для большей части дружины все случившееся стало предметом очень бурного обсуждения, и уже послышались голоса, выступавшие за то, чтобы повернуть назад. Конунг молча выслушал напуганных хирдманнов, а затем взобрался на корму и поднял руку. Люди притихли, ожидая, что он скажет.

Торир понимал: если сейчас не рассказать все или почти все, то последствия предсказать будет невозможно. Не раз бывало, что взбунтовавшаяся дружина выбирала нового конунга, если прежний чем-то не устраивал тинг. Торир видел, что людям последняя ночь дала недёшево, — еще бы, в Норвегии о таких страшных созданиях, как Вендиго, не слышали уже многие столетия. И вадхеймцы считают, что здесь их не ждёт ничего, кроме гибели, ненужной и бесполезной. Вовать можно с врагом, у которого такой же меч или топор, как у тебя, с таким же человеком, но не с ги-

гантским чудовищем, словно вышедшим из самых древних и тёмных легенд о конце мира и гибели богов.

Торир говорил долго, тщательно подбирая слова и стараясь не открыть ничего лишнего.

Дружина молча выслушивала повесть о встрече с Одином, снах отца Целестина, которому пришлось показать не пригодившуюся пока бересту Тора. О появлении Локи, о том, как морское воинство Ньёрда пришло на помощь в самую последнюю минуту.

— Я и со мной еще четверо идём в глубину западной земли искать то, что издревле принадлежит моему роду! — продолжал конунг. — И меня не остановит никто и ничто. Никому из вас не нужно следовать за мной, и поэтому вы отправитесь на юг, вдоль берега. В одном-двух днях пути можно отыскать поселение Атли, сына Хейдрека, где вы остановитесь и будете ждать нашего возвращения. Может быть, долго. Если я не приду туда к концу следующей зимы, Олаф поведёт вас обратно, домой. И помните, боги не оставят вас!

И, словно доказывая его слова, над головой конунга пронёсся большой белый лебедь. Птица сделала над кораблём несколько кругов и, хрипло крикнув, унеслась в сторону земли. Гуннар проводил ее недоверенным взглядом и потеребил белое перо, укреплённое на шлеме.

— Теперь к берегу! — приказал не допускающим возражений тоном конунг. — Я должен покинуть корабль сегодня.

Дружинники, тихо переговариваясь, разошлись. Общее мнение выразил Эйрик:

— Мы сделаем все, что скажешь, Торир. Но будет плохо, если в Вадхейм мы вернёмся без тебя.

— На все воля Асов, — ответил конунг.

В который уже раз весла погрузились в воду, и кнорр, сопровождаемый криками мечущихся в сером утреннем небе чаек, заскользил к пристани.

Гуннар и Сигню восприняли предложение Торира отправиться вместе с ним как нечто само собой разумеющееся и тотчас начали собираться. Белый кот неотвязно ходил за Сигнью, и она чуть не плакала оттого, что найденного в мёртвом поселке зверя придётся оставить на корабле. Взять кота с собой не было никакой возможности. Гуннар неторопливо засунул в дорожную суму теплую одежду и еды на две седмицы, взял с разрешения Торира вместо своего старого меча два боевых топора из оружейного запаса, и на том его сборы закончились.

Пока выводили с корабля застоявшихся лошадей, отец Целестин осмотрел корабельную стоянку, на которой произошли за ночь некоторые изменения. К счастью, на многочисленных, еще не остывших кострищах не нашлось следов того, что было в крепости Хейдрека, но монахи людоеды нынче мало интересовали. Святой отец получил возможность убедиться в реальности существования Духа Лесов, ибо какое-то время считал Вендиго чем-то вроде бестелесного призрака, только лишь принявшего зрителю форму.

Монах понял, что ошибался. С чувством изумления и лёгкого ужаса отец Целестин разглядывал недостроенный драккар, чей левый борт был разворо-

чен огромной ступней, глубокие вмятины следов на месте, где стоял Вендиго, поломанные деревья в лесу, которые он отталкивал руками. А что будет, когда придётся столкнуться с Духом Лесов лицом к лицу? Тут, как в случае с ётунами, святая вода, должно быть, не спасёт. Вода?!

«А когда Звезда Сил стоит в зените, достаточно налить в Чашу Трудхейм воды, взятой из моря, ибо волны его омывают все миры и земли, и когда лучи светила напоят ее собой, следует окунуть в Чашу любой меч, и он разрубит проход в том мир, в который пожелаешь...»

Так ведь говорил Один?

— Какой же я дурак! — простонал отец Целестин уже на бегу к ладье. — И Торир с Видгой хороши! Ведь стоит нам добраться до Часи, как мы можем в один момент оказаться где угодно! Даже в Вадхейме! Торир, Торир, слушай, что скажу!..

— ...И ведь верно. — Конунг в изумлении поднял брови, когда монах с пятого на десятое изъяснил ему свои мысли. — Как же мы раньше не сообразили?

Фляга, доверху наполненная морской водой, была тщательно запечатана, и отец Целестин засунул ее на самое дно мешка со своими пожитками. В глазах святого отца этот скромный сосуд превратился в ценность, которую следовало беречь пуще глаза.

На лошадей увязали переметные сумы с припасами, покрыли их спины попонами-седлами. Торир и Видга с Гуннаром проверили и перепроверили каждую деталь вооружения — железом нагрузиться пришлось изрядно, только конунг, не признававший колчуги, по-прежнему был одет в старую проклёнанную

кожаную куртку. Отец Целестин, подсознательно подражая истинным святым, взял с собой только неизменный мешок, как и встарь. Скромность украшает.

Как монах ни протестовал, Сигню облачилась в мужскую одежду взамен щитой ею за время плавания из подручных материалов юбки, да еще вдобавок выпросила у Снорри его броню. Парень, помявшиесь некоторое время, все же уступил настойчивым просьбам красавицы, и теперь духовная дочь отца Целестина щеголяла в немного великоватой ей безрукавке с нашитыми железными пластинами.

Солнце, скрытое тонкой пеленой облаков, размытым жёлтым пятном взбиралось все выше. Наступило время прощания.

Дружинники гурьбой высыпали на широкие мостки. Торир обнялся с Олафом, поклонился остальным, и вадхеймцы ответили тем же своему конунгу. Видгу, Гуннара и отца Целестина долго хлопали по плечу, желали доброго пути, отпускали беззлобные шутки в адрес вырядившейся как на битву Сигнию — «наша валькирия». Наконец Олаф велел подниматься на корабль, и «Звезда Запада» медленно, словно нехотя, стала отползать в море. С ладыи еще что-то кричали, махали руками, когда белый кот неожиданно взлетел на верхушку кормового оконечья, распрямился как пружина и прыгнул на удаляющиеся доски пристани. Сигнию ойкнула и прижала ко рту ладонь, но кот успел вонзить коготки передних лап в дерево мостков, оттолкнулся задними, и вот он уже сидит позади своей новой хозяйки на спине лошади, крепко вцепившись в серую попону.

— Он выбрал, — только и сказал конунг, глядя на зверя.

«Звезда Запада» уменьшалась, уходя вдаль. Было видно, как убрали весла и бело-синий парус пополз вниз, едва трепеща на ветру.

Отец Целестин безучастно наблюдал, как увязывают нижние углы полотнища, как бросает на воду блики света шлем стоящего у руля Олафа. Вот и кончилось многодневное плавание, и сейчас ты стоишь на земле, где еще никогда не бывал европеец-христианин.

Зачем ты рвался к этим неизвестным землям, где еще живут древние создания, где обитают дикие, не знающие Божия слова племена? Не знаешь... И вот прямо сейчас начинается новый, полный неожиданностей и сюрпризов путь незнамо куда, в какой-то другой мир, не известный доселе никому из смертных. Ты встретил множество созданий, в бытие которых не верил, считая их плодом воображения варварских народов, но ответь, поколебались ли твои убеждения, которые пронесены через годы и годы странствий? Тоже нет ответа. Зачем идешь вслед за теми, кого судьба зовет в Неведомое? И главное — почему именно ты, а не кто иной? Что за жребий тебе выпал, брат Целестин?

Они еще долго смотрели за тем, как белое пятнышко уходит на юг, растворяясь в изумрудно-лазурном пространстве океана. Забыв об осторожности, о, возможно, бродящих неподалёку недругах, пятеро людей, связанные единой целью крепче самых близких кровных уз, провожали свой корабль до поры, пока он не превратился в почти неразличимую точку, а затем и исчез из виду.

Торир, потянув поводья, развернул коня.
— Ну, вперед. Пусть нас направит Один!
Копыта лошадей ударили по траве, и
вскоре маленькая гавань осталась далеко за спи-
ной. Резвая рысь сменилась галопом — хотелось
миновать прибрежный лес как можно скорее,
тем более что Локи уже должен ждать возле мёртвой
деревни. Строй сосен закончился на удивление скоро.
Тёмный частокол вынырнул из редколесья, за которым
разлилось широкое зеленое поле, усеянное пятнами
летних цветов.

Локи сидел привалившись к бревну справа от
пролома в воротах и скучающе жевал травинку. Увидев
 всадников, он даже не пошевелился, только поднял гла-
за на Торира.

— Долго же вы, — недовольно проворчал он. —
Ну что, готовы?

— Да, Лофт, — Торир спрыгнул с коня и подо-
шел к богу, — все сделали, как ты велел. Мы можем
ехать, вот твоя лошадь.

Локи наконец поднялся, отряхнул штаны и кри-
тически осмотрел предоставленного скакуна:

— Не хромой, и то ладно. — Несмотря на свой
небольшой рост, он легко вскочил в седло. — Давайте
все за мной!

Локи сразу направил коня через луг, к дальнему
лесу. Все остальные, переглянувшись, последовали за
ним, стараясь не отставать. Сигню пожирала глазами
бога Асгарда — она впервые столкнулась с настоящим
воплощённым духом лицом к лицу и даже несколько
разочаровалась. Ждала здорового, высокого красавца, а
тут какой-то худенький низкорослый мужичок с

клочковатой бородкой и залысинами. Одно слово — Локи...

Гуннар, к слову, с Лофтом даже не поздравился, демонстративно отвернувшись от былого соперника в делах амурных. Ныне германца занимала одна мысль: кем был тот лебедь, что появился над кораблём утром? Уж не Гёндуль ли?

На самом же деле Локи оказался совсем неплохим попутчиком, и отец Целестин начал подозревать, что его высокомерие и язвительность больше показные. Локи уверенно вёл отряд через лес, отыскивая дорогу по ему одному известным признакам, и даже как-то предложил отдохнуть, справившись, не устал ли кто за время пути, особенно доблестная девица, решившаяся на столь опасное путешествие. Сигню ответила, что во все не устала, да и другим тоже езда пока не надоела — лес редкий, ровный. Это тебе не по зарослям пробираться или на горы карабкаться.

— Ну и славно! — пожал плечами Локи. — Тогда самое время рассказать, куда едем и что ищем.

Он пустил лошадь шагом и подождал, пока Торир и отец Целестин проедут чуть вперед, чтобы удобнее было разговаривать.

— Скоро мы выйдем к устью реки, текущей с севера, — объявил Локи. — Сегодня к вечеру, наверно, пройдём по ее берегу к заболоченной низине и там заночуем. Не хочу вас пугать, но леса здешние только на первый взгляд так красивы и безобидны. Возле болот самые опасные места начинаются — племена, в этих краях живущие, называют их Лесом Призраков. Там-то логово Вендиго и есть, как раз на пути ко Вратам.

Поэтому ночью затаимся, а утром, как рассветет,
Лес Призраков, а вот за ним... — Лофт многозна-
чительно замолчал.

— Что? Что там? — нетерпеливо заёрзal в
седле монах.

— За ними и лежат Врата Миров. Возле
них мы должны быть завтра вечером.

— А на что они похожи? — откуда-то сзади
донёсся голос Видгу, жадно ловившего каждое слово.

— Представь себе, что в лесу лежит огромная,
окружённая со всех сторон холмами поляна, — загадоч-
ным тоном сказал Локи. — Прямо в ее центре в небеса
вонзается красная гранитная скала, словно расколотая
надвое. Между двумя ее половинами — проход. Очень
неширокий, кстати. И вот в час, когда Звезда Сил ока-
жется между двух зубов скалы, тому, кто собирается
войти в Мир Соседний, нужно идти прямо на ее свет,
через расселину. На половине пути от одного края ска-
лы до другого ты исчезнешь из этого мира и окажешься
в Междумирье..

— На сказку похоже, — ляпнул отец Целестин.

— На сказку? — вскипал Локи. — А если я тебе
скажу, что когда-то, когда и Рим твой заложен еще не
был, а предки его цезарей ходили в звериных шкурах,
обе половины скалы стояли у самых краев поля и во
Врата можно было войти в любое время, когда на запа-
де сияла Звезда Сил? Что оба камня вот уже многие сто-
летия сближаются, и, когда они сойдутся вместе, про-
ход в соседний мир закроется навсегда? Как бы тебе,
между прочим, еще прописнуть свой зад в оставшуюся
щель! Не думаю, что она настолько широка!

— А если будут облака, как мы узнаем, ко-

гда входит? — Торир поспешил остановить внезапно осерчавшего Локи новым вопросом.

— Облаков не будет, — твёрдо ответил тот. — Гендуль с сестричками постарается. И кстати, не забудьте, что в Дверь можно войти только с востока. Только тогда Сила Врат сможет пропустить вас через границу. Звезда Сил должна светить вам в лицо. Пойдёте с другой стороны — ничего не выйдет.

При одном упоминании имени прекрасной валькирии Гуннар зазевался, и тотчас последовало наказание в виде хлестнувшей по глазам ветки. Сзади донеслась яростная рухань и проклятия, отвлекшие от разговора. Когда Гуннар утихомирился, впереди и чуть справа сверкнули под выгляднувшим солнцем воды реки.

Ближе к воде с лошадьми было не подобраться. Низкий, подтопленный берег зарос густым ивняком и осокой, поэтому Локи решил не тащиться через бурелом, а оставить реку в четверти лиги справа и двигаться на север по сухому лесу. Все, конечно, с ним согласились.

За день, к великой радости всегда настроенного на худшее отца Целестина, не произошло ничего из ряда вон выходящего. Людей не встретили — Локи сказал, что чтушие Вендиго людоеды стараются даже близко не подходить к Лесу Призраков. Их стоянки находятся далеко отсюда к югу и западу. Все чащё вместо сосен стали попадаться невероятно высокие и пушистые ели, появились и берёзы. Дурными голосами орали в лесу птицы, а ближе к вечеру, на устроенном кратком привале, Локи вдруг вскочил и указал рукой в сторону видневшейся неподалёку прогалины:

— Поглядите, как хорош, а?

Совсем рядом с развалившимися на траве и усердно жующими людьми стоял лось, да такой громадный, что европейские сородичи, встречавшиеся в норвежских лесах, устыдились бы при виде гиганта с запада.

Тёмно-коричневая шкура напоминала лучший персидский бархат, под чашей необъятных рогов несколько человек могли запросто укрыться от самого проливного дождя, а мяса наверняка хватило бы для роскошного пира всей вадхеймской дружины. Гунндар достал было лук, но Видга остановил охотничий порыв германца:

— Зачем? Дichi еще настреляем к вечеру. Вон птиц сколько!

Длинный лосиный язык с изысканной бережностью обвил свисающую березовую ветку, снял с неё зеленые листочки, и челюсть лесного исполина задвигалась вправо-влево. Лось еще немного постоял рядом, меланхолично глядя маленькими глазками на странных безрогих созданий, затем вильнул хвостом и с достоинством, присущим только христианским королям, удалился в кусты, предварительно уронив на сухие прошлогодние листья несколько идеально круглых шариков.

— Похоже, он составил о нас дурное мнение, — сострил Локи. — Поднимайтесь, надо двигаться дальше.

К вечеру, как и было предсказано, лес начал заболачиваться. Приходилось брать все больше влево, обходя топкие, заросшие ольхой места. Едва наползли сумерки, Локи остановился, потянул длинным носом воздух и сказал:

— Все. Дальше нужно идти в сторону от

реки, на запад. Заночуем здесь, если не хотите бродить в темноте по местам, где Вендиго и его свита гуляют.

Едва Лофт упомянул Вендиго, как у отца Целестина все внутри перевернулось. Захотелось найти медвежью берлогу и спрятаться в ней, зарывшись как можно глубже. Лучше уж ночевать вместе с медведем.

Лошадей привязали к тонкой невысокой сосенке, сняв мешки с провизией и одеждой. Гуннар мигом нарубил дров для костра, а Видга и Сигню пошли пострелять птиц на ужин. Кот, весь день безропотно просидевший за спиной у девушки, отправился вместе с ними.

— Не уходите далеко! — предупредил Локи. — Если до темноты не вернётесь назад — считай что пропали. Края здесь неспокойные.

Далеко забираться не пришлось. Совсем рядом с окружённой елями полянкой, выбранной для ночлега, Видга добыл четырёх крупных, похожих на куропаток птиц, и Сигню сразу же принялась их ощипывать, усевшись возле разведённого огня.

— Ну а я приму еще кой-какие меры против возможного нападения, — прошёдил сквозь зубы Локи и вытащил из ножен длинный, покрытый рунами нож. Обойдя поляну, он старательно вычертил остиём круг, внутри которого оказались и люди, и их скакуны.

— За круг выходить не смейте! — строго сказал Локи, закончив и произнеся шёпотом какие-то заклятия. — Вендиго моя защита, конечно, не остановит, но вот духов послабее или отпугнет, или обманет.

Поужинали в молчании. Свежее мясо по-

казалось людям необыкновенно вкусным после долгих седмиц на корабле, где питаться приходилось в основном сущеной или солёной рыбой и пlesenевеющими лепешками, лишь изредка позволяя себе горячее. К тому же у запасливого святого отца нашлась в мешке соль.

— Ну вы ложитесь, а я посижу тут... — Локи выглядел свежим и бодрым, словно не было утомительного даже для силача Торира перехода. От предложения конунга сторожить по очереди Локи отказался наотрез:

— Тут, если что, нужны силы не вашим чета. Спите!

Пока остальные устраивались, он замотал тряпками морды лошадям, чтобы не заржали внезапно, и, вернувшись, сел к угасающему огню. Ночь вступила в свои полные права.

Отец Целестин, стараясь не обращать внимания на ломоту в теле, завернулся в плащ и улёгся возле трухлявого елового пня. Первый день пути дался ему нелегко, хотя виду монах и не показывал. С его-то добротностью на лошади с утра, и считай до вечера! Непривычно. Уже сквозь полуодрему он слышал какие-то странные звуки в лесу, пару раз поднимал голову посмотреть, но Локи по-прежнему в расслабленной позе сидел около костра, изредка помешивая палкой угли и подбрасывая новые веточки. Ну, если бог из рода Асов спокоен, то и нам волноваться незачем. А вот завтра...

Да, грядущий день решит все.

Конец первой части

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В руки твои, Господи! (лат).

² Ты кто такой? (стародатский)

³ Я тебя не понимаю. Я — норвежец! Выходи!
(стародатский)

⁴ Ст. Эdda. Пророчество вельвы. Страна 5

⁵ Матфей 6, 7. (Дословно: «А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны»)

⁶ «Чрез Христа, со Христом и во Христе» (лат.)

⁷ Римлянам. 2,23

⁸ Ст. Эdda. Речи Гримнира. Страна 4.

⁹ Ст. Эdda. Перебранка Локи. Страна 26.

¹⁰ Ст. Эdda. Речи Сидгривы. Страна 5.

¹¹ Руна «науд» — «нужда». Баллы — кельты. Арвак и Альсвинн — имена коней, тянувших солнце, «Ранний» и «Быстрый».

¹² Послание Иакова. 4. 16.

¹³ Второзаконие 18. 16 — 17

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЛЕДНИК ЭЛЕНДИЛА

Андрей Мартынов

А. Баркова. О романе Андрея Мартынова	5
От автора	19
Пролог.....	24
Глава 1. Отец Целестин	32
Глава 2. Видга	62
Глава 3. Речи Хельги	95
Глава 4. Белая гроза	126
Глава 5. Попутный ветер	159
Глава 6. Гуннар.....	192
Глава 7. Речи Одина	232
Глава 8. Страна огня	264
Глава 9. За океаном	298
Глава 10. Дух леса	334
Примечания.....	375

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны»
«Капитул Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2004 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман новой трилогии — «БАТЛЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ

СЕРИИ

СЕРИЯ
"ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофе-ра Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дун-кана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

ХОНАН КОЛУБ

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

МИР ИЕРО

стерлинга ланье

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПРО ПРЕСС»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЕРО
ИЕРО НЕ ЗАСЫПЬ
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
СЛУГИ ТЬМЫ
ХОЗЯИН ТУМАНА
БРАТСТВО СВЕТА
ВЕЛИКИЙ ПОХОД

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около **50 издательств** и редакционно-издательских
объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000**
названий книг самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Берtrand Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дацкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издаваемой группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65–66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Мартынов Андрей

Наследник Элендила

Роман

Художественный редактор *О. Адашкина*

Компьютерный дизайн: *С. Шумилин*

Шрифтовой дизайн: *Д. Вяжемский*

Компьютерная верстка: *Л. Андреева*

Технический редактор *В. Успенский*

Корректор *Н. Ушинская*

Общероссийский классификатор продукции

• ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Вселенная Арды не исчезла
бесследно со сменой эпох,
и следы ее можно отыскать
повсюду. Герою романа
«Наследник Элендила», монаху
Целестину, предстоит убедиться
в этом на собственном опыте, когда
он поневоле сведет знакомство
с викингами-язычниками, ближе
узнает их мир, обычай и легенды.

ISBN 5-17-022079-0

9 785170 220793